

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2019 / № 6

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 10.02.04 – Германские языки; 10.02.05 – Романские языки; 10.02.19 – Теория языка; 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philology: 10.02.04 – Germanic languages; 10.02.05 – Romanic languages; 10.02.19 – Theory of the language; 10.02.20 – Comparative-historical typological and contrastive linguistics.

ISSN 2072-8379 (print)

2019 / № 6

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика»:
Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Ощепкова В. В. – д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Жирова И. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О. И. – д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Гринев-Гриневиц С. В. – д. филол. н., проф., Университет в Белостоке (Польша)

Епифанцева Н. Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Карпова О. М. – д. филол. н., проф., Ивановский государственный университет

Коста Петер – доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Германия)

Латышев Л. К. – д. филол. н., проф., МГОУ

Левченко М. Н. – д. филол. н., проф., МГОУ

Маслова В. А. – д. филол. н., проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь)

Николаева О. В. – д. филол. н., доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

Носович Я.-Ф. М. – д. филол. н., проф., Лингвистическая высшая школа в Варшаве (Польша)

Олянич А. В. – д. филол. н., проф., Волгоградский государственный аграрный университет

Пан Кё Ён – д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Пешкова Н. П. – д. филол. н., проф., Башкирский государственный университет

Прошина З. Г. – д. филол. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Скуратов И. В. – д. филол. н., доц., МГОУ

Стернин И. А. – д. филол. н., проф., Воронежский государственный университет

Туголукова Г. И. – к. филол. н., проф., МГОУ

Филиппова И. Н. – д. филол. н., доц., МГОУ

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» – печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединённому каталогу «Пресса России» 40713

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 6. – 110 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic»:
Moscow Region State University

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

N.G. Yepifantseva – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bialystok University (Poland);

O.M. Karpova – PhD in Philological Sciences, Professor, Ivanovo State University;

Kosta Peter – Professor Dr. phil. Habil, University of Potsdam (Germany)

L.K. Latyshev – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

M.N. Levchenko – Doctor in Philological Sciences, Professor, MRSU;

V.A. Maslova – PhD in Philological Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Republic of Belarus;

O.V. Nikolaeva – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok);

J.F. Nosowicz – PhD in Philological Sciences, Professor, Warsaw School of Applied Linguistics (Poland);

A.V. Olyanich – Doctor in Philological Sciences, Professor, Volgograd State Agrarian University;

Pang Gyo-Youn – Doctor in Philological Sciences, Professor, Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N.P. Peshkova – Doctor in Philological Sciences, Professor, Bashkir State University;

Z.G. Proshina – Doctor in Philological Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

Cecil L. Nelson – Doctor of Linguistics, Indiana State University (Terre Haute, Indiana, USA);

I.V. Skuratov – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU;

J.A. Sternin – Doctor in Philological Sciences, Professor, Voronezh State University;

G.I. Tugolukova – PhD in Philological Sciences, Professor, MRSU;

I.N. Filippova – Doctor in Philological Sciences, Associate Professor, MRSU

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistic" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73342.

Index of the series «Linguistics» according to the Union catalog «Press of Russia» 40713

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY). The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2019. – № 6. – 110 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Блох М. Я., Любимова Е. А. СЕНТЕНЦИЯ И МАКСИМА КАК ЯДЕРНЫЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКИХ ПРОПОВЕДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ, ОТРАЖЁННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XX ВЕКА)	6
Едличко А. И., Мишнова А. В. ТЕРМИНЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И СПОСОБЫ ФИКСАЦИИ	15
Лукьянова В. С., Колоскова О. А. ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ДЕТСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ.	27
Мозесон А. Ю. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕТАМОДЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРСОНАЖА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА	35

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Воронина Л. В., Скокова Т. Н. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ	41
Лысенкова Е. Л., Ковынева Е. А. СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ Р. М. РИЛЬКЕ И Э. М. РЕМАРКА КАК КОГЕРЕНТНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	50
Первак Т. В. ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЙ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ	59
Федотова А. Е. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО МОРСКОГО ПРАВА	68
Чикало Н. А. АРХАИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА О ЗДОРОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)	74

РАЗДЕЛ III. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Рзазаде Г. Ч. МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ И ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ НЕУДАЧ В ВОПРОСАХ	86
Сенченкова М. В. АКЦЕНТУАЦИЯ, ВОКАЛИЗМ, КОНСОНАНТИЗМ. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	92
Ши Лэй, Чжао Чжицян. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКА И ПРАВА С ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.	97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Максименко О. И., Евграфова Ю. А. НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.04.	106
--	-----

CONTENTS

SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

- M. Blokh, E. Lyubimova.** MAXIM AS A KERNEL OF A CHRISTIAN SERMON (ON THE MATERIALS OF THE SERMONS REPRESENTED IN THE 20TH CENTURY ENGLISH-LANGUAGE FICTION) 6
- A. Edlichko, A. Mishnova.** LANGUAGE TEACHING TERMS: FUNCTIONAL ASPECTS AND LEXICOGRAPHIC FIXATION 15
- V. Lukyanova, O. Koloskova.** PRAGMATIC FUNCTIONS OF ECONOMIC TERMS IN ANIMATED MOVIES FOR CHILDREN 27
- A. Mosesohn.** LINGUISTIC MEANS OF METAMODELLING A FICTIONAL CHARACTER IN CRITICAL PUBLICATIONS OF THE XX–BEGINNING OF THE XXI CENTURY 35

SECTION II. GERMAN LANGUAGES

- L. Voronina, T. Skokova.** THE CONCEPTUAL MODEL OF THE RECONSTRUCTION OF MEANING IN THE AUTHOR'S DISCOURSE 41
- E. Lysenkova, E. Kovyneva.** R. M. RILKE'S AND E. M. REMARQUE'S PROSE POEMS AS COHERENT ARTISTIC PHENOMENA (LINGVOSTYLISTIC ASPECT) 50
- T. Pervak.** TYPOLOGY AND FUNCTIONING OF BIBLICAL ALLUSIONS IN THE ASPECT OF THE LANGUAGE GAME 59
- A. Fedotova.** BORROWINGS IN ENGLISH MARITIME LAW TERMINOLOGY 68
- N. A. Chikalo.** THE ARCHAIC HUMAN PERCEPTIONS OF HEALTH (THE OLD GERMANIC LANGUAGES EVIDENCE) 74

SECTION III. COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

- G. Rzazade.** CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND THE CAUSES OF COMMUNICATION SOCIO-LINGUISTIC FAILURES IN QUESTIONS 86
- M. Senchenkova.** ACCENTUATION, VOCALISM AND CONSONANTISM: SIMILARITIES AND DIFFERENCE IN FRENCH AND RUSSIAN 92
- Shi Lei, Zhao Zhiqiang.** THE QUESTION OF THE INTERACTION OF LANGUAGE AND LAW FROM A JURIDICAL POINT OF VIEW 97

SCIENTIFIC LIFE

- O. Maksimenko, Yu. Evgrafova.** SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL D 212.155.04. . 106

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 8, 81 (Языкознание, германские языки)
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-6-14

СЕНТЕНЦИЯ И МАКСИМА КАК ЯДЕРНЫЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКИХ ПРОПОВЕДЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОПОВЕДЕЙ, ОТРАЖЁННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XX ВЕКА)

Блох М. Я., Любимова Е. А.

*Московский педагогический государственный университет
119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Цель исследования – структурный анализ афоризации христианской проповеди, отражённой в современном английском художественном тексте. Основное содержание исследования составляет анализ феномена духовного послания (гомилии), которое рассматривается в качестве основного жанра религиозной коммуникации. Проведённый анализ показал, что афоризация высказывания (диктемы) в речи героя-священнослужителя (афоризмы, сентенции, максимы) выступает в виде действенного стилистического приёма. Подобные высказывания становятся изречениями, представляющими собой квинтэссенции гомилий. Авторами предложено структурно-семантическое разбиение этих изречений.

Ключевые слова: афоризм, сентенция, максима, диктема, проповедь (гомилия)

MAXIM AS A KERNEL OF A CHRISTIAN SERMON (STUDY OF THE SERMONS REPRESENTED IN THE 20TH CENTURY ENGLISH-LANGUAGE FICTION)

M. Blokh, E. Lyubimova

*Moscow State Pedagogical University
1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is a structural analysis of the literary presentation of the homily, which is the main genre of religious communication. The research demonstrates that the kernel of spiritual message is formed by aphorization falling into the two main semantic and syntactic units, namely an aphorism and maxim. Aphorism tersely suggests a wise idea, maxim tersely expresses morally instructive idea. Both types of statements in the context of the corresponding God-inspired utterances serve as a powerful stylistic device. The research is concluded by a suggested typology of the shown aphorized statements.

Keywords: aphorism, sententia, maxim, dicteme (utterance), sermon (homily)

Афоризм представляет собой широко употребительное и яркое выразительное средство языка. Афоризм – это отточенная форма высказывания, и его разновидности, такие как изречения, максимы и сентенции, широко используются философами, публичными ораторами, политиками и священнослужителями [6, р. 368]. Писатели-прозаики и поэты обращаются к этому способу выражения мудрых мыслей для усиления выразительности текста. Наиболее впечатляющие из таких высказываний входят в язык как крылатые слова [3, с. 66]¹.

В то же время композиционно-семантические и стилистические особенности афористических изречений недостаточно изучены. Настоящее исследование восполняет этот пробел и предлагает анализ диктменного строения афористического текста.

Уточним определения перечисленных понятий и различия между ними.

Под афоризмом (от греч. *aphorismos*) понимается краткое изречение, содержащее в себе законченную мысль, философскую или житейскую мудрость, обобщающий смысл явлений, поучительный вывод². Иными словами, это мысль автора, отличающаяся выразительностью и, в некоторой степени, неожиданностью суждения. Уточним, что форма афористического высказывания всегда выразительна и лаконична и обычно включает некоторый художественный приём – параллелизм, метафору, антитезу, гиперболу.

Сентенция (от лат. *sententia* – «мнение», «суждение»), представляющая собой вид афоризма – общезначимое изречение, преимущественно морального содержания с глаголом в изъявительной или повелительной форме³.

Другая разновидность афоризма, максима (от лат. *maxima regula (sententia)* – «высший принцип»), отличается от него нравоучительным содержанием⁴. Изречение-максима обычно выражено в констатирующей форме и может быть обращено само к себе.

Мы не можем не упомянуть такое явление, как пословица. Будучи плодом народного творчества, пословицы, в отличие от индивидуально-авторских изречений, занимают отдельное место в общем ряду афористических высказываний [4, с. 9]. Литераторы охотно используют пословицы как экономное средство выражения мысли в «простых словах» и способ приблизиться к читателю.

Можно утверждать, что все рассматриваемые типы афористических изречений так или иначе формируют нравственно-житейские правила и объединяют их с авторским видением событий.

Рассматриваемые нами типы афоризмов являются особенностями «имагинального» (художественно-эстетического) языка, который вбирает в себя самобытные образцы «витального» (обиходного) языка. Основная характеристика имажинального языка – «выразительный контраст», лежащий в основе многочисленных художественных приёмов-тропов и фигур речи. Именно эта особенность и превращает просто образную речь в речь художественную [2, с. 7].

Ритмический и композиционный вектор художественного произведения создаётся с помощью минимальных топикальных тематических языковых единиц – диктем. Эти строевые элементы позволяют осуществлять смысловое членение и гармоничное примыкание частей друг к другу [1, с. 59]. В процессе диктменного развёртывания писатель наилучшим образом komponует речевые фрагменты, уравнивая их и сочетая с композиционно-идейным стержнем. Авторские изречения-сентенции, максимы, афориз-

¹ См., например: Partridge E. A Dictionary of Catch Phrases. London: Routledge, 1977. P. 32.

² См.: Афоризм [Электронный ресурс] // Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред., сост. А. Н. Николюкин. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entsiklopediya_terminov_i_ponyatiy_2001.pdf (дата обращения: 18.07.2019).

³ См.: Сентенция [Там же].

⁴ См.: максима [Там же].

мы служат смысловыми доминантами, т. е. краткими, но ёмкими эстетически оформленными воззрениями автора-творца.

Подкрепим наши рассуждения анализом текстов англоязычных литературных произведений XX в., в которых действуют персонажи-священнослужители. В этих произведениях есть проповеднические послания, транслирующие взгляды их авторов на происходящие события и помогающие читателю духовно осмыслить их.

Отметим, что обращение писателей прошлого столетия к религиозной тематике объясняется противоречивостью социо-политических процессов этого времени [5, с. 102]. Конфликты, приведшие к двум мировым войнам, способствовали формированию новой культурной традиции, что нашло отражение в литературе.

Художники слова часто делали главным героем произведения священнослужителя или члена монашеской общины. При этом, в литературе сформировались неординарные образы служителей культа с определёнными коммуникативными характеристиками. «Художественная проповедь», т. е. религиозное назидательное послание героя или персонажа-церковника, становится существенным атрибутом духовной прозы. Действительно, красноречивый проповедник привлечёт внимание, направит мысли и повлияет на чувства прихожан и коллег, в то время как косноязычный и необразованный пастор только отобьёт желание ходить в храм. Само явление гомилии (проповеди) представляет собой текст особого системно-структурного характера, усиленно воздействующего на личность, поскольку катехизатор, общаясь с паствой, имеет дело с духовными чувствами людей.

Существует несколько видов гомилий и их классификаций (по форме, содержанию, числу участников коммуникации, по времени действия). В пространстве художественного слова речь проповедни-

ка представляет собой смешение разных видов наставлений. Рассмотрим такую речь при помощи диктемно-парадигматического и диктемно-стилистического анализа.

Диктемный подход к изучению художественного слова помогает очертить и превратить анализ текста в многостороннее исследование грамматики языка. При этом изучение семантики авторской афоризации духовных посланий в литературном произведении – это выявление авторского взгляда на морально-этические проблемы, а рассмотрение прагматики – это структурный анализ изречения, в котором заключена ключевая идея всего назидания.

В качестве текстового материала лингвистического наблюдения мы используем произведения «писателей-сейсмографов» XX в.: Грэма Грина, Арчибальда Кронина, Кэтрин Халм и драматурга Джона Патрика Шенли.

Рассмотрим речи героя произведения Грэма Грина «Сила и Слава» (“The Power and the Glory”) «безымянного падре». Он немногословен. Действие романа происходит в революционной Мексике, где падре вынужден скрываться от полиции, преследующей служителей церкви, но не пренебрегает своими обязанностями перед прихожанами. Его наставления состоят подчас из одного или нескольких предложений, которые он произносит перед тем, как снова скрыться: *“You don’t need to be a priest to know a prayer”*¹ – *«Молитвы знают не только священники»*². Так, святой отец во время дорожной беседы, которую тоже можно назвать проповедью, подчёркивает необходимость молитвы для каждого человека.

Рассмотрим один из кульминационных моментов романа – эпизод «проповеди-беседы» с врагом. Лейтенант не по-

¹ Greene G. The power and the glory. New York: Bantam Books, 1954. P. 30.

² Грин Г. Сила и слава. / пер. Н. Волжиной // Грин Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1993. С. 49.

нимают, почему преследуемый властями падре не отказался от выполнения своих обязанностей: *“Why you – of all people – should have stayed when others ran” – “They didn’t all run,” the priest said. – “But why did you stay?” – “Once,” the priest said, “I asked myself that. The fact is, a man isn’t presented suddenly with two courses to follow. One good and one bad. He gets caught up”*¹. – «...Однажды, – сказал священник, – я сам задал себе такой вопрос. Дело в том, что не сразу встаёт перед человеком выбор между двумя путями – вот этот хорош, а этот плох, – поэтому легко запутаться»². Этот отрывок состоит из нескольких диктем. Рассматриваемое нами изречение (в тексте выделено подчёркиванием), представляет собой отдельную диктему, состоящую из двух простых предложений. Форма этого изречения-максимы определяется содержанием: сначала простое общее предложение с вводной конструкцией (statement), затем его расшифровка в виде неполного предложения (interpretation).

Кроме того, Г. Грин, оформляет дидактическую сентенцию католического священника в форме сложноподчинённого предложения: *“...but still you understand – discipline is necessary. Drills may be no good in battle, but they form the character.”*³ – «...но вы же понимаете – дисциплина всё-таки необходима. В бою муштра может, и не пригодится, но она вырабатывает характер...»⁴. В основе афористической сентенции лежит контраст, противопоставляющий реалии военной действительности и результаты выучки, формирующие волю.

Приёмом антитезы пользуется и шотландский романист Арчибалд Кронин в романе о католической миссии в Китае «Ключи от царства». Используя в диалогах изречения, представляющие собой диктемы с ядром-максимой, писатель делает речь священника выразительной, и одновременно лаконичной: *“Atheists may not all go to hell. I knew one who didn’t. Hell is only for those who spit in the face of God.”*⁵ – «Необязательно все атеисты попадут в ад. Я знал одного, который не попал туда. Ад предназначен для тех, кто плюет в лицо Богу»⁶. Защищая атеистов, отец Чисхолм предупреждает подопечных о грехе осуждения и утверждает, что Господь судит не только по Вере, но и по делам: *“God judges us not only by what we believe... but by what we do”*. В данном случае эта максима сама по себе является диктемой и ставит точку в проповеди-диалоге.

Иногда такие противопоставления-сентенции и максимы могут быть ироничны. Так, в споре о множественности религий и конфессий святой отец защищает своих духовных чад-китайцев и вводит в проповедь следующее противопоставление-максиму: *“Christ was a perfect man, but Confucius had a better sense of humour!”*⁷ – «Христос был совершенным человеком, но у Конфуция было сильнее развито чувство юмора!»⁸. Иронично и следующее изречение-максима падре о человеке, который, по мнению окружающих, был неудачником всю свою жизнь: *“It’s no great failure to get in to heaven”*⁹ – «Не такая уж это большая неудача – попасть в рай»¹⁰. Такие максимы-на-

¹ Greene G. The power and the glory. New York: Bantam Books, 1954. P. 64.

² Грин Г. Сила и слава / пер. Н. Волжиной // Грин Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1993. С. 104.

³ Greene G. The power and the glory. New York: Bantam Books, 1954. P. 53.

⁴ Грин Г. Сила и слава. / пер. Н. Волжиной // Грин Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1993. С. 87.

⁵ Cronin A. J. The keys of the kingdom. Toronto: The Ryerson press, 1941. P. 8.

⁶ Кронин А. Ключи от царства / пер. с англ. Н. Протопоповой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2015. С. 16.

⁷ Cronin A. J. The keys of the kingdom. Toronto: The Ryerson press, 1941. P. 8.

⁸ Кронин А. Ключи от царства / пер. с англ. Н. Протопоповой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2015. С. 16.

⁹ Cronin A. J. The keys of the kingdom. Toronto: The Ryerson press, 1941. P. 126.

¹⁰ Кронин А. Ключи от царства / пер. с англ. Н. Про-

зидания представляют собой отдельные диктемы, так как полностью структурно и содержательно завершены.

В отдельную группу можно отнести проповеди, обращённые не к прихожанам, а к монахам или послушницам. В таких проповедях профессиональная речь настоятелей не содержит дополнительной коннотации. Назидания, посредством компактного способа передачи информации, приобретают композиционную завершённость и повышают общую экспрессивность текста. Проанализируем текст романа американской писательницы Кэтрин Халм «История монахини» (“The Nun’s story”, 1956), по которому был снят одноимённый фильм с Одри Хэпберн в главной роли. Книга посвящена жизнеописанию сестры Люк, ставшей медсестрой католического ордена.

В небольшой проповеди настоятельница напутствует Сестру Уильямс: *“Don’t struggle so alone, my sister... Leave a little leeway for the graces. Saints are seldom made and never in a day. You master one imperfection and ten others sprout like dragon’s teeth.”*¹ – «*Не старайся изо всех сил в одиночку, сестра. Оставь немного свободы действий провидению. Святые редко становятся и не за один день. Ты избавляешься от одного порока, десять других же растут как головы гидры*» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи – М. Б., Е. Л.). Здесь диктема сформирована двумя побудительными предложениями, ядром-максимой (в тексте выделены подчёркиванием) и пояснением. Подчёркнём, что послание настоятельницы сконцентрировано именно в «несущем» высказывании и представляет собой авторское изречение, которое со временем может стать крылатой фразой.

Такие изречения-максимы и изречения-сентенции можно встретить на протяжении всего романа. Очень часто они обособлены, выражены простым пред-

ложением, которое составляет завершённую диктему: *“Be nothing before you can be something”*², *“He lets happen what must happen for our own good and for His greater glory”*³ (в первом случае мы видим изречение-сентенцию, во втором – максиму).

Часто изречения героя (сюда входят и сентенции, и максимы, а иногда и паремии – отрывки из книг Ветхого Завета) – проповеди сами по себе. Такое явление можно встретить в современной драматургии. Как и во времена Шекспира, это эффективный способ «экономии» сценического времени, орнаментализации речи персонажей и, безусловно, маркер авторского стиля.

Американский драматург Джон Патрик Шенли в пьесе «Сомнение» (“Doubt”, 2005) воспроизводит атмосферу строгой католической школы в Бронксе середины шестидесятых годов. Вниманием читателей сразу же завладевает сестра Элозиус – авторитарная и бескомпромиссная монахиня. Она немногословна, её слова предназначены только для вверенных ей подопечных-монахинь, преподающих в школе. Часто её изречения и есть законченные диктемы: *“Much can be accomplished in sixty minutes”*⁴ (изречение-сентенция) – «*Много можно успеть за шестьдесят минут*»; *“Satisfaction is a vice”*⁵ (изречение-максима) – «*Удовлетворённость – это порок*»; *“Innocence is a form of laziness”*⁶ – «*Простодушие – это форма лени*»; *“What good’s a gift if it is left in the box?”*⁷ (изречение-сентенция) – «*Какая польза от подарка, если его оставить в коробке?*».

² Hulme K. The Nun’s Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 178.

³ Hulme K. The Nun’s Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 208.

⁴ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 7.

⁵ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 12.

⁶ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 12.

⁷ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 11.

топовой. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2015. С. 186.

¹ Hulme K. The Nun’s Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 34.

Структурно эти диктемы представляют собой только отдельные реплики героини: это может быть ответ на вопрос (response) или законченная мысль, утверждение (statement). Сентенции характерны и для дидактических гомилий сестры Элозиус. Изречения представляют собой смысловые доминанты диктем и являются кульминационными моментами в канве произведения. Рассмотрим некоторые из них.

Сестра не одобряет использования учениками шариковых ручек вместо перьевых, считая это следствием попустительского отношения преподавателей: *“I’m sorry I allowed even cartridge pens into the school. The students really should only be learning script with true fountain pens. Always the easy way out these days. What does that teach? Every easy choice today will have its consequence tomorrow. Mark my words.”*¹ – «Я сожалею, что позволила использовать автоматические ручки. Ученики должны учиться чистописанию перьевыми. Теперь только легкие пути. Чему это учит? Каждый легкий выбор сегодня возымеет последствия завтра. Помните мои слова.» Потакание своим желаниям выглядит провокационным в глазах этой строгой настоятельницы, поэтому драматург вводит в речь героини изречение-максиму, которая выражает основную мысль.

В то же время эта героиня считает, что легко отказываться от своих убеждений не меньший грех, чем лень или проявление слабости. Она раздраженно отчитывает сестру Джеймс, молодую учительницу: *“Look at you. You’d trade anything for a warm look. I’m telling you here and now, I want to see the starch in your character cultivated. If you are looking for reassurance, you can be fooled.”*² – «Посмотрите на себя, вы всё что угодно продадите за тёплый взгляд. Говорю вам здесь и сейчас, я

хочу сформировать у вас непреклонный характер. Если искать одобрения, можно обмануться. Эта сентенция в форме сложносочинённого предложения призвана заострить концовку наставления.

Примечательно, что сентенции и максимы в художественном тексте могут быть оформлены в виде простых, сложных, условных предложений, однако в максимах обычно используются глаголы в изъявительной форме, в сентенциях в повелительной форме. Обе разновидности афоризма могут быть оформлены в виде отрицательного и вопросительного предложения.

Содержательная сторона афоризации в профессиональном общении служителей церкви не всегда подчинена канонам. Проведённый анализ позволяет нам предложить типологию изречений священнослужителей – героев художественных произведений.

Одна из задач героев-священнослужителей – выявление возможных путей избавления от прегрешений своей папсты и помощи ей в этом. Поэтому важно умение священнослужителя «правильно и доходчиво» вести диалог, используя языковую интуицию. Священнослужитель обращается к максимам-дефинициям (*Hell is that state where one has ceased to hope – Ад – это состояние, когда человек перестал надеяться*), Деяниям Иисуса Христа (*Christ died for a good for nothing lot! – Христос умер за ничтожных людей*), другим изречениям-сентенциям и максимам, таким как:

1. Отождествление (definition):

*All human suffering is an act of repentance: The community life is the real penance...it is a martyrdom of pinpricks*³;

*It’s an old tactic of cruel people to kill kindness in the name of virtue*⁴.

2. Причинно-следственные отношения (cause-and-effect relations):

¹ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 9.

² Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 15.

³ Hulme K. The Nun’s Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 199.

⁴ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 41.

The tighter you draw those strings, the better will you restrain the imagination¹;

Every easy choice today will have its consequence tomorrow².

3. Возможность (possibility):

Much can be accomplished in sixty minutes³;

The most innocent actions can appear sinister to the poisoned mind⁴.

4. Противопоставление (contrasting):

Drills may be no good in battle, but they form the character⁵.

5. Условие (condition):

If you are looking for reassurance, you can be fooled⁶;

There are always the graces if you will pray for them⁷.

6. Запрет (prohibition):

We don't waste God's time with day-dreaming⁸.

7. Отсылка к Библии (Biblical reference):

We carry our chapels in our hearts⁹;

Kindness resembles God the closest and disarms man the quickest¹⁰;

You were a Martha for a long time, Sister. Now try to be a Mary¹¹.

8. Пословицы назидательного характера и книжные афоризмы, которые ис-

пользуются многократно (proverbs and literary aphorisms used earlier):

The devil finds work for idle hands; It is my job to outshine the fox in cleverness¹²;

Religions are many, reason is one, we are all brothers¹³;

God helps those who help themselves¹⁴.

Таким образом, можно заключить, что писатели-романисты XX в. стремились детализировать представления о духовно-религиозной мысли и искали новые формы словесно-художественного отображения. Афоризмы и их литературные модификации в виде изречений-сентенций и максим, с одной стороны, отображают действительность, с другой, являются маркерами авторского стиля и «приумножают» смыслы. Кроме того, афоризация помогает не только создать неповторимые образы героев и героинь-священнослужителей, но и сформулировать своего рода духовные правила. Выразительность речи Служителей Божьих во многом реализуется при помощи авторской афоризации и является отличительной чертой «художественных проповедей». Просвещённость и культура священства, выраженные в умении владеть речью и влиять на поступки подопечных, подчёркиваются эстетикой писательских изречений. Прагматически эта цель осуществляется через введение в диктету ядра-максимы или ядра-сентенции, выполняющих роль смысловой и стилистической доминанты. Кроме того, необходимо ещё раз упомянуть о рассматриваемых нами афоризмах, сентенциях и максимах, представляющих отдельные диктеты в репликах героев. Их роль состоит в создании кульминационного момента и привлечении внимания читателей к неоднозначным сюжетным поворотам.

Статья поступила в редакцию 19.08.2019

¹ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 40.

² Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 9.

³ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 7.

⁴ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 40.

⁵ Greene G. The power and the glory. New York: Bantam Books, 1954. P. 53.

⁶ Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 15.

⁷ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 27.

⁸ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 40.

⁹ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 138.

¹⁰ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 196.

¹¹ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 264.

¹² Shanley J. P. Doubt. New York: Theatre communication group, 2005. P. 22.

¹³ Cronin A. J. The keys of the kingdom. Toronto: The Ryerson press, 1941. P. 239.

¹⁴ Hulme K. The Nun's Story. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1956. P. 311.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56–67.
2. Блох М. Я. Коммуникативная ответственность в условиях информационной революции // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы IX научной конференции с международным участием, Москва, Коломна, 14–15 апреля 2016 г. Ч. 1. М.: МПГУ, 2016. С. 6–9.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 66.
4. Вяльцева С. И. О критериях отбора и употреблении английских пословиц. М.: Русский язык, 1985. С. 8–15.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: «Искусство - СПб», 2016. С. 14–285.
6. Morrell K. Aphorisms and Leaders' Rhetoric: A New Analytical Approach // Leadership. 2006. Vol. 2. Iss. 3. P. 367–382.

REFERENCES

1. Blokh M. Ya. [The dicteme and its role in the level structure of language]. In: *Voprosy yazykoznaninya* [Topics in the Study of Language], 2000, no. 4, pp. 56–67.
2. Blokh M. Ya. [Communicative responsibility in the context of the information revolution]. In: *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deistvie: materialy IX nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, Kolomna, 14–15 aprelya 2016 g. Ch. 1* [Language: categories, functions, speech action: proceedings of the IX scientific conference with international participation, Moscow, Kolomna, April 14–15th, 2016. Part 1]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2016, pp. 6–9.
3. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the theory of artistic speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, pp. 66.
4. Vyal'tseva S. I. *O Kriteriyakh otbora i upotreblenii angliiskikh poslovits* [On the selection criteria and the use of English proverbs]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1985, pp. 8–15.
5. Lotman Yu. M. [The structure of the artistic text]. In: Lotman Yu. M. *Ob iskusstve* [About the art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2016, pp. 14–285.
6. Morrell K. Aphorisms and Leaders' Rhetoric: A New Analytical Approach. In: *Leadership*, 2006, vol. 2, iss. 3, pp. 367–382.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Блох Марк Яковлевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой грамматики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: blmy2@mail.ru

Любимова Елизавета Андреевна – аспирант кафедры грамматики английского языка Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, ассистент кафедры грамматики английского языка;
e-mail: lyubimovaelizaveta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mark Y. Blokh – Doctor in Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English grammar, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: blmy2@mail.ru

Elizaveta A. Lyubimova – post-graduate student, assistant lecturer at the Department of English grammar, Moscow State Pedagogical University,
e-mail: lyubimovaelizaveta@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Блох М. Я., Любимова Е. А. Сентенция и максима как ядерные основы христианских проповедей (на материале проповедей, отражённых в англоязычных произведениях XX века) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-6-14

FOR CITATION

Blokh M. Ya., Lyubimova E. A. Maxim as a kernel of a Christian sermon (on the materials of the sermons represented in the 20th century English-language fiction). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 6–14.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-6-14

УДК 81'373.46

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-15-26

ТЕРМИНЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И СПОСОБЫ ФИКСАЦИИ¹

Едличко А. И., Мишнова А. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу сущностных характеристик терминов современной лингводидактики. Актуальность исследования обусловлена появлением специальной лексики в связи с развитием новых направлений в области преподавания языков. Задачи работы состоят в изучении формальных и содержательных особенностей лингводидактических терминов в терминопользующих, терминосоздающих и терминокфиксирующих текстах, а также в аналитическом обзоре терминологических словарей на нескольких языках. С помощью ряда методов – дискурсивного, словарных дефиниций, структурно-семантического, количественного и др. – анализируются ключевые типы вариантности терминов в немецком языке на разных языковых уровнях. Теоретическая и практическая значимость работы, её научная новизна заключаются в выявлении экстра- и интралингвистических факторов в развитии лингводидактической терминологии (стремлении к аббревиации, интернационализации, тематическому расширению и др.), а также описании авторского лексикографического проекта.

Ключевые слова: терминология, лингводидактический термин, вариантность, аббревиатуры, интернационализмы, словарь

LANGUAGE TEACHING TERMS: FUNCTIONAL ASPECTS AND LEXICOGRAPHIC FIXATION

A. Edlichko, A. Mishnova

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The paper dwells on the analysis of various characteristics of modern language teaching terms. The significance of the research is accounted for by the development of special lexemes due to new tendencies in the language teaching. The chief aims are to study structural and semantic features of terms in term-using, term-creating and term-fixing texts, and to analyse terminological dictionaries in several languages. Such methods as the analysis of discourse, dictionary entries, as well as structural-semantic analysis and qualitative methods, etc. are used to reveal certain key types of terminological variation at different levels of the German language. Theoretical and practical impact and research novelty of the investigation consist in the detection of some extra- and intralinguistic specific features of language teaching terminology development (abbreviation, internationalisation, thematic expansion, etc.), and the description of the authors' lexicographic project.

Keywords: terminology, language teaching term, variation, abbreviations, internationalisms, dictionary

© СС BY Едличко А. И., Мишнова А. В., 2019.

¹ Статья написана по материалам пленарного доклада, прочитанного авторами на открытии Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2019» (10.04.2019) на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова / The article was written on the basis of the plenary report made by the authors at the opening of the International scientific conference of students and young scientists "Lomonosov-2019" (10th of April 2019) at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University.

В связи с активным развитием лингводидактической науки в различных странах (США, Германии, России и др.) в конце XX – начале XXI в. вопрос о функциональной характеристике и лексикографической кодификации лингводидактических терминов становится всё более острым, поскольку «развитие научных знаний и культуры человека в значительной степени зависят от состояния терминологии» [2, с. 25]. В настоящее время наблюдается тенденция к стремительному росту объёма специальной лексики и её преобладанию в развитых языках, на что указывают учёные [3]. В связи с этим возникает потребность в систематизации, унификации и гармонизации динамично развивающейся лингводидактической терминологии.

Термин *лингводидактика* был введён в научный оборот в конце 1960-х гг. известным лингвистом и специалистом по методике преподавания русского языка Н. М. Шанским и признан научным сообществом в 70-х гг. XX в.¹ В русском языке существует ряд номинаций для лингводидактических терминов: *термины лингводидактики*, *методические термины*, *термины методики преподавания английского языка*, *термины методики преподавания русского языка* и др. В немецком языке к таким обозначениям относятся *Termini der Sprach(en)didaktik* (досл. ‘термины языковой дидактики’), в английском – *language teaching term*, *language education term* или уточняющие терминологические сочетания *ELT term (English Language Teaching)*, *TESOL term (Teaching English to Speakers of Other Languages)*.

Опираясь на дефиницию категории «термин» О. С. Ахмановой, лингводидактический термин можно определить как «слово или словосочетание специального (научного...) языка, создаваемое... для точного выражения специаль-

ных понятий и обозначения специальных предметов»² в области методики преподавания языков. Терминология в таком случае представляется упорядоченной совокупностью понятий, закреплённых в соответствующем словесном выражении. Термин семантически связан с другими понятиями, входящими в создаваемую ими терминосистему³. Лингводидактический термин – это междисциплинарная категория, поскольку в терминосистему науки о преподавании языков входят лексические единицы из области дидактики, психологии, (социо)лингвистики, социологии, культурологии и других сфер научного знания. Помимо этого, лингводидактический термин является педагогической и методической категорией, т. к. создание его формы, формирование и развитие содержания происходит с учётом принятых в том или ином социуме образовательных концепций и положений методики преподавания языка(-ов).

В рамках терминоведческой теории текста, выявляющей специфику терминов, выделяются три группы текстов: терминосоздающие, терминоиспользующие, терминофиксирующие [6, с. 146]. Термин появляется в терминосоздающих текстах, где формируются его структура и содержание. К текстам такого рода относится научная литература по проблемам методики преподавания языков: монографии, статьи, диссертации, устные тексты (научные дискуссии). В данных (кон)текстах исследователи устанавливают состав интерпретируемой категории. В качестве примеров можно привести дефиниции терминов *социокультурный подход* (1) и *академическая обратная связь* (2), которые предлагаются учёными-специалистами в области методики преподавания иностранных языков:

(1) **Социокультурный подход** «представляет собой один из культуроведче-

¹ См. подробнее: Лингводидактика // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/education/text/2145252> (дата обращения: 25.03.2019).

² См.: Термин // Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. С. 474.

³ См.: Термин // Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 224.

ских подходов в обучении ИЯ, он ориентирует на обучение межкультурному иноязычному общению в контексте социально-педагогических доминант педагогики гражданского мира и согласия, аккмулирующей идеи общепланетарного глобализма, гуманизации, культуроведческой социологизации и экологизации целей и содержания обучения ИЯ» [8, с. 62].

(2) «Для преодоления обозначенного в данном обзоре дуализма предлагается использовать термин ... **“академическая обратная связь”** (выделено нами. – А. Е., А. М.), говоря об обратной связи, которую сообщают студенты (ученики) или другие участники педагогического процесса о самом процессе, содержании, методах, формах и средствах обучения» [5, с. 118].

В терминопользующих текстах функционируют термины, которые уже закреплены, зафиксированы и известны читателю. Это так называемые «вторичные информационные документы» [6, с. 147], в них созданный термин реализует свою инструментальную функцию. Примерами могут служить учебники и учебные пособия по родному, иностранному, миноритарному и другим языкам, медиаисточники по проблемам лингводидактики, контентные сайты языковых образовательных учреждений разных ступеней обучения и их рекламная продукция. Наконец, развитие теории определённой науки и относящейся к ней терминосистемы приводит, как правило, к созданию терминофиксирующего текста, в котором сформированное научное понятие показано с помощью нормативного термина. К данному типу текстов относятся толковые, переводные, лингводидактические и педагогические словари, стандарты, институциональная документация в области изучения / преподавания языков: законы об образовании, федеральные стандарты, различные прескриптивные документы, руководства.

Прежде чем перейти к анализу формальных, семантико-прагматических и функциональных характеристик линг-

водидактических терминов, а также особенностей их лексикографической кодификации, отметим, что материалом исследования являются термины лингводидактики из немецкого языка, однако для полноты репрезентации приводятся примеры из русского и английского языков.

Какие тенденции наблюдаются на современном этапе формирования, развития и фиксации лингводидактической терминологии? Одной из важных является проблема вариантности. Вариантность термина связана с его принадлежностью к определённой системе понятий и терминосистеме, функционированием в определённом тексте [6, с. 189], а также с процессами ассимиляции формы и содержания терминов, многие из которых – слова английского происхождения. В лингводидактической терминологии можно отметить такие виды вариантности, как: (орфо)графическая, парадигматическая, синтагматическая, оценочная и др. Рассмотрим некоторые из этих типов на примерах.

В рамках **(орфо)графической вариантности** немецкого термина выделяются:

- слитное / раздельное написание: *Kotext* – *Co-Text*;

- использование или отсутствие дефиса: *KMK-Definition* – *KMK Definition* (*Kultusministerkonferenz-Definition*); *VERA-8* – *VERA 8* (*Vergleichsarbeit*);

- возможность передачи термина на письме как в языке-источнике: *Kode* – *Code* (англ.);

- использование прописной и строчной букв: *dtz* – *DTZ* (*Deutsch-Test für Zuwanderer*); *PEP* – *PeP* (*Praxiserkundungsprojekt*) и др.

Графическое варьирование одного и того же термина может быть вызвано региональной особенностью его употребления, например, использование аббревиатуры *GER* в Германии и *GERS* – в Австрии для названия Общеввропейской шкалы языковых компетенций (*Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen*).

Парадигматическая вариантность, т. е. «многообразии вариантов (форм) термина внутри совокупности терминов» [6, с. 188], характерна, прежде всего, для формирующейся терминологии. В качестве примеров можно назвать специальные слова из области тестологии, например: рус. *гибридный тест – глобальный тест – комплексный тест*. Такой тип вариантности наблюдается и на этапе сформировавшейся терминосистемы (нем. *die Flüssigkeit – fluency; ESP – EPS* ‘европейский языковой портфель’; рус. *активный словарный запас – активный словарь*), и даже если «один из вариантов закрепляется, например, в виде краткого варианта – аббревиатуры» [6, с. 188]; нем. *RBS – Robert Bosch Stiftung* ‘фонд Роберта Боша’. **Разновидности норм** менее многочисленны, но они существуют: нем. *Ergänzungsfrage – W-Frage; Rechtschreibung – Orthographie; Frühbeginn – frühes Fremdsprachenlernen*; рус. *автократичность – авторитарность; неречевые средства общения – невербальные средства общения – экстралингвистические средства общения; продуцирование речи – порождение речи*.

Синтагматическое варьирование термина, т. е. варьирование в тексте, обусловлено стилистической и грамматической необходимостью, стремлением избежать повтора в контекстном употреблении специального слова:

(3) *Das Sekretariat der Kultusministerkonferenz mit dem Hauptstandort Bonn (Nordrhein-Westfalen) und einer weiteren Dienststelle in Berlin leitet ein Generalsekretär. Das Sekretariat erledigt die laufenden Arbeiten der KMK*¹.

К одной из характеристик лингводидактической терминологии и терминосистемы можно причислить **оценочное варьирование**, например: нем. *Kontrolle*

– *Überprüfung – Evaluation – Reflexion* u.a.; рус. *контроль – оценивание – проверка – оценка – самооценка – рефлексия* и др. Такой тип варьирования возникает из-за изменения семантического наполнения слова, которое происходит под воздействием эволюции дидактических методов и подходов.

Среди терминов широко распространены **гипонимические (родо-видовые) отношения**, ср. гиперонимы нем. *Fremdsprachendidaktik* и рус. *компетенция* и соответствующие согипонимы нем. *Filmdidaktik, Tertiärsprachendidaktik, Mehrsprachigkeitsdidaktik, Zweitsprachendidaktik* и др. и рус. *коммуникативная к., социокультурная к., дискурсивная к., стратегическая к., социальная к.* и т. д.

К следующей особенности терминологии лингводидактики относится явление **полисемии**. Так, в немецком языке термин *Unterrichtssprache* ‘язык обучения’ используется в следующих значениях: 1) язык, на котором проходит обучение; официальный язык страны; 2) иностранный язык как язык обучения на разных предметах; 3) вид особой коммуникации между обучающими и обучающимися, ср.:

Unterrichtssprache, die: 1. Die Sprache, in der der Unterricht in allen Fächern stattfindet, i.d.R. die jeweilige → **Amtssprache** eines Landes. 2. Fremdsprache als U. in verschiedenen Fächern, z.B. Englisch als Arbeitssprache im Chemieunterricht mit dem Ziel, gleichzeitig das Inhalts- und das Sprachlernen zu forcieren. Dieser → **bilinguale Sachfachunterricht** wird als ein probates Mittel zur Förderung der → **Mehrsprachigkeit** angesehen (→ **Content and Language Integrated Learning**). 3. Die spezifische Kommunikation zwischen Lehrenden und Lernenden, die als institutionelle Kommunikation bestimmten sprachlichen Mustern folgt, z.B. hat i.d.R. nur der Lehrende das Fragerecht und das Recht zur Bewertung sprachlicher Äußerungen².

¹ Ständige Konferenz der Kultusminister der Länder in der Bundesrepublik Deutschland (KMK) // Historisches Lexikon Bayerns: [сайт]. [https://www.historischeslexikon-bayerns.de/Lexikon/Ständige_Konferenz_der_Kultusminister_der_Länder_in_der_Bundesrepublik_Deutschland_\(KMK\)](https://www.historischeslexikon-bayerns.de/Lexikon/Ständige_Konferenz_der_Kultusminister_der_Länder_in_der_Bundesrepublik_Deutschland_(KMK)) (дата обращения: 25.03.2019).

² Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / Hg. H. Barkowski, H. J. Krumm. Tübingen: UTB, 2010. S. 348.

Такое же явление отмечается и в других языках, ср. дефиниции терминов в английском языке¹. Наличие у одной лексемы нескольких значений объясняется, помимо прочего, появлением новых понятий. Проиллюстрируем расширение лингводидактической терминологии на примере классификации терминов из учебников DLL – Deutsch Lehren Lernen² ‘Учимся обучать немецкому’, в которых выделяются такие блоки, как содержание обучения (иностранному) языку (*Grammatikpensum, schriftlicher Ausdruck, landeskundlicher Text*), лингводидактические методы и подходы (*Erfahrungsorientierung, Jigsaw-Methode*), участники образовательного процесса (*Deutsehrende, Schüler-Community*), тестология (*Kriterienraster, Prüfungsordnung, Testmethodik*), модели урока (*lineares Modell, Boomerang-Modell*), виды компетенций (*Managementkompetenz, persönlichkeitsbezogene Kompetenz*), организация учебного пространства (*Bewegungsspielraum, Sitzordnung, Klassenraumklima*), когнитивные процессы (*Denkpause, Erwerbungsprozess, Selbstbeurteilung*), учебная культура (*Gruppenidentität, Lehr- und Lerngewohnheiten, Unterrichtstradition*) и др. С активным развитием информационных технологий в преподавании и изучении языков связано появление значительного количества терминов, обозначающих технические средства и электронные технологии в обучении: *interaktive Tafel, Podcast, Videokonferenz* и др. Тематический раздел «учебные материалы» является самым объёмным, что свидетельствует о разнообразии дидактических источников, которые используются в процессе обучения

языкам: *Lektüreheft, Europäisches Sprachportfolio (ESP), Selbbsbeobachtungsprotokoll* и т. д.

Среди структурных характеристик немецких терминов можно констатировать преобладание существительных над другими частями речи. Все термины делятся на три категории: 1) однословные (составляющие большинство); 2) термины-словосочетания; 3) терминологические сокращения. Поскольку композитообразование представляет собой самый распространённый словообразовательный тип в немецком языке, в первой группе наиболее часто встречаются сложные многокомпонентные существительные: *Kommunikationserfahrung, Mehrsprachigkeitsorientierung, Fremdsprachenlernkompetenz* и др. Модель образования терминологических словосочетаний «прил. + сущ.» также довольно продуктивна, т. к. таким образом передаются родовидовые, а также логико-семантические отношения: *explizites Wissen, virtuelles Klassenzimmer, curriculare Vorgabe*. Большое количество сокращений образуется посредством аббревиации, позволяющей редуцировать многокомпонентный композит до термина меньшей протяжённости [7]. В немецкой лингводидактической терминологии выделяются различные типы сокращений, например, двухграфемные инициальные аббревиатуры: *EA = Einzelarbeit, MA = mündlicher Ausdruck, LK = Lehrkraft*. Однако к наиболее частотным относятся лексические трёхграфемные акронимы, поскольку фонетическая структура подобных сокращений, по мнению К. В. Манёровой, позволяет им ассимилироваться в речи и становиться самостоятельными лексемами [7, с. 454], например: *ÖSD = Österreichisches Sprachdiplom, LEA = Literalitätsentwicklung von Arbeitskräften, PEP = Praxiserkundungsprojekt* и др. На формальные особенности немецких сокращённых терминов также влияет гендерная дифференциация в лексике. Так, сокращение *SuS = Schülerinnen und Schüler* означает ‘школь-

¹ Richards J. C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 4th ed. London: Longman, 2010. 644 p.

² Термины в объёме ок. 700 ед. были отобраны из учебников Deutsch Lehren Lernen. DLL 1–10, 15–16. München u.a. Stuttgart: Klett, 2012–2017. В данном исследовании проанализированы термины из следующих книг серии учебников DLL: DLL 1 (2012, 199 S.); DLL 6 (2013, 152 S.); DLL 7 (2015, 176 S.); DLL 10 (2016, 199 S.).

ницы и школьники', т. е. в немецком языке, в отличие от русского, подчёркивается принадлежность объекта к мужскому или женскому полу. Функционирование в рамках одного предложения двух- (LK) и трёхграфемных (SuS) инициальных сокращений можно проиллюстрировать на следующем примере:

(4) *Dann stellen erst die LK, dann die SuS anderen SuS die Frage: Was genau hat Aneta (Karolina ...) heute an?* (DLL 10, S. 101).

В письменной речи всё чаще используются односегментные сокращения – лексемы, которые состоят только из одного компонента полной формы, например: *K = Kinder, S = Schülerinnen und Schüler*. В некоторых случаях наблюдается омонимия подобных терминов, например, графема *L* может обозначать как *Lehrkraft* 'обучающий' (6), так и *Lernerinnen und Lerner* 'обучающиеся' (7):

(5) *L unterstützt seine Anweisungen sehr stark durch Mimik und Gestik* (DLL 1, S. 176).

Обучающий активно сопровождает свои инструкции мимикой и жестами.

(6) *L klären das Verb jede/r für sich (Einzelarbeit) ...* (DLL 6, S. 117). **Обучающиеся** уясняют значение глагола (самостоятельная работа) ...

Наличие омонимичных терминов подчёркивает важность регулирования терминологии и терминосистемы специалистами в данной области, поскольку «удачные термины могут способствовать ускорению развития науки, а неудачные – тормозить развитие научных знаний» [3, с. 51].

Лингводидактическую терминологию отличает **тенденция к интернационализации**. Интернациональные слова, как известно, должны встречаться не менее чем в трёх языках мира и иметь схожие семантические и формальные характеристики [4, с. 36]. Выявление интернациональных лексем зачастую представляется затруднительным на семантическом уровне, поскольку остаётся актуальной проблема разработки типологии «межъязыковых лексических

отношений» [Там же, с. 50]. Как правило, предлагается определять сходство и различие языковых категорий по структурному, семантическому, функциональному, системному (логико-понятийному) и социокультурному критериям, которые применимы при анализе лингводидактических интернациональных терминов. На содержательном уровне можно выделить относительно полную и неполную (частичную) семантическую общность. К последней относятся две разновидности: включение (поглощение объёма одного понятия объёмом другого) и пересечение (наличие у лексем как общих, так и различных объектов семантики) [Там же, с. 53]. Например, формальной схожестью и относительно полной семантической общностью и принадлежностью к идентичным логико-понятийным системам обладают интернациональные термины *Test* (нем.), *тест* (рус.) и *test* (англ.). Во всех трёх языках их значение связано с измерением умений, навыков, компетенций (см. табл. 1).

Примером неполной семантической общности могут служить интернационализмы *дидактика* и *Didaktik* в русском и немецком языках. В отечественной традиции считается, что дидактика – это «отрасль педагогики, разрабатывающая теорию образования и обучения»¹. В связи с широтой семантики данного термина не распространено словосочетание *дидактика иностранного языка*, более употребителен термин *методика обучения иностранным языкам*. В немецком же языке существуют как интернациональная лексема *Methodik*, так и термин *Didaktik*, семантика которого уже, чем значение русской лексемы *дидактика*. В качестве наименования лингводидактики в немецком используется термин *Fremdsprachendidaktik*², а не

¹ Дидактика // Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Русский язык, Курсы, 2018. С. 345.

² Fremdsprachendidaktik // Fachlexikon Deutsch als

Таблица 1

Значение терминов *Test*, *тест* и *test* в немецком, русском и английском языках

Test (нем.)	тест (рус.)	test (англ.)
Systematisch konstruiertes, routinemäßig anwendbares, standardisiertes, ggf. normiertes Verfahren zur Erhebung von Verhaltensstichproben <...>. Sie [Tests. – A. E., A. M.] müssen Testgütekriterien (Testtheorien) in zumindest hinreichendem Maße erfüllen ¹ .	Задание стандартной формы, выполнение которого позволяет установить уровень и наличие определенных умений, навыков, способностей, умственного развития и других характеристик личности с помощью специальной шкалы результатов ² .	Any procedure for measuring ability, knowledge, or performance ³ .

Fremdsprachenmethodik. Такое использование интернациональных терминов вызвано влиянием на их содержание социокультурных факторов, а именно, различием в развитии национальных систем преподавания иностранных языков.

Как уже отмечалось выше, термин рождается в устном или письменном тексте, фиксируется в словаре, стандарте или классификаторе. Проследить историю и современное состояние лексикографических источников лингводидактических терминов позволяет краткий обзор отечественных и зарубежных словарей энциклопедического типа. Безусловный интерес с точки зрения развития методики преподавания языков и с позиции анализа диахронической динамики терминологии вызывают первые отечественные словари, созданные в 80–90-х гг. XX в.⁴ В это же время выходят из

печати зарубежные лексикографические труды на немецком и английском языках, которые многократно перерабатываются и переиздаются⁵. Более активная работа над словарями и справочниками в области лингводидактики как в России, так и за рубежом наблюдается с 2000 г. Подборка терминов в них осуществляется таким образом, что словарные статьи отражают специфику обучения языкам и отвечают современному состоянию смежных наук: лингвистики, педагогики, дидактики, психологии и др.⁶ Часть лексикографических работ посвящается конкретным направлениям лингводидактики: тесто-

Fremd- und Zweitsprache / Hg. H. Barkowski, H. J. Krumm. Tübingen: UTB, 2010. S. 91.

¹ Test // Tenorth H.-E., Tippelt R. Beltz Lexikon Pädagogik. Weinheim u.a.: Beltz, 2012. S. 714.

² Тест // Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Русский язык, Курсы, 2018. С. 345.

³ Test // Richards J. C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 4th ed. London: Longman, 2010. P. 591.

⁴ Ср.: Глухов Б. А., Шукин А. Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1993. 369 с.; Львов М. П. Словарь-справочник по методике преподавания русского

языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.; Миньяр-Белоручев Р. К. Методический словарь. Толковый словарь терминов методики обучения языкам. М.: Стелла, 1996. 144 с.

⁵ Ср. последние выпуски: Richards J. C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 4th ed. London: Longman, 2010. 644 p.; Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik, Ansätze – Methoden – Grundbegriffe / Hg. C. Surkamp. Stuttgart u.a.: Springer, 2010. VI, 352 S.

⁶ Ср.: Жаркова Т. И., Сороковых Г. В. Тематический словарь методических терминов по иностранному языку. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2014. 320 с.; Шукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2006. 750 с.; Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / Hg. H. Barkowski, H. J. Krumm. Tübingen: UTB, 2010. 370 S.; Routledge encyclopedia of language teaching and learning / ed. M. Byram. London: Routledge, 2004. 714 p.; Thornbury S. An A-Z of ELT: A Dictionary of Terms and Concepts Used in English Language Teaching. Oxford, UK.: Macmillan, 2006. 264 p.

логии, обучению мигрантов русскому как второму языку и др.¹

Появляются переводные словари, статьи в которых дают краткую энциклопедическую информацию². Важным представляется тот факт, что в некоторых англо-русских словарях лингводидактические термины «тракту[ются] в том значении, которое присуще им в терминсистеме английского языка, с учетом и на фоне социокультурных особенностей контекста российского преподавателя-носителя английского языка»³. На наш взгляд, пока остаётся незаполненной ниша переводных словарей на национальных языках России, за исключением единичных примеров⁴.

Хорошо известен в России «Словарь методических терминов и понятий» Э. Г. Азимова и А. Н. Шукина, который трижды издавался (в 1999, 2009 и 2018 гг.)⁵. В последнем издании объемом более 3000 словарных статей не только приводятся актуальные лингводидактические термины, но и уточняются дефиниции имеющихся слов «в соответствии с их общепринятой номинацией»⁶. Что касается новых терминологических единиц,

авторы выделяют тематические области, связанные с «европейской системой описания уровней владения иностранным языком и соответствующей системой контроля, с компьютерными технологиями и развитием Интернета, с современными представлениями о языковом многообразии (например, билингвизма, раннего обучения языку) и языковой политике, с новыми технологиями и приемами обучения»⁷. В словаре содержатся актуальные термины, которые отражают такие современные направления в теории и практике преподавания языков, как:

– методы, подходы и технологии: *форум как форма урока, перевёрнутое обучение, массовый открытый онлайн курс, технология «эдьютейтмент», этноориентированное обучение;*

– теория уровней владения языком: *шкала владения языком, пороговый уровень владения, фоссилизация, уровень выживания;*

– тестология: *якорный тест, субтест;*

– (социо)лингвистика: *язык семейного наследия, язык государственный, язык литературный, язык материнский, мировые языки, язык-посредник, респондент, слово-паразит и др.*⁸

В словарь включён термин *мир изучаемого языка*, введенный профессором МГУ имени М. В. Ломоносова, президентом факультета иностранных языков и регионоведения С. Г. Тер-Минасовой для наименования дисциплины, которая преподаётся в российских вузах:

МИР ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА. *Название научной дисциплины, предложенное С. Г. Тер-Минасовой (2000), включенной в учебный план подготовки преподавателей иностранных языков. Дисциплина, созданная на стыке социологии, культурологии и лингвострановедения, знакомит студентов с социокультурной картинной мира, без знания которой*

¹ См.: Бальшихина Т. М., Нетесина М. С. Исследовательская лингводидактика по русскому языку. Русский язык как второй (обучение мигрантов), как иностранный, как родной: словарь терминов и понятий исследовательской лингводидактики. М.: РУДН, 2017. 78 с.; Девель Л. А. Англо-русский практический учебный словарь языкового тестирования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 114 с.

² См.: Колесникова И. Л., Долгина О. А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков. М.: Дрофа, 2008. 431 с.; Ловцевич Г. Н. Англо-русский словарь аббревиатур терминов лингводидактики. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 183 с.

³ Ловцевич Г. Н. Англо-русский словарь аббревиатур терминов лингводидактики. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. С. 3.

⁴ См.: Абуталипова Р. А., Камалетдинова А. В. Русско-башкирский словарь терминов по методике преподавания языков. Уфа: Китап, 2009. 95 с.

⁵ Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Русский язык: Курсы, 2018. 496 с.

⁶ Там же, С. 6.

⁷ Там же, С. 6.

⁸ Там же.

Таблица 2

**Достоинства и недостатки отечественных и зарубежных словарей
лингводидактических терминов**

Достоинства	Недостатки
<ul style="list-style-type: none"> – кодификация новых терминов; – ориентация на отечественную / национальную теорию и методику преподавания (большое количество реалий, фамилий методистов-теоретиков); – наличие исторической справки; – большое количество иллюстративных вербальных примеров; – наличие иллюстраций, схем, таблиц. 	<ul style="list-style-type: none"> – различия в объёме статей и, соответственно, уровне информативности в одном словаре; – отсутствие некоторых актуальных терминов; – несоблюдение единого принципа (например, этимологического); – бессистемный перевод с русского на английский язык (в словарях российских авторов); – отсутствие библиографии после словарной статьи в некоторых трудах.

невозможно овладение языком как средством общения. Содержание дисциплины сосредоточено на изучении совокупности внеязыковых фактов, т.е. тех социокультурных единиц и структур, которые лежат в основе языковых единиц и структур и отражаются в них. В основе научной дисциплины – исследование социокультурной картины мира, нашедшей свое отражение в языковой картине мира (Тер-Минасова, 2000)¹.

Академическая фундаментальность присуща немецким словарям, поскольку они представляют собой совместный труд лингвистов и теоретиков-лингводидактов². Безусловно, это позволяет предоставить более тщательную информацию и расширить целевую аудиторию книги. Словарные статьи в англоязычных изданиях также отличаются высокой степенью информативности, их преимуществом является большое количество эмпирического материала³. Основные

достоинства и недостатки проанализированных словарей приведены в табл. 2.

Как упоминалось выше, для немецкой лингводидактической терминологии характерно наличие значительного количества аббревиатур, однако многие из них ещё не нашли отражения в словарях. Учёные справедливо указывают на то, что в лингводидактике «имеется насущная потребность в определении точного значения методических терминов, раскрытии их содержания, толковании значений новых терминов» [1, с. 5], что необходимо для осуществления прикладных целей. Этим объясняется начатая работа авторов статьи над проектом по созданию «Краткого немецко-русского словаря-справочника лингводидактических терминов-аббревиатур», лексический корпус которого содержит актуальные терминологические аббревиатуры из различных областей лингводидактики.

Макроструктуру словаря составляют предисловие, руководство по его использованию, словник, реестр терминов-аббревиатур и библиография. Словник содержит не только немецкие сокращения, но и аббревиатуры, заимствованные из английского языка, что обусловлено их активным употреблением в немецкоязычной лингводидактике. В микро-

of ELT: A Dictionary of Terms and Concepts Used in English Language Teaching. Oxford, UK: Macmillan, 2006. 264 p.

¹ Мир изучаемого языка // Азимов Э. Г., Шукин А. Н. Современный словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Русский язык: Курсы, 2018. С. 172.

² См.: Fachlexikon Deutsch als Fremd- und Zweitsprache / Hg. H. Barkowski, H. J. Krumm. Tübingen: UTB, 2010. 370 S.; Metzler Lexikon Fremdsprachendidaktik, Ansätze – Methoden – Grundbegriffe / Hg. C. Surkamp. Stuttgart u.a.: Springer, 2010. VI, 352 S.

³ Ср.: Richards J. C., Schmidt R. Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics. 4th ed. London: Longman, 2010. 644 p.; Thornbury S. An A–Z

структуру словаря (словарную статью) входят заглавное слово в виде исходного немецкого термина-аббревиатуры, фонетическая транскрипция, грамматические пометы (указание на род, форму слова в Р. п. и мн. ч.), расшифровка сокращения, перевод на русский язык, дефиниция, иллюстративная зона, а также возможные дериваты. В качестве примера можно привести авторскую статью (А. Е., А. М.) из проекта словаря:

TestDaF ['test 'daf] **Test Deutsch als Fremdsprache**

Тест DaF / ТестДаФ = Тест «Немецкий язык как иностранный»

Тест DaF, разработанный в конце 1990-х гг., представляет собой стандартизированный экзамен по немецкому языку для иностранных обучающихся, который составляется и проверяется в институте TestDaF (TestDaF-Institut), расположенном в Рурском университете в Бохуме и в Хагенском заочном университете. Тест проводится почти в 100 странах мира (по данным ДААД). Сертификат, полученный по его результатам, признаётся всеми немецкими вузами как подтверждающий владение немецким языком и позволяющий обучаться в высших учебных заведениях Германии. Экзамен включает в себя четыре части на оценивание знаний, умений и навыков в чтении, аудировании, письме и говорении, при этом каждый вид речевой деятельности оценивается отдельно. Результаты теста определяются по трёхбалльной шкале со следующими уровнями TDN (TestDaF-Niveaustufe): TDN 3 (Уровень TestDaF 3), TDN 4 (Уровень TestDaF 4) и TDN 5 (Уровень TestDaF 5), которые соответствуют уровням владения иностранным языком от B2.1 до C1.2. согласно Общеввропейской шкале языковых компетенций (→ GER).

– *Allerding gibt es namhafte Prüfungen wie den **TestDaF**, die wiederum mit dem **Terminus Test verbunden sind*** (DLL 7, S. 15).

~~**Zertifikat**

Сертификат о прохождении теста «Немецкий язык как иностранный»

– *Erwerb eines für die Lernenden wichtigen Zertifikats, z.B. eines Goethe-Zertifikats oder auch des **TestDaF-Zertifikats**, z.B. im Zusammenhang mit der Bewerbung um eine Stelle oder einen Studienplatz* (DLL 7, S. 13).

Основной трудностью при разработке словарных статей является, на наш взгляд, описание фонетической и грамматической зон, что можно объяснить сложностью определения формальных характеристик многих аббревиатур, особенно заимствованных из английского языка. Отсутствие немецко-русских словарей лингводидактических терминов-аббревиатур свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в данной области.

В заключение следует подчеркнуть, что проблема статуса, структуры и семантики лингводидактического термина, его функций, дискурсивных характеристик, фиксации и других особенностей остаётся актуальной и нерешённой, что подтверждает мнение известных учёных, см. [1, с. 5]. Становлению и развитию межнаучных терминологий и терминосистем способствуют как экстра-, так и интралингвистические причины. Что касается экстралингвистического аспекта, в настоящее время наблюдаются:

– расширение количества тематических областей методики преподавания (иностранн) языков;

– недостаточное количество лингвистических работ по проблематике лингводидактических терминов;

– нехватка энциклопедической и учебно-методической «литературы справочного характера» [1, с. 7];

– недостаток одноязычных и переводных словарей лингводидактических терминов (по сравнению с другими дисциплинами) и их неполнота в некоторых новых направлениях лингводидактики.

Можно отметить междисциплинарный, межнаучный характер лингводидактической терминологии, т. е. терминосистема лингводидактики включает термины как из педагогических, так и

из лингвистических и смежных с ними научных дисциплин. Для терминов по-прежнему характерны в большей степени номинативный характер и вариантность на всех уровнях языка. С одной стороны, быстрый темп современной жизни, огромное количество разной информации способствуют сохранению и развитию тенденции к языковой экономии в терминологиях и терминосистемах. Всё это сопровождается увеличением количества сокращений. С другой стороны, появление усложнённых понятий ведёт к необходимости формирования, развития и фиксации многокомпонентных и многословных терминов: наблюдается

рост количества таких терминологических словосочетаний и композитов. В немецком и русском языках увеличивается количество частично ассимилированных англицизмов. В целом, проблематика, поднятая в статье, типична для лексического уровня любого языка, поскольку словарный состав находится в постоянном развитии. Процесс эволюции терминов неизбежно сопровождается их формальной и семантической вариантностью, поэтому важной представляется задача своевременного регулирования терминологий, их анализа и описания.

Статья поступила в редакцию 09.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Проблемы лексикографического описания лингводидактической терминологии // Вопросы лексикографии. 2018. № 14. С. 5–23.
2. Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А. Перспективные направления развития терминологических исследований // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 18–28.
3. Гринева-Гринева С. В., Сорокина Э. А. Полисемия в общеупотребительной и специальной лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 51–64.
4. Едличко А. И. Интернациональная политическая лексика: генезис, развитие, современное состояние (лексикографический аспект). М.: Издательство Московского университета, 2016. 192 с.
5. Корнев А. А. Обратная связь в обучении и педагогическом общении // Rhema. Рема. 2018. № 2. С. 112–127.
6. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд. М.: КомКнига, 2006. 256 с.
7. Манёрова К. В. Сокращения в современном немецком языке как результат словообразовательной редукции // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2010. Т. 6. № 2. С. 451–458.
8. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.

REFERENCES

1. Azimov E. G., Shchukin A. N. [Problems of lexicographic description of language teaching terminology]. In: *Voprosy leksikografii* [Russian Journal of Lexicography], 2018, no. 14, pp. 5–23.
2. Grineva-Grineva S. V., Sorokina E. A. [Perspective Directions of Terminological Research]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 5, pp. 18–28.
3. Grineva-Grinevich S. V., Sorokina E. A. [Polysemy in general and special vocabulary]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 51–64.
4. Edlichko A. I. *Internatsional'naya politicheskaya leksika: genezis, razvitie, sovremennoe sostoyanie (leksikograficheskii aspekt)* [International political vocabulary: Genesis, development, current status (lexicographic aspect)]. Moscow, Moscow University Publ., 2016. 192 p.
5. Korenev A. A. [Feedback in learning, teaching and educational communication]. In: *Rhema*, 2018, no. 2, pp. 112–127.

6. Leichik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 256 p.
7. Manerova K. V. [Abbreviations in modern German as a result of reduction in word formation]. In: *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta linguistica Petropolitana], 2010, vol. 6, no. 2, pp. 451–458.
8. Safonova V. V. *Izucheniye yazykov mezhdunarodnogo obshcheniya v kontekste dialoga kul'tur i tsivilizatsii* [The study of languages of international communication in the context of dialogue of cultures and civilizations]. Voronezh, Istoki Publ., 1996. 237 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ang299@yandex.ru

Мишинова Анна Викторовна – студентка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: mishnovaa@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anzhela I. Edlichko – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ang299@yandex.ru

Anna V. Mishnova – student at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: mishnovaa@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Едличко А. И., Мишинова А. В. Термины лингводидактики: функциональный аспект и способы фиксации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 15–26.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-15-26

FOR CITATION

Edlichko A. I., Mishnova A. V. Language teaching terms: functional aspects and lexicographic fixation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 15–26.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-15-26

УДК 81.33

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-27-34

ОСОБЕННОСТИ ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ДЕТСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ АНИМАЦИОННОМ ФИЛЬМЕ

Лукьянова В. С., Колоскова О. А.

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал)
143007, Московская обл., г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье раскрывается процесс функционирования специальной лексики, а именно экономических терминов, в тексте детского анимационного фильма, а также рассматриваются некоторые аспекты прагматического воздействия анимационного кинотекста на потенциального зрителя. В статье представлены основные функции экономических вкраплений на основе проведённого компонентного, контекстуального, лингвостилистического и прагматического анализа. Получены выводы о высокой значимости специальной лексики в тексте детского анимационного фильма, что расширяет научное представление о функционировании экономических терминов в новой коммуникативной системе.

Ключевые слова: экономический термин, прагматические функции, прагмалингвистический и контекстуальный анализ, кинотекст, детский англоязычный анимационный фильм

PRAGMATIC FUNCTIONS OF ECONOMIC TERMS IN ANIMATED MOVIES FOR CHILDREN

V. Lukyanova, O. Koloskova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo Branch)
3 ulitsa Novo-Sportivnaya, Odintsovo 143007, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article reflects the results of the investigation into the role of special words, namely economic terms, in animated movies for children. It considers the pragmatic potential of animated text and its influence on the potential viewer. The paper presents main functions of economic terms based on component, contextual, stylistic and pragmatic analysis. It emphasizes the significance of special lexemes in children's animated movie discourse that broadens scientific knowledge of economic terms functioning in the new system of communication.

Keywords: economic terms, pragmatic potential, pragmlinguistic and contextual analysis, animated text, animated movie for children

Использование экономической лексики, представленной в основном в виде терминологических вкраплений, в таком далеком от экономической тематики виде художественного текста, как детский анимационный фильм, в настоящее время всё больше привлекает внимание учёных-лингвистов. Количество специальных слов в текстах этого жанра постоянно увеличивается, границы употребления данных лексических единиц расширяются. Экономические термины в детском анимационном кино становятся привычными и оказывают разностороннее воздействие на детскую аудиторию.

Взросший интерес к языку детского анимационного фильма (В. С. Лукьянова [5; 9; 10], М. В. Гайдуль [9]; О. А. Гринько [5]; О. А. Колоскова [10]) способствует исследованию вопросов функционирования экономического термина в детском киножанре, что подчёркивает актуальность проводимого исследования. Целью данной работы является рассмотрение прагматических функций экономического термина, описание его типологических характеристик в рамках детского англоязычного анимационного фильма. Материалом исследования послужили более 500 проанализированных примеров использования экономических вкраплений в детском англоязычном анимационном фильме. Методами исследования проблемы экономического термина в детской анимации послужили метод сплошной выборки, метод прагмалингвистического, стилистического и контекстуального анализа терминов в изучаемом контексте.

Новизна работы заключается в том, что в ней впервые изучается специальная лексика детского мультфильма, рассматриваются прагматические аспекты функционирования экономических вкраплений в детской анимации. Данное исследование позволяет сделать вывод об особом прагматическом статусе экономических вкраплений в англоязычном детском анимационном фильме.

На современном этапе развития языкознания интерес лингвистов и филологов к процессу терминологизации языка и речи, и в частности к экономической терминологии, обусловлен высокой степенью интеграции экономических терминов во все сферы современной жизни. Данный пласт лексики исследуется прежде всего в контексте прагматики и перевода (С. В. Гринев-Гриневиц [4], Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни [11]), а также с точки зрения стилистики и детерминологизации (Ю. В. Акинин), при этом особое внимание уделяется как многозначности значения термина, так и участкам неоднозначности его понимания реципиентом [1].

Наблюдающийся в последнее десятилетие переход профессиональной лексики в разряд общеупотребительной говорит о том, что экономическая сфера деятельности подвергается значительным преобразованиям под влиянием различных социальных процессов, требующих семантически точных экономических дефиниций, а также более подробного описания прагматических функций экономических лексем.

Изначально лингвистическая наука наделила термин следующими отличительными признаками: точностью понятийной семантики, однозначностью, стилистической нейтральностью, номинативностью, краткостью, системностью [4]. Определённые требования предъявляются также к значению термина: непротиворечивость семантики; однозначность; полноточность; отсутствие синонимов. Среди прагматических требований выделяются: внедрённость, интернациональность, современность, благозвучность, эзотеричность [4]. По данным последних исследований, объём специальной лексики в языке во много раз превосходит объём общей лексики [14]. На современном этапе развития общества частотность использования данных языковых единиц настолько высока, что они стали неотъемлемой частью диалогов детских анимационных фильмов.

Согласно классификации М. Б. Ворошиловой, текст детского мультипликационного фильма, является отдельным видом кинотекста, представляет собой «особую знаковую систему» и может рассматриваться как «сложное лингво-семиотическое образование» [2]. Данный вид текста представляет особый интерес для исследования в силу ряда причин. В первую очередь, по мнению многих отечественных лингвистов, кинотекст имеет сложный состав. Согласно теории М. Ю. Лотмана, «кино по своей сути – это синтез двух повествовательных тенденций: изобразительной (“движущаяся живопись”) и словесной».

В этом случае слово становится обязательным элементом киноповествования наряду со звуковым и визуальным видеорядом [8]. У. Эко выделяет в составе кинотекста портретный код, лингвистический код и звуковой код [17]. Кроме этого, по мнению исследователей, тексты детских анимационных фильмов необходимо выделить в отдельную группу кинотекстов, так как на невербальном уровне в них всегда используются иконические или изобразительные знаки, что позволяет классифицировать эти тексты, только принимая во внимание «тематику и стилевые характеристики аудиоряда» [13, с. 34–39].

Рассматривая прагматическую роль экономического термина в контексте детского мультипликационного фильма, необходимо отметить, что в силу особенностей кинотекста как одного из видов художественного текста, он способен наделять термин дополнительными коннотациями. Очевидно, что кинотекст создаётся на базе литературного сценария, который представляет собой «произведение художественной литературы со специфическими признаками, связанными с воплощением словесного текста в звукозрительном виде на экране» [13, с. 25]. Среди характерных свойств кинотекста прагматическая направленность является одной из наиболее значимых, так как «представляет собой побуждение реципиента к ответной реакции» [13, с. 28–32].

В тексте детского анимационного фильма экономические термины становятся яркими и точными трансляторами взрослой культуры, использование которых в той или иной коммуникативной ситуации преследует определённую прагматическую цель. Изучая случаи употребления терминологических элементов экономического характера в тексте детского анимационного фильма, мы анализируем взаимодействие двух картин мира: взрослого носителя лингвокультуры и ребёнка, переживающего опреде-

лённую стадию освоения родного языка. В детском мультипликационном фильме экономические включения могут быть вполне сопоставимы с иноязычными или иносистемными вкраплениями, так как представляют собой определённую смену языкового кода с «детского языка» на «взрослый».

Особенности речи на этапе её естественного освоения исследуются как на уровне художественных текстов, создаваемых для детей (М. С. Петровский [12], Е. Б. Харисов [15]), так и на уровне когнитивных характеристик получателя текстовой информации (Л. С. Выгодский [3], А. А. Леонтьев [7], А. М. Шахнарович [16]).

В рамках проводимого нами анализа, учитывающего как жанровые характеристики детского анимационного фильма, так и когнитивные особенности ребёнка-зрителя, рассматривались следующие прагматические функции экономических терминов в контексте детского анимационного кинодискурса: номинативная, аттрактивная, декоративная и демонстративная функции, а также функция языковой компетентности [6, с. 20–21].

В тексте детского анимационного фильма наиболее широко реализуются номинативная и аттрактивная функции специальной лексики: экономические термины дают названия явлениям и предметам, отсутствующим в сознании ребёнка, лексемы специального характера используются для привлечения внимания зрителя к ситуации или персонажу. Особое значение также имеет декоративная функция: для маленького зрителя причастность к миру взрослых посредством употребления сложных и малопонятных слов создаёт дополнительную эмоциональную окраску, привносит неповторимый колорит в ситуацию общения.

Экономические вкрапления могут также выполнять демонстративную функцию в случаях, когда специальные слова экономического характера используются персонажами с целью дистанцироваться от тех, кто не владеет подоб-

ными терминами, что позволяет скрыть определённую информацию или продемонстрировать собственное превосходство.

Функция языковой компетентности в отношении специальной лексики в детском анимационном фильме основана на сформированной у взрослого и формирующейся у маленького зрителя языковой компетенции, которая выражается в способности реципиента понимать, а затем выражать необходимое количество правильно сформулированных фраз или предложений, чему способствуют усвоенные с раннего возраста навыки и умения применения языковых правил или знаков. В случае полноценной реализации данной функции необходимо соблюдение принципа избирательности реципиента, который подразумевает, что авторская интенция доступна в полной мере только адресатам, обладающим достаточной языковой компетенцией и способным понять смысл используемых терминологических вкраплений. Однако главной целью производителей детской анимации является охват как можно большего количества потребителей, а основной аудиторией мультипликационных фильмов остаются дети, чья языковая компетенция находится на стадии формирования, что противоречит принципу избирательности и предоставляет возможность реализовать функцию языковой компетентности в отношении экономических вкраплений в тексте детского анимационного фильма лишь частично. Принцип ограничения круга потребителей не соблюдается и тогда, когда речь идёт о возрастных ограничениях, адресации анимации зрителям определённой возрастной группы (до 5, 12 или до 16 лет) [5; 9; 10]. В последние годы отмечается тенденция игнорирования чёткой возрастной адресации, и детский анимационный фильм классифицируется как фильм «для семейного просмотра». По нашему мнению, в этом случае экономические вкрапления служат для

привлечения внимания более широкой аудитории.

Исходя из приведённого анализа компонентных, контекстуальных, лингвистических и прагматических характеристик экономических терминов, можно выделить следующие особенности прагматических функций, присущих специальной лексике экономического характера в тексте детского кинодиалога.

1. Выполняют функцию непосредственного отображения действительности, называют профессиональные реалии, процессы, свойства. При этом они выступают в своём номинативном значении. *They worked in a department called "Marketing"*¹. And to view them *he charges no fee!*².

2. Имеют большой прагматический потенциал, что позволяет им одновременно выступать в нескольких функциях. Так, наряду с номинативной функцией могут быть реализованы аттрактивная и декоративная функции: *Today I can hunt for tax exemptions*³. В данном примере экономический термин *tax exemptions* не только выступает в своём прямом, номинативном значении, но и является элементом языковой игры, обыгрывая слово "hunt", привлекая внимание зрителя к необычному сочетанию слов и создавая при этом комический эффект.

3. Выступают как средство создания максимально реалистичного сюжета, знакомят юного зрителя с деталями, характерными для «взрослой» ситуации, тем самым способствуя расширению знаний об окружающем мире и развитию когнитивных способностей. Специаль-

¹ The Boss Baby // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/filmy-so-slovarem-na-angliyskom/1716-boss-molokosos-the-boss-baby-2017-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).

² Aladdin // WatchEnglish: [сайт]. URL: <https://watcheng.com/en/movie/aladdin/> (дата обращения: 10.10.2018).

³ Zootopia // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/action/612-zootopia-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.10.2018).

ные слова могут быть не столько информативными, сколько прагматичными. Ассоциируясь со взрослой серьёзной жизнью, они повышают как значимость самой коммуникативной ситуации, так и статус самого коммуниканта, использующего данное вкрапление: *Do you have any idea of the capital that this bank has invested in you, Gru?*¹

4. Используются как средство создания определённой речевой ситуации. Prince Naveen: *No, no, no my parents are fabulously wealthy! But they cut me off for being a...*². В этом примере в силу многозначности слова “cut” используемый термин “cut off” добавляет коннотации и драматизма, и сдержанности, в сцене, когда принц жалуется на жизнь.

5. Могут использоваться в переносном, образном значении, создавая определённый эмоциональный фон. *He set up his office... He conducted meetings*³. В этом примере термины *conduct meetings* и *set up his office* использованы с целью усиления иронии при участии видеоряда: в кадре младенец в памперсе и с соской окружён игрушками для младенцев, пеленальными столиками и другими детскими атрибутами. Если в обычной ситуации такие экономические лексемы относятся к деятельности зрелого делового человека, то в данной сцене речь идёт о младенце, только что прибывшем в семью из роддома. Используемый термин показывает, как сильно малыши любимы и как им удаётся организовать всё своё ближайшее окружение так, чтобы стать главными персонажами в жизни серьёзных взрослых

людей, подчинить их своим интересам и заставить их служить малышам-начальникам.

6. Могут выступать в качестве речевой характеристики персонажа. Чаще всего их употребляют персонажи, представляющие структуры власти, создавая тем самым определённую дистанцированность участников коммуникации: *Unfortunately, lying on a federal form is a punishable offense. Five years jail time*⁴, – а также персонажи-антагонисты: *...far too few of your sinister plots actually turning a profit*⁵. Эффект дистанцированности происходит за счёт семантического усложнения высказывания, когда номинативный смысл соединяется с прагматическим эффектом обвинения. Употребление в речи экономических терминов может рассматриваться как признак высокой компетенции персонажа, владеющего такими сложными словами, его солидного статуса и, таким образом, демонстрировать превосходство говорящего над другими участниками коммуникации.

На основании приведённого анализа можно сделать вывод, что экономические термины в тексте детского кинодиалога представляют определённую значимость в качестве материала для дальнейшего исследования в связи с тем, что данная лексика:

– в информационно-познавательном качестве обладает определённой иллюкутивной силой воздействия на юного зрителя, оказывая влияние на формирование картины мира;

– в художественно-стилистическом аспекте создаёт определённую ситуацию общения, максимально приближает её к реальной, а также придаёт эмоциональную окраску высказыванию, обогащая его дополнительными коннотациями;

¹ Despicable Me // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadjkij-ya (дата обращения: 10.10.2018).

² The Princess and the Frog // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/comedies/954-princessa-i-lyagushka-the-princess-and-the-frog-2009-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).

³ The Boss Baby // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/filmy-so-slovarem-na-angliyskom/1716-boss-molokosos-the-boss-baby-2017-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.02.2018).

⁴ Zootopia // English-films: [сайт]. URL: <https://english-films.com/action/612-zootopia-2016-hd-720-ru-eng.html> (дата обращения: 10.10.2018).

⁵ Despicable Me // Filmatika: [сайт]. URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/gadjkij-ya (дата обращения: 10.10.2018).

– в предметно-логическом ракурсе выполняет дескриптивную и номинативную функции;

– в педагогическом смысле способствует когнитивному и речевому развитию юного зрителя, побуждает его к семантизации незнакомых слов и выражений, становлению социальных и коммуникативных навыков, воздействует на эмоциональную сферу, тем самым повышая интерес зрителя к фильму, усиливая желание ребёнка быть сопричастным ци-

вильзованному миру взрослых, зачастую создавая интригующий или юмористический эффект.

Данное исследование расширяет теоретические и практические знания о функционировании терминов в отдельной системе дискурса (детской анимации), открывая нетипичные аспекты употребления специальной лексики в новом коммуникативном пространстве.

Статья поступила в редакцию 03.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Акинин Ю. В. Детерминологизация английской экономической терминологии (лингвокультурный и функциональный аспект): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 210 с.
2. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Астрель, 2011. 352 с.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
5. Гринько О. А., Лукьянова В. С. Функционально-семантические особенности аббревиатур и акронимов в детском англоязычном игровом и анимационном фильме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 5. С. 63–73.
6. Китанина Э. А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография. Ростов-на Дону: РГЭУ «РИНХ», 2005. 305 с.
7. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
8. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээстираамат, 1973. 229 с.
9. Лукьянова В. С., Гайдуль М. В. Проблема передачи комического эффекта в детском анимационном фильме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 130–142.
10. Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Перевод экономического термина в детском англоязычном анимационном фильме как отражение формирования экономического мышления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 159–166.
11. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. История и теория перевода в России. М.: Издательство МГОУ, 2003. 140 с.
12. Петровский М. С. Книга о Корнее Чуковском. М.: Советский писатель, 1966. 416 с.
13. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
14. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории / отв. ред. Т. Л. Кандалаки. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.
15. Харисов Е. Б. Эмотивность англоязычной детской речи, отраженной в художественной литературе: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 145 с.
16. Шахнарович А. М. Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: Наука, 2009. 165 с.
17. Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message // Working Papers in Cultural Studies. 1972. Iss. 2. P. 103–121.

REFERENCES

1. Akinin Yu. V. *Determinologizatsiya angliiskoi ekonomicheskoi terminologii (lingvokul'turnyi i funktsional'nyi aspekt): dis. ... kand. filol. nauk* [Determinologization of English economic terminology (linguistic-cultural and functional aspect): PhD thesis in Philological Sciences]. Samara, 2010. 210 p.
2. Voroshilova M. B. *Politicheskii kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political creolized text: clues to reading]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical Unibersity Publ., 2013. 194 p.

3. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Astrel Publ., 2011. 352 p.
4. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p.
5. Grin'ko O. A., Luk'yanova V. S. [The functional and semantic features of abbreviations and acronyms in English animated and feature films for children]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 5, pp. 63–73.
6. Kitanina E. A. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke* [Pragmatics of a foreign language word in Russian]. Rostov-on-don, Rostov State University of Economics Publ., 2005. 305 p.
7. Leontyev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p.
8. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallinn, Eestiraamat Publ., 1973. 229 p.
9. Luk'yanova V. S., Gaidul' M. V. [The issues of comic effect translation in children's animated movie]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 3, pp. 130–142.
10. Luk'yanova V. S., Koloskova O. A. [The issues of economic terms translation in animated movies for children as a reflection of economic mindset formation]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2019, no. 2, pp. 159–166.
11. Nelyubin L. L., Khukhuni G. T. *Istoriya i teoriya perevoda v Rossii* [History and theory of translation in Russia]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2003. 140 p.
12. Petrovsky M. S. *Kniga o Kornee Chukovskom* [Book about Korney Chukovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1966. 416 p.
13. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza)* [Film text (linguistic and cultural analysis)]. Moscow, Vodolei Publ., 2004. 153 p.
14. Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: theory issues]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 248 p.
15. Harisov E. B. *Emotivnost' angloyazychnoi detskoj rechi, otrazhennoi v khudozhestvennoi literature: diss. ... kand. filol. nauk* [The emotiveness of English-language children's speech reflected in fiction]. Volgograd, 2001. 145 p.
16. Shahnarovich A. M. *Detskaya rech' v zerkale psikholingvistiki* [Child's speech: psycholinguistic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 165 p.
17. Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. In: *Working Papers in Cultural Studies*, 1972, iss. 2, pp. 103–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукиянова Валентина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru

Колоскова Ольга Анатольевна – старший преподаватель кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал);
e-mail: o-kolosk@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina S. Lukyanova – PhD in Philological Sciences, associate professor at the Department of English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch);
e-mail: vlukyan0203@yandex.ru

Olga A. Koloskova – senior lecturer at the Department of English language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch);
e-mail: o-kolosk@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Особенности прагматических функций экономических терминов в детском англоязычном анимационном фильме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 27–34.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-27-34

FOR CITATION

Lukyanova V. S., Koloskova O. A. Pragmatic functions of economic terms in animated movies for children. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 27–34.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-27-34

УДК 8; 811.111

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-35-40

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МЕТАМОДЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРСОНАЖА В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ

Мозесон А. Ю.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются языковые особенности создания метамодели образа художественного персонажа на примере критических публикаций к роману Д. Г. Лоуренса «Сыновья и любовники» XX – начала XXI вв. С этой целью автором проведён лексико-семантический и лингвостилистический анализ основных концептуальных полей, с которыми соотносится интерпретация ключевых образов персонажей романа. В ходе исследования было установлено, что основными концептами, лежащими в основе создания языковой метамодели ключевых персонажей романа, являются принципы противопоставления и двойственности образов персонажей. Двойственность языкового метамоделирования персонажа способствует вариативности оценочной составляющей образа. Исследование строится на стыке лингвистического и литературоведческого подходов к изучению концепта как ментальной модели.

Ключевые слова: концепт, концептуальное поле, образ, когнитивная модель, метамодел

LINGUISTIC MEANS OF METAMODELLING A FICTIONAL CHARACTER IN CRITICAL PUBLICATIONS OF THE XX–XXI CENTURIES

A. Mosesohn*Moscow City University**4 Vtoroy Selskohoziastvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract. The article dwells on the features of linguistic metamodelling the character in critical publications on D. H. Lawrence novel “Sons and Lovers” in the XX and the beginning of the XXI century. The author conducted a lexico-semantic and linguostylistic analysis of the main conceptual fields that correlate with the interpretation of the novel key characters. The study found that the main concepts underlying the creation of the language metamodel of the novel’s key characters are the principles of oppositionality and duality. The duality principle contributes to the variability of the estimated component of the character image. The research was done at the crossroads of linguistic and literary approaches to concept as a mental model.

Keywords: concept, conceptual field, image, cognitive model, metamodel

Роман английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса «Сыновья и любовники», написанный более ста лет назад, не потерял своей актуальности в настоящее время и продолжает вызывать интерес учёных по всему миру. Знаменитые британские писатели пишут предисловия к новым изданиям романа, известные печатные и онлайн издания публикуют статьи, посвящённые ему, а простые читатели оставляют свои неоднозначные отзывы о героях повествования на просторах интернета.

Критики, основываясь на собственном субъективном отношении к персонажам романа, используют определённые языковые единицы для создания в своих публикациях метамоделей главных персонажей романа. Используемые языковые средства создают образ второго порядка и таким образом предопределяют восприятие героев романа читательской аудиторией. В задачу представленной статьи входит установить, какие лингвистические средства используют критики XX – начала XXI веков для интерпретации персонажей романа Г. Д. Лоуренса и создания модели их восприятия читателями этого периода времени.

Ключевым персонажем романа «Сыновья и любовники» является Гертруда Морел, мать семейства. В литературной критике её образ метамоделюруется в бинарной оппозиции к образу мужа, мистера Морела. Создавая положительно оцениваемый образ матери, критики противопоставляют ему резко негативные характеристики образа отца семейства и наоборот. Данная тенденция наблюдается в подавляющем большинстве критических работ середины XX в. и вплоть до начала XXI в. Важно отметить, что в начале XX в., вскоре после выхода романа в печать, критика, пересоздавая образ миссис Морел, в большинстве своём обращалась к языковым средствам с положительными коннотациями. Благодаря этим средствам читателю заранее предлагался образ настоящей леди более высокого происхождения, чем её муж, образ жертвы грубого отношения мистера Морела и образ матери-героини, посвятившей свою жизнь заботе о детях. Однако, после выхода в свет статьи Куттнера [6], посвящённой проблеме психоанализа и Эдипова комплекса, как основе взаимоотношений матери и сыновей, образ миссис Морел стал приобретать неоднозначную и даже отрицательную оценку. Эта тенденция получила наибольшее развитие в середине–конце XX в., и по сей день прослеживается в критических публикациях

по теме романа. В зарубежном литературоведении критика романа «Сыновья и любовники» в XX в. представлена такими именами, как Марк Шорер (1948), Дороти Ван Гент (1953), Сеймур Бетски (1953), Марк Спилка (1955), Элизео Вивас (1960), Хена Маес-Елинек (1970), Рональд Дрейпер (1976), Мерфин Росс (1987), Джеф Дайер (1999), Фиона Бекет (2002), Моррисон Блейк (2006), Майкл Блэк (2006), Нина Харитату (2012) и многие другие.

В данной работе рассматриваются языковые средства, с помощью которых в литературной критике начала XXI в. создаётся метамоделю образ миссис Морел, главной героини романа. Мы считаем, что ключевые составляющие данной метамоделю можно представить в виде *поля*. Метод поля является одним из самых перспективных современных методов семантических исследований в лингвистике, поскольку позволяет анализировать взаимосвязи между языковыми единицами, формирующими базовые концепты, которые моделируют языковую картину мира современности. Лексико-семантическое поле является сложной системой, объединяющей слова по семантическому признаку и обладающей характерной полевой структурой. Все структурные элементы поля взаимосвязаны между собой, но также взаимодействуют с другими лексико-семантическими полями. Наиболее общее определение понятия поля, данное Ю. Н. Карауловым, характеризует ЛСП как «группу слов одного языка, достаточно тесно связанных друг с другом по смыслу» [2, с. 57]. Компоненты значения слов внутри семантического поля могут иметь как интегральные, так и дифференцирующие признаки, иными словами, находиться в оппозиции друг к другу. В составе ЛСП традиционно выделяют *ядро*, *центр* и *периферию*. Ядро поля создаёт языковая единица с общим значением, или *архисемой*. Центр поля составляют лексические единицы, характеризующиеся большим количеством интегральных признаков. На периферии се-

мантического поля находятся языковые единицы, отличающиеся наличием дифференциальных признаков, способные взаимодействовать с лексемами смежных полей.

Основные составляющие языковой метамоделли персонажа миссис Морел, заложенные в романе самим автором Дэвидом Гербертом Лоуренсом, такие как социальный статус героини, отношение к религии, особенности характера и мировоззрения и др., представлены в романе в бинарной оппозиции к образу мистера Морела. Подобная бинарность, как было уже замечено ранее в статье, сохраняется в литературной критике, появившейся вскоре после публикации романа, а также находит своё развитие в 30-х гг. – второй половине XX в. Можно выделить такие основные оппозиции, как *lady vs miner* (леди vs шахтер), *puritanism vs vitality* (пуританство (в данном случае сдержанность, безэмоциональность) vs энергия, живость), *spiritual vs sensual* (духовный vs чувственный), *intellectual vs physical* (разумное начало vs телесное начало). Критики моделируют *противопоставление (oppositonality)* как основной базовый концепт, характеризующий принцип создания языковой метамоделли образов персонажей мужа и жены.

В ядре концептуального поля *oppositonality* выделяются следующие языковые единицы: *oppositon* (противоположность), *antagonism* (антагонизм, контраст), *conflict* (конфликт, противостояние), *dissociation* (разобщённость), *disintegration* (разъединение), *division* (отделение). На периферии поля находятся такие единицы, как *unlikeness* (непохожесть), *incompatibility* (несовместимость) с меньшей частотностью и более нейтральной оценочностью.

В книге, опубликованной Миддлетоном Мюррей в 1931 г., есть высказывание: “Had she been less his *opposite*, she might indeed have suffered less, but the family would have collapsed upon itself” («Если бы она была меньшей его противоположностью,

возможно она бы меньше страдала, но это не спасло бы семью от разрушения») (здесь и далее перевод мой. – А. М.) [8]. Используя сложную лексико-грамматическую конструкцию, критик предлагает читателю согласиться с мыслью о том, что причина несчастливой браку главной героини кроется в острой противоположности характеров мужа и жены.

Другим концептуальным принципом создания языковой метамоделли персонажей миссис и мистера Морела в критической литературе середины XX – начала XXI вв. является *duality* – принцип *двойственности*, заложенный в структуре образа персонажа. Двойственность метамоделлирования персонажа состоит в вариативности оценочной составляющей образа.

В ходе исследования были выделены основные концептуальные поля, с которыми соотносится интерпретация образов персонажей мистера и миссис Морел в романе «Сыновья и любовники» в середине XX – начале XXI вв.: *abuser vs the abused* (тиран vs жертва – отношения миссис Морел и мистера Морела), *the caring mother vs the abusing mother* (заботливая мать vs мать-тиран – отношения миссис Морел с сыновьями).

Концепт *abuser* впервые появляется в критических статьях после первой публикации романа как составная часть метамоделли образа мистера Морела, мужа главной героини романа, и строится в бинарной оппозиции к образу жены – *the abused*. Иными словами, создавалась резко негативная метамоделль образа отца на контрасте с положительным образом матери. Однако, к началу 30-х гг. XX в. отношения миссис Морел с мужем и сыновьями всё чаще оцениваются через призму психоанализа в свете получившей в то время широкое развитие теории Эдипова комплекса Зигмунда Фрейда, что приводит к развитию неоднозначности, двойственности образов персонажей.

Важно отметить, что на протяжении всего XX в. не все критики создавали ис-

ключительно отрицательную мета модель образа мистера Морела. Были и те, кто подчёркивал неоднозначность данного персонажа. Энтони Бёрджесс в книге, посвящённой жизни и творчеству Д. Г. Лоуренса, писал: "It is one of the paradoxes of literature that *detestable characters* tend to engage our sympathy rather more than *virtuous ones*. Walter Morel is *the disruptive force* that crashes in, *drunk, dirty, selfish, aggressive*, at the end of each idyllic day, but he is *not really antipathetic*. He breaks easily in crisis, he is comically repentant, *his dialect is more engaging than the cold English of rebuke* that Mrs Morel levels at him" [4, p. 41] («В этом один из парадоксов литературы: *отталкивающие действующие лица* способны вызвать в нас сочувствие скорее, чем *добродетельные персонажи*. Уолтер Морел воплощает *разрушительную силу: пьяный, грязный, эгоистичный, агрессивный*, он чуть ли не каждый день вламывается в дом и портит идиллию, но он *не противен*. Он начинает быстро каяться, его *диалект звучит убедительнее*, чем упрёки миссис Морел на *холодном правильном английском*» [1, с. 89]). Данный пример является сложной антитезой: вначале персонажи мистера и миссис Морел противопоставляются друг другу как *отталкивающее действующее лицо vs добродетельный персонаж*. Далее, пейоративные определения, такие как *пьяный, грязный, эгоистичный, агрессивный*, должны создать резко отрицательный образ отца, но им противопоставлено определение, эксплицитно выражающее авторскую оценку персонажа – мистер Морел *не противен*. Называя диалект необразованного шахтёра, на котором Морел разговаривает в споре с женой, *убедительным*, Бёрджесс противопоставляет его *холодному правильному английскому* миссис Морел, что, в свою очередь, транслирует читателю авторскую симпатию к отцу.

В ядро концептуального поля *abuser* языковой мета модели образа матери нами были выделены следующие языко-

вые единицы: *aggressive* (агрессивная), *demanding* (требовательная), *domineering* (властная, деспотичная), *life-destroying* (разрушительная), *destructive* (разрушающая, причиняющая пагубное воздействие), *manipulative* (манипулирующая). К данному лексико-семантическому полю также относятся глаголы описания отношения миссис Морел к мужу: *to reform* (переделать), *to remake* (преобразовать, переделать), *to destroy* (разрушать), *to possess* (владеть). Языковые средства интерпретации образа мужа в данном случае коррелируют с концептуальным полем *the abused (жертва)*: *destroyed* (уничтоженный), *ruined* (разрушенный), *inferior* (низший), *defeated* (разгромленный), *rejected* (отвергнутый).

В статье Хены Маес-Елинек, опубликованной в 1970 г., читаем: "Mrs. Morel is both *admirable and life-destroying, breaking her husband's spirit and inflicting a psychological wound on her sons*" («Миссис Морел одновременно восхитительна и разрушительна, она ломает дух своего мужа и наносит психологическую травму сыновьям») [7]. Метаобраз матери в данном примере создаётся на принципе двойственности и выражен двумя ключевыми определениями *admirable vs life-destroying*.

Другое поле можно условно назвать *the abusing mother*. Его формируют лексические единицы, обозначающие отношение героини с сыновьями. Данный концепт строится на бинарной оппозиции, заполняемой антонимическими средствами интерпретации образа *заботливой матери – the caring mother*. Иными словами, в течение XX в. исключительно положительный образ матери семейства подвергся переосмыслению в критической литературе и разделился на две противоположные мета модели. Ядро поля *the abusing mother* составляют единицы: *possessive* (собственнический), *demanding* (требовательный), *tyrannical* (деспотичный, властный), *exacting* (взыскательный, требовательный).

К началу XXI в. метамоделю образа матери семейства заметно трансформируется, что продемонстрировано в статье Нины Харитату (2012), где приводятся следующие языковые определения миссис Морел: *the constant sufferer and the relentless tormentor* (неизменный страдалец и неумолимый мучитель), *the innocent victim and the monstrous mother* (невинная жертва и чудовищная мать), *an angel and a demon* (ангел и демон) [5].

В состав моделируемого в критических статьях поля входят прецедентные явления, которые, как отмечают исследователи, не только включены в когнитивную базу носителей языка и «связаны не только с общим объемом знаний того или иного индивида, но и определяют его отношения с окружающим миром и внутренним “Я”» [3, с. 57]. Прецедентные явления в большинстве случаев неотделимы от социально-поведенческого контекста индивида или целой группы индивидов.

В статье Нины Харитату образ матери моделируется такими прецедентными именами, как *the mother-Medusa* (мать-Медуза) *vs the great Mother Goddess* (Богиня-Мать): “Beneath the positive features, Lawrence weaves the frightening portrait of the mother-Medusa, who feeds on her sons’ vitality by forcing them to replace their father in her affections. But in Paul’s adolescent mind, Mrs Morel is still the supreme Goddess, the great Mother Goddess ...” («По-

мимо положительных черт, Лоуренс создаёт пугающий портрет *матери-Медузы*, которая питается жизненной силой своих сыновей, заставляя заменить их отца для неё. Но в юном сознании Пола миссис Морел все ещё является *верховой богиней, великой богиней-матерью ...*») [5]. Согласно Эриху Ньютману и другим юнгианским и фрейдистским аналитикам, *Медуза* означает архетип «Ужасной Матери», обозначающий «борьбу молодого человека с поглощающим и притягательным образом женского рода» [5]. Образ *Богини-матери*, напротив, наделён исключительно положительными чертами.

С момента первой публикации романа «Сыновья и любовники» и вплоть до начала XXI в. центральные персонажи моделировались в критической литературе через призму атрибутов времени и социальных стереотипов. В большинстве публикаций середины XX – начала XXI вв. образ матери метамоделюется на основе принципа двойственности и противопоставления образу отца семейства. Литературные критики создают особую лингво-когнитивную модель образа главной героини романа Д. Г. Лоуренса, которая трансформируется по мере развития общества, смены культурных и социальных парадигм, а также гендерной и, как следствие, языковой картины мира.

Статья поступила в редакцию 12.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Берджесс Э. Пламя жизни: Судьба и творчество Д. Г. Лоуренса / пер.с англ., прим. А. Николаевской. М.: Центр книги Рудомино, 2017. 464 с.
2. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
3. Чупрына О. Г. Прецедентные явления в языке и формирование образа мыслей // Формирование культурной и языковой компетентности в процессе изучения иностранного языка. Интернет и изучение иностранного языка: сборник материалов Международной научной конференции. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 56–58.
4. Burgess A. Flame into Being: The Life and Work of D. H. Lawrence. London: Heinemann, 1985. 211 p.
5. Haritatu N. Emotion and the Unconscious: The Mythicization of Women in Sons and Lovers [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/lawrence/93> (дата обращения: 26.07.2017).
6. Kuttner A. B. Sons and Lovers: A Freudian Appreciation // The Psychoanalytic Review. 1916. Vol. 3. Iss. 3. P. 295–317.

7. Maes-Jelinek H. Criticism of society in the English novel between the wars [Электронный ресурс]. URL: <https://books.openedition.org/pulg/876> (дата обращения: 26.07.2017).
8. Murry J. M. *Son of Woman: The Story of D. H. Lawrence*. London, Toronto: Jonathan Cape, 1931. 397 p.

REFERENCES

1. Burdgress E. *Plamya zhizni: Sud'ba i tvorchestvo D. G. Lourensa* [Flame of life: the life and work of D. H. Lawrence]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2017. 464 p.
2. Karaulov Yu. N. [The structure of the lexical-semantic field]. In: *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 1972, no. 1, pp. 57–68.
3. Chupryna O. G. [Precedent phenomena in the language and the formation of a way of thinking]. In: *Formirovanie kul'turnoi i yazykovoï kompetentnosti v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka. Internet i izuchenie inostrannogo yazyka: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The formation of cultural and linguistic competence in the process of learning a foreign language. Internet and foreign language learning: Proceedings of international scientific conference]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2014, pp. 56–58.
4. Burgess A. *Flame into Being: The Life and Work of D. H. Lawrence*. London, Heinemann, 1985. 211 p.
5. Haritatu N. *Emotion and the Unconscious: The Mythicization of Women in Sons and Lovers*. Available at: <https://journals.openedition.org/lawrence/93> (accessed: 26.07.2017).
6. Kuttner A. B. *Sons and Lovers: A Freudian Appreciation*. In: *The Psychoanalytic Review*, 1916, vol. 3, iss. 3, pp. 295–317.
7. Maes-Jelinek H. Criticism of society in the English novel between the wars. Available at: <https://books.openedition.org/pulg/876> (accessed: 26.07.2017).
8. Murry J. M. *Son of Woman: The Story of D. H. Lawrence*. London, Toronto, Jonathan Cape Publ., 1931. 397 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мозесон Александра Юрьевна – ассистент кафедры английской филологии Московского городского педагогического университета;
e-mail: alexsolovyova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra Y. Mosesohn – assistant lecturer at the Department of English Studies, Moscow City University;
e-mail: alexsolovyova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мозесон А. Ю. Особенности языкового конструирования метамоделли художественного персонажа в литературной критике XX – начала XXI веков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 35–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-35-40

FOR CITATION

Mosesohn A. Yu. Linguistic means of metamodelling a fictional character in critical publications of the XX–XXI centuries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 35–40.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-35-40

РАЗДЕЛ II. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112.2'373.611

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-41-49

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕКОНСТРУКЦИИ СМЫСЛА В АВТОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Воронина Л. В., Скокова Т. Н.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье приоритет отдаётся применению методики когнитивно-прагматического анализа с включением элементов следующих методов: конструктивного (моделирование) и общепилологических (идентификационный, интерпретативный). Авторский дискурс интерпретируется как средство доступа к наблюдаемым и скрытым когнитивным процессам, ментальным сферам, объективируемым с помощью лингвокогнитивной комбинаторики. В работе приводится пример построения концептуальной модели смыслопорождения, в основе которой лежит выявление связи составляющих концепта GLAUBE с внешними целостностями, результатом чего является представление эффекта интеграции актуального знания о смыслах как системных качествах, которые определяют не только феномен языкового сознания автора, но и рационализацию рецепиентом смыслов, неявно присутствующих в содержании авторского текста-дискурса. Результаты исследования могут быть использованы при чтении курсов по теории дискурса и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: концептуальная модель, процесс смыслопорождения, авторское языковое сознание, лингвокогнитивная комбинаторика, ре-актуализация смысла авторского текста

THE CONCEPTUAL MODEL OF THE MEANING RECONSTRUCTION IN THE AUTHOR'S DISCOURSE

L. Voronina, T. Skokova

*Belgorod State National Research University
85 ulitsa Pobedy, Belgorod 308015, Russian Federation*

Abstract. The priority in the article is given to the application of the methods of cognitive-pragmatic analysis including elements of the following methods: the constructive (modeling) and the general philological (identification, interpretive). The author's discourse is interpreted as a means of access to observable and hidden cognitive processes, mental spheres, objectified with the help of linguocognitive combinatorics. The article gives an example of constructing a conceptual model of meaning generation based on the identification of the relationship between the components of the GLAUBE concept and the external integrity, resulting in the presentation of the effect of integrating the relevant knowledge about the meaning as systematic qualities defining not only the author's

© CC BY Воронина Л. В., Скокова Т. Н., 2019.

language consciousness phenomenon but the recipient's rationalization of the meanings implicitly present in the author's discourse text. The results of the study can be used in university theoretical courses on the theory of discourse and cognitive linguistics.

Keywords: conceptual model, process of meaning generation, author's linguistic consciousness, linguo-cognitive combinatorics, re-actualization of the meaning of the author's text

Методологические основания исследования

Ф. де Соссюр писал, что при исследовании отдельных языковых явлений одновременно с нескольких точек зрения объект лингвистики является грудой разнородных, не связанных между собою явлений [6]. В таком случае речь идёт о коренном отличии предметного изучения от системного. Рассматриваемые признаки какого-то явления, включая языковое, определяются отношениями, присущими совокупности свойств данного объекта, имманентными отношениями его частей, но при этом он выступает в отрыве от внешней детерминации. Но надо заметить, что в результате подобного анализа всё же формируется определённое знание, которое отражает сущность внутренних взаимозависимостей. Ещё Витольд Дорошевский писал, что мыслить – значит осознавать зависимости между вещами, это означает, что мы «должны стремиться к тому, чтобы наша мысль определялась не факторами, заключёнными в монаде нашего “Я”, а факторами, внешними по отношению к нашему сознанию» [1, с. 110]. Для более структурированного познания явления необходимо совмещение реализованной сознанием способности представления целостных образований в виде совокупности их частей и представления о «внешнем». Иными словами: процесс познания включает в себя выявление отношений частей с учётом внешних условий. Исходя из такого подхода, реконструкция концептуальной модели процесса смыслопорождения в авторском контексте, что является предметом исследования в данной статье, представляет собой систему знания как объёмного представления о данном явлении. При этом разные срезы анализа

(например, с точки зрения словообразовательных моделей, типовых синтаксических конструкций, разного рода явных и имплицитных смыслов синтагматических конструкций, являющихся, на наш взгляд, лингвокогнитивными комбинациями) взаимопроникают и дополняют друг друга, продуцируя в результате актуальное знание об особенностях авторского языкового сознания на актуальном когнитивном этапе. Заметим, что под **авторским языковым сознанием** нами понимаются пронизывающие продукт авторской мысли идеи, которые, будучи локализованными с помощью средства вербализации этих базовых концептов в авторском дискурсе, становятся функционирующим производителем нового продукта – познавательной работы сознания реципиентов, перехода от восприятия авторских идей к осознанию и кристаллизации нового знания. Подчёркнём, что при реконструкции допускается некоторая степень субъективности. В этом мы солидарны с мнением К. Адамчика, который пишет в одной из своих работ: “Dem Leser ist ... die Gesamtheit der Erfahrungen des Urhebers nie ganz zugänglich und er versteht einen Text auch vor dem Hintergrund der eigenen Welterfahrung. Es hat also eine Verschiebung stattgefunden, vom Bemühen um richtige Auslegung (Re-Konstruktion) eines (vom Autor gesetzten) Sinns zum Verstehen als Konstruktion eines Sinns durch und für den Rezipienten. Ins Blickfeld rückt damit das, was der Rezipient dem Text hinzufügt, was er aus einer bestimmten Perspektive in ihn ‚hineinliest‘ und/oder bei der Wahrnehmung und Verarbeitung unterdrückt oder ausblendet“ [7, s. 25].

В структуре и содержании коммуникации важнейшими являются такие конструкты, как:

1) текст как синтаксическое целое “(schriftlich) fixierte, thematisch hängende Folge von Aussagen”¹; “Text bezeichnet eine begrenzte Folge von sprachlichen Zeichen, die in sich kohärent ist und die als Ganzes erkennbare kommunikative Funktion signalisiert” [7, s. 55];

2) авторский текст-дискурс, называемый в терминах Д. Буссе концептуальным письменным языковым продуктом (“konzeptionell schriftlicher Sprachprodukt”) [8, s. 123] или продуктом авторского познания, выражаемого в словах или предложениях, продуктом мысли автора или эпистемическим результатом авторской деятельности; там же учёный характеризует данный вид текста следующим образом: “Wissen, in das ein Wort oder Satz eingebettet werden muss, damit man es/ihn angemessen verstehen kann“ [8, s. 123];

3) дискурс как тематически связанные множества текстов, визуализируемые в виде сложной сетевой структуры, пронизанной множеством формальных, содержательных и предметных отношений. З. Д. Попова справедливо замечает, что текст-дискурс отличается от текста-синтаксического единства тем, что он имеет значимость благодаря отношениям к другим текстам дискурса. «Наличие этих отношений позволяет находить в тексте-дискурсе признаки времени и места его создания, признаки, несущие информацию о культуре и других сторонах жизни народа – носителя языка, а также о некоторых чертах его автора. У текста-дискурса также нет значения (сигнификата), и потому он не является знаком в лингво-семиотическом понимании, но благодаря наличию значимости он содержит в себе более разнообразную знаковую информацию, в нём больше знаковых сигналов и симптомов» [3, с. 294]. Таким образом, для изучения продукта авторского языкового сознания и построения концептуальной модели процесса смыслопорождения в

нём необходимо учитывать: а) содержание лингвокогнитивных комбинаций, которые интериоризируют преемственность, общность в жизни разных поколений людей, связь времён, и б) осмысление бессознательного, рационализацию неявно присутствующего в этом содержании. “Sowohl für die Textverarbeitungs – als auch für die Textproduktionsforschung lässt sich in letzter Zeit eine vermehrte Hinwendung zur Situiertheit der Prozesse feststellen. Berücksichtigt werden die Faktoren wie das individuelle Vorwissen, der kommunikative Handlungszusammenhang, aber auch kulturelle Aspekte” [9, s. 291].

В данной статье осуществлена попытка реконструкции концептуальной модели процесса смыслопорождения на примере произведения Г. Э. Лессинга “Nathan der Weise”. Научная новизна исследования состоит в использовании особой концептуальной модели фиксации движения мысли в авторском дискурсе, в результате использования которой вырисовывается ещё один возможный путь прояснения и изучения авторского мышления или установления скрытых смыслов, порождаемых языковой комбинаторикой. В этой связи *цель исследования*, состоящая в выявлении и систематизации элементов многомерного смысла, объективированного лингвокогнитивными структурами в авторском дискурсе, обуславливает решение следующих *задач*:

1) выявление лингвокогнитивных комбинаций в авторском немецкоязычном тексте-дискурсе, вербализующих составляющие концепта GLAUBE;

2) установление отражённых в категориях авторского знания связей с внешними целостностями;

3) восприятие, трансформация и реконструкция смыслов.

Под *внешними целостностями* следует понимать, на наш взгляд, следующие категории:

– двухмерную систему человеческого «Я», базирующуюся на отношении ин-

¹ См.: Text // DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: [сайт]. URL: <https://www.dwds.de/wb/Text> (дата обращения: 02.06.2019).

ключивности (индивидуально мыслящее «Я» включено в то целое, которое образует «НЕ-Я», индивидуум интегрирован в систему этнокультуры и пр.);

– содержание сознания, транспортируемое формами чувственности (чувственность), связанное с отношениями, которые становятся векторами поступков и находятся в плоскости, лежащей между двумя полюсами: одобрение, признание – неодобрение, непризнание;

– пространство-время, связанные с отношением «общее – частное» при восприятии-узнавании бытия как вечности и бесконечности в целом, а также конечности и временности конкретных элементов, включая человека (см. подробнее: [11]). Концепт GLAUBE, как и другие концепты круга познания, структурируется путём «вращивания» данных целостностей.

Теоретическая значимость статьи состоит в разработке алгоритма декодирования смысла в авторском тексте-дискурсе, основные этапы которого нами изложены в основной части данного исследования.

Основная часть

1. Лингвофилософский уровень. На этом уровне нами анализируются лингвокогнитивные комбинации, которые объективируют общее в жизни разных поколений людей, связь времён. К таким комбинациям, к примеру, в немецком языке относятся: *der Glaube an Gott, die Freiheit des Glaubens, seinen Glauben verleugnen, an seinem Glauben festhalten, für seinen Glauben sterben müssen, jmdn. für seinen Glauben gewinnen, jmdn. in seinem Glauben stärken, zu einem anderen Glauben überwechseln, jmdn. zu einem anderen Glauben bekehren* и др. Стоит подчеркнуть, что лингвокогнитивные структуры этого уровня являются репрезентативными с точки зрения общекультурной специфики. Так, в работе Т. Б. Радбиль [4, с. 28–32] на примере русского языка анализируются слова, характерные для

репрезентации концепта ВЕРА. В частности, автор говорит о деривационном инструментарии, который заключается в анализе словообразовательных возможностей для обнаружения смыслов. В русском культурном сознании это слова, имеющие корень *вер-*: при их употреблении в разных контекстах репрезентируются ментальные состояния, установки личности, её убеждения и принципы, идеалы и нормы, человеческие отношения, а также внутренний мир (см. об этом также: [5, с. 18–21]). В корпусе немецкого языка широко представлен словообразовательный элемент *-glaube*: *Bibelglaube, Christenglaube, Gottesglaube, Heilsglaube, Jenseitsglaube, Kirchenglaube, Unsterblichkeitsglaube, Wunderglaube*. Связь внешних целостностей с лингвокогнитивными комбинациями этого уровня формирует следующие элементы концепта GLAUBE: «исповедание», «вероучение», «признание себя сторонником веры», «религиозная приверженность», «вероисповедание», «конфессия». Лингвокогнитивные комбинации анализируемого же авторского текста объективируют такие составляющие концепта GLAUBE, как:

– «смирение», «благочестие», «неизбежность перед волей божьей», выражаемые, в частности, следующими синтагматическими комбинациями: *was Sträfliches vor Gott nicht verhindern können, was nicht ändern können, Gott loben* (см. исследуемый контекст Г. Э. Лессинга¹);

– «безграничное доверие», «грёза», «мечта», репрезентируемые с помощью словосочетаний *dem Schutz (des Engels) vertrauet glauben, ein süßer Wahn* и т. д. в тексте автора;

– «любовь к Богу», «любовь Бога, граничащая с чудом» (*Gott lieben, stündlich Wunder tun, von aller Ewigkeit Wunder tun* и др.).

Корреляция между внешними целостностями и составляющими концепта

¹ Lessing G. E. Nathan der Weise // Bibliothek – Zeno.org: [сайт]. URL: <http://www.zeno.org/nid/20005262259> (дата обращения: 02.06.2019).

GLAUBE, вербализованными различными лингвокогнитивными структурами, порождает смысл, состоящий в следующем:

– человеческая личность преобразуется при особом восприятии божественной воли, любви Бога (*deren Schutze sich Ihr kleines Herz so gern vertrauet glaubte*);

– но воля Бога – это ещё и его воздействие, которое помогает человеку что-то совершить (*Er (Gott), er trug Euch und den Nachen auf Flügeln seiner unsichtbaren Engel; er winkte meinem Engel, dass er sichtbar auf seinem weißen Fittiche, mich durch das Feuer trüge*);

– вера – это осознание единства абсолютного нравственного требования, чем является божья воля, и воли самого человека; восприятие этой гармонии должно быть единым для всех людей (*Lasst lächelnd wenigstens ihr einen Wahn, in dem sich Jud' und Christ und Muselmann vereinigen*);

– вера – это то, что делает небезразличным ни прошлое, ни то, что духовно значимо сейчас и в будущем, что парит, подобно ангелу, и служит во благо человека (*von Kindheit auf glauben; der Engel sei aus seiner Wolke, in die er sonst verhüllt, auch noch im Feuer, um sie geschwebt, hervorgetreten*).

2. Уровень, релевантный для актуализации авторского (обусловленного авторским сознанием) смысла. При репрезентации уровней концепта GLAUBE в произведении Г. Э. Лессинга используются языковые единицы, которые свидетельствуют о субъективном, т. е. о его конкретно-индивидуальном, восприятии веры. В. А. Карташев подчёркивал: «... субъективное есть отражение в жизнедеятельности живого организма принципа конкретности реакции, поэтому проявление субъективного всегда индивидуально» [2, с. 237]. Для автора анализируемого произведения концепт GLAUBE включает следующие составляющие:

– «субъективная уверенность в чём-то без доказательств», вербализуемая словосочетаниями *sich von einem Engel*

gerettet denken, die unbegreifliche Ursache seiner Rettung и др.;

– «психологическая установка на догму», выражаемая синтагмами *vom Stifter mit Menschlichkeit den Aberglauben würzen; Stolz (der Christen) ist: Christen sein; nicht Menschen; nicht weil es menschlich ist; weils Christus lehrt; weils Christus hat getan; sie können seine Tugend auf Treu und Glaube nehmen; sein Name soll überall verbreitet werden* и в других фрагментах текста-дискурса¹;

– с одной стороны, «компенсация недостатка чего-то в жизни человека» (например, отсутствия примеров в действительности, воспитывающих лучшие качества), которая объективируется в произведении конструкциями *für den Gott kämpfen; den Taten der Glaubenshelden stets Bewunderung haben* и др., с другой, убеждённость в том, что это «врождённое качество»: *Ergebenheit in Gott hängt von unserm Wähnen über Gott nicht ab*;

– «вера – это доверие к своим близким» (неважно, какую религию они исповедуют): *Treu und Glauben zieht man der Seinen am wenigsten in Zweifel; die Seinen haben uns nie getäuscht; die Seinen geben von Kindheit an uns Proben ihrer Liebe; die Religionen sind bis auf die Kleidung, bis auf Speis und Trank zu unterscheiden* и др.

Связь такой целостности, как чувственность, с составляющими реконструируемого концепта, продуцирует особое восприятие авторской мысли:

– настоящим богом природы является человек: *ein Mensch müsste ein Engel sein, euer Nächster weit mehr gewinnt, als er (Gott), sein Name (des Gottes) soll die Namen aller guten Menschen schänden, verschlingen, Christ und Jude sind (nicht) eher Christ und Jude, als Mensch*; *dem Wesen (dem Menschen) viele große Dienste tun; wenn ich einen mehr in Euch gefunden hätte, dem es gnügt, ein Mensch zu heißen*;

¹ См.: Lessing G. E. Nathan der Weise [Электронный ресурс] // Bibliothek – Zeno.org: [сайт]. URL: <http://www.zeno.org/nid/20005262259> (дата обращения: 02.06.2019).

– только человеку нужно служить, не ангелу или Богу, и только для него творить добро: *einem Engel, was für Dienste, für große Dienste könnt ihr dem wohl tun? Ihr könnt ihm danken; zu ihm seufzen, beten; könnt in Entzückung über ihn zerschmelzen; könnt an dem Tage seiner Feier fasten, Almsen spenden. – Alles nichts); er (der Engel) wird nicht fett durch euer Fasten; wird nicht reich durch eure Spenden; wird nicht herrlicher durch eur Entzücken; wird nicht mächtiger Durch eur Vertraun; allein ein Mensch;*

– индивидуум не должен быть привержен образу мышления, которое в основе своей опирается на стереотипные положения, на невозможность воспринимать иную точку зрения или проводить какой-либо критический анализ: *Stolz! und nichts als Stolz! Der Topf von Eisen will mit einer silbern Zange gern aus der Glut gehoben sein, um selbst ein Topf von Silber sich zu dünken;*

– вера должна начинаться с того, что человек выделяет для себя самое главное в жизни: ценность семьи, доверие к людям;

– с этой точки зрения все религии выполняют одну и ту же функцию – воспитательную;

– истинная религия изменяется в зависимости от эволюции человеческого знания и разума (*alle (Religionen) gründen sich auf Geschichte*);

– такая религия неизменно порождает стремление к добру и справедливости (ср. следующий контекст: *Kann ich von dir verlangen, dass du deine Vorfahren Lügen strafst, um meinen nicht zu widersprechen? Oder umgekehrt. Das nämliche gilt von den Christen*¹).

3. Уровень рационализации неявно присутствующего в содержании текста-дискурса и порождения нового знания. На этом уровне речь идёт о следующем феномене: с использованием лингвокогнитивных конструкций авто-

ром вводятся в текст-дискурс не только эксплицитно формализованные текстовые структуры. С помощью такого рода конструкций активизируется комплекс импликаций, ментальных представлений об отношениях, состояниях, действиях. Их выявление ведёт к рационализации неявного смысла, нового знания о каком-то явлении. Кроме того, заметим, что текст-дискурс – это один их коннотаторов текста (в терминологии Р. Барта), позволяющий ре-конструировать не только то, что намеревался выразить автор, но и то, о чём «сообщает» текст.

Таковыми синтагматическими комбинациями, к примеру, являются словосочетание *großer Mann* и сложное существительное *Mittelgut* в контексте произведения Лессинга. Прототипической ментальной сферой являлся образ человека как настоящего бога природы, о чём говорилось выше. Здесь же на передний план выступает процесс создания «смешанного пространства» (термин из теории концептуальной интеграции): с одной стороны, человек может быть воспринят как «великий», а с другой, как «средний», «промежуточный продукт», «продукт среднего качества» (нем.: “durchschnittlich gut”, “durchschnittlich gut in der Qualität”, “zufriedenstellend”) (*Findt sich überall in Menge*). Если первоначально был выделен уровень концепта GLAUBE «вера – это верность Богу», то здесь образуется принципиально новый интегральный элемент концепта, а именно: «вера – это верность человека самому себе»: *der Knorr muss den Knuppen hübsch vertragen; ein Gipfelchen muss sich nicht vermessen, dass es allein der Erde nicht entschossen.*

Рассмотрение в парадигме переработки информации (нем. Informationsverarbeitungsparadigma [10, s. 75]) ещё двух отрывков, где автор вкладывает в уста Натана притчу о трёх кольцах, заимствованную им из известного произведения Боккаччо, также позволяет, как нам представляется, ре-актуализировать некоторые смыслы авторского текста.

¹ См.: Lessing G. E. Nathan der Weise // Bibliothek – Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/nid/20005262259> (дата обращения: 02.06.2019).

В христианской символике кольцо, круг (ореол, нимб) (нем. Ring, Nimbus, Glanz, der jmd., etw. umgibt, Heiligenschein, Groliole) передают следующие смыслы: духовность, святость, преклонение, взеземное происхождение; отвержение в его центре символизирует место прохождения божественной силы. Словосочетания *der rechte Ring, der echte Ring, der falsche Ring* в анализируемом контексте вербализуют концептуальную составляющую «приверженность одной из религий». Кажется, что автор оставляет, однако, без ответа вопрос, приверженность к какой из них является верным выбором. Но соединение **двух** концептуальных сфер, а именно: **1)** «кольцо – это целостность, замкнутость, законченность», что ассоциируется с бесконечностью (вспомним целостность «время-пространство»): *Und wenn sich dann der Steine Kräfte Bei euern Kindes-Kindeskindern äußern: So lad' ich über tausend tausend Jahre, Sie wiederum vor diesen Stuhl. Da wird Ein weiser Mann auf diesem Stuhle sitzen, Als ich; und sprechen*¹; «кольцо – это отсутствие углов», что ассоциируется с неспособностью причинить боль, любовью, кротостью, уживчивостью, обходительностью и добротой (*der Vater wollte die Tyrannie des Rings nicht länger in seinem Hause dulden; er hat alle drei geliebt, gleich geliebt*) и **2)** «вера – это обладание истинной религией»: *innigster Ergebenheit in Gott*, – **порождают следующее знание:** «вера – это достижение гармонии», проявляющейся в бесконечной цепи благородных дел, в милосердии и любви, вдохновляемых небесной силой и божественным дыханием (ср.: *die Wunderkraft beliebt zu machen mit*

Sanftmut, mit herzlicher Verträglichkeit, mit Wohltun).

Выводы

1. Аргументы, которые позволяют выявить составляющие концепта GLAUBE, понятны, на наш взгляд, на основании анализа лингвокогнитивных структур. *Авторские лингвокогнитивные конструкции* – это своего рода репрезентанты ментальных пространств, которые могут передавать больший объём знаний в процессе коммуникации, чем при использовании лингвистических моделей с прямым значением.

2. *Модель реконструкции процесса порождения смысла* в авторском дискурсе может быть представлена в следующем виде: внешние целостности (двуединство человеческого «Я», чувственность, пространство-время) → лингвокогнитивные конструкты → **концепты** → **интерполяция элементов, которые содержатся имплицитно или эксплицитно в тексте-дискурсе** ← концепты ← лингвокогнитивные конструкты ← импликации, ментальные представления об отношениях, состояниях, действиях ← внешние целостности.

3. *Основная цель ре-актуализации смысла авторского текста* Г. Э. Лессинга состоит в том, чтобы доказать, что, несмотря на то, что ценности и смыслы, по мнению психологов, изменяются вследствие накопленного опыта, всё же существуют смыслы и ценности, которые никогда не потеряют своей важности и остроты, как, например, «вера как возвышение над религиозным фанатизмом».

Статья поступила в редакцию 27.08.2019

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 285 с.
2. Карташев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. М.: Прогресс-Академия, 1995. 325 с.
3. Попова З. Д. Текст и дискурс в знаковой ситуации // Слово. Сознание. Культура. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 291–297.

¹ См.: Lessing G. E. Nathan der Weise // Bibliothek – Zeno.org. URL: <http://www.zeno.org/nid/20005262259> (дата обращения: 02.06.2019).

4. Радбиль Т. Б. «Вера» как уникальный русский культурный концепт в свете лингвокогнитивного анализа // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVIII Кирилло-Мефодиевские чтения». Ярославль: Ремдер, 2017. С. 28–33.
5. Радбиль Т. Б. Словообразовательное освоение заимствований современным русским языковым сознанием: лингвокультурологический аспект // Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов / под ред. Л. В. Рацибурской. М.: Флинта, 2018. С. 11–53.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Юрайт, 2019. 303 с.
7. Adamzik R. Textlinguistik. Berlin: Walter de Gruyter, 2016. 407 S.
8. Busse D. Semantik. Munchen: Padeborn, 2009. 144 S.
9. Luginbühl M., Pantli A.-K. Textlinguistik // Studienbuch Linguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. S. 241–293.
10. Nünning V., Nünning A. Methoden der literatur- und kulturwissenschaftlichen Textanalyse. Stuttgart, Weimar: J. B. Metzler, 2010. 339 S.
11. The Role of Language Representation of the Time Model in the Process of Meaning Creation / L. Voronina, T. Skokova, Y. Melnikova, O. Yarygina, G. Miroshnichenko // Journal of History Culture and Art Research (e-journal). 2018. Vol. 7. No. 2. URL: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/article/view/1586> (дата обращения: 20.05.2019).

REFERENCES

1. Doroshevsky V. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow, Progress Publ., 1973. 285 p.
2. Kartashev V. A. *Sistema sistem. Ocherki obshchei teorii i metodologii* [A system of systems. Essays on general theory and methodology]. Moscow, Progress-Akademiya Publ., 1995. 325 p.
3. Popova Z. D. [Text and discourse in the iconic situation]. In: *Slovo. Soznanie. Kul'tura* [Word. Consciousness. Culture]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, pp. 291–297.
4. Radbil' T. B. ["Faith" as the Unique Russian Cultural Concept in the Aspect of Linguocognitive Analysis]. In: *Aktual'nye voprosy izucheniya mirovoi kul'tury v kontekste dialoga tsivilizatsii: Rossiya – Zapad – Vostok: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, traditsii, vzaimodeistvie. XVIII Kirillo-Mefodievskie chteniya»* [Topical questions of world culture in the context of the dialogue of civilizations: Russia – West – East: Proceedings of International scientific-practical conference "Slavic culture: origins, traditions, interaction. XVIIIth Cyril and Methodius readings"]. Yaroslavl, Remder Publ., 2017, pp. 28–33.
5. Radbil' T. B. [Derivational development of borrowing in modern Russian linguistic consciousness: linguistic cultural aspect]. In: Ratsiburskaya L. V., ed. *Sotsiokul'turnye i lingvopragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh protsessov* [Sociocultural and linguopragmatic aspects of modern word-formation processes]. Moscow, Flinta Publ., 2018, pp. 11–53.
6. Saussure F. de. *Kurs obshchei lingvistiki* [Course in General linguistics]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 303 p.
7. Adamzik R. Textlinguistik. Berlin, Walter de Gruyter, 2016. 407 S.
8. Busse D. Semantik. Munchen, Padeborn, 2009. 144 S.
9. Luginbühl M., Pantli A.-K. Textlinguistik. In: *Studienbuch Linguistik*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 2004, S. 241–293.
10. Nünning V., Nünning A. Methoden der literatur- und kulturwissenschaftlichen Textanalyse. Stuttgart, Weimar, J. B. Metzler Publ., 2010. 339 S.
11. Voronina L., Skokova T., Melnikova Y., Yarygina O., Miroshnichenko G. The Role of Language Representation of the Time Model in the Process of Meaning Creation. In: *Journal of History Culture and Art Research (e-journal)*, 2018, vol. 7, no. 2. Available at: <http://kutaksam.karabuk.edu.tr/index.php/ilk/article/view/1586> (accessed: 20.05.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;

e-mail: voronina@bsu.edu.ru

Скокова Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;

e-mail: skokova@bsu.edu.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Larisa V. Voronina – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University;

e-mail: voronina@bsu.edu.ru

Tatiana N. Skokova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of German and French Languages, Belgorod State National Research University;

e-mail: skokova@bsu.edu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воронина Л. В., Скокова Т. Н. Концептуальная модель реконструкции смысла в авторском дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 41–49.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-41-49

FOR CITATION

Voronina L. V., Skokova T. N. The conceptual model of the reconstruction of meaning in the author's discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 41–49.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-41-49

УДК 811.11 + 82-1/-9

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-50-58

СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ Р. М. РИЛЬКЕ И Э. М. РЕМАРКА КАК КОГЕРЕНТНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Лысенкова Е. Л., Ковынева Е. А.

Северо-Восточный государственный университет

685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются жанровые и лингвостилистические особенности стихотворений в прозе двух мастеров слова – немецкоязычных авторов Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка. Проведённый компаративный анализ выявил отличительные черты данных произведений, среди которых отметим отсутствие метrorитмических признаков, субъективное описание действительности, лаконизм выражения, повышенную экспрессивность, обилие образных и стилистических средств на небольшой текстовой площади. Теоретическая значимость работы определяется введением в научный оборот неопубликованных произведений Э. М. Ремарка, вкладом в разработку методики сопоставления произведений разных авторов; практическая значимость заключается в возможном использовании данных материалов в курсах истории литературы, лингвостилистического анализа текста, стилистики немецкого языка.

Ключевые слова: жанр, стихотворение в прозе, Р. М. Рильке, Э. М. Ремарк, когерентность, форма, повышенная эмоциональность, прагматический потенциал

R. M. RILKE'S AND E. M. REMARQUE'S PROSE POEMS AS COHERENT ARTISTIC PHENOMENA (LINGUOSTYLISTIC ASPECT)

E. Lysenkova, E. Kovyneva

North-Eastern State University

13 ulitsa Portovaya, Magadan 685000, Russian Federation

Abstract. The article discusses genre and linguistic-stylistic features of prose poems by two distinguished writers – German language authors R. M. Rilke and E. M. Remarque. The comparative analysis revealed main characteristics of these works, including lack of metro-rhythmic patterns, a subjective description of reality, laconic expressions, excessive expressiveness, the abundance of figurative and stylistic means in a small text-space. The theoretical significance of the work is determined by the introduction into the scientific circulation of unpublished works by E. M. Remarque, a contribution to the development of methodology for comparing works by different authors. Practical significance lies in the possible use of these materials in courses on the history of literature, linguo-stylistic text analysis, and stylistics of the German language.

Keywords: genre, prose poems, R. M. Rilke, E. M. Remarque, coherence, form, excessive emotionality, pragmatic potential

Обратиться к творчеству двух, на первый взгляд, разноплановых величин – Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка – в аспекте сравнения их произведений нас побудило следующее обстоятельство. Как известно, Р. М. Рильке является уникальным немец-

коязычным поэтом конца XIX – начала XX вв., Э. М. Ремарк – всемирно известный прозаик XX столетия. Какие точки соприкосновения можно обнаружить в творчестве двух гениев, чьи произведения относились к разным литературным жанрам и отличались тематически? В данном случае как нельзя лучше подходит идея теории универсальности гениев, которую мы попытаемся обосновать в начале данной статьи.

Именно то обстоятельство, что рамки гениальности пишущего человека не могут сдерживать его творческий потенциал в русле какого-либо одного направления или жанра, даёт ему возможность реализовать себя как полижанровую языковую личность, обладающую своим идиостилем. Если языковая личность является ещё и полилингвальной, её элитарность и необычность становится уникальной [8, с. 57–60]. Р. М. Рильке почти всю жизнь провёл в исканиях: это были поиски себя, поиски ниши, где он мог бы максимально реализовать свои творческие возможности, поиски языка, на котором хотелось бы творить. Это были и поиски жанра, о чём свидетельствует многостороннее литературное наследие Рильке, вобравшее в себя и поэзию, и прозу, драматургические опыты, стихотворения в прозе, блестящие образцы эссеистики и эпистолярного стиля.

Э. М. Ремарк известен читателю своей прозой и драматургией. О существовании поэтических произведений почитателям его творчества стало известно только в 1998 г. – после выхода в свет пятитомника “Das unbekannte Werk”, в который были включены ранние произведения Э. М. Ремарка, в том числе и его стихотворения. Поэтическое наследие Ремарка относительно невелико: сегодня известно 168 поэтических произведения. Самыми продуктивными годами Ремарка-поэта оказались 40–50-е гг., когда было создано большинство стихотворений, многие из которых, к сожалению, до сих пор не опубликованы. Поэтому для большей ча-

сти читателей факт существования стихов Ремарка до сих пор не известен. Тем не менее поэтическая составляющая в наследии писателя – не эпизод; это была та необходимость, о которой Ремарк никогда не переставал думать как о своём главном предназначении [2, с. 4].

В творческом наследии Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка есть небольшой пласт произведений, который нельзя отнести ни к прозе, ни к поэзии в их чистом жанровом виде. Речь идёт о стихотворениях в прозе. Отметим то обстоятельство, что Р. М. Рильке наряду с такими авторами, как Г. фон Гофманнсталь, Т. Манн, Г. Манн, О. де Бальзак, Э. По, Ф. Стендаль, Ф. Верфель, Г. Флобер, Дж. Лондон и др., был одним из любимых авторов Ремарка [10, S. 39]. Однако поэтическая продукция Рильке и Ремарка весьма различается по многочисленным критериям, поэтому вряд ли здесь можно говорить о влиянии творчества Рильке либо о подражании Рильке. Наша задача будет заключаться в выявлении взаимосвязанных особенностей и отличительных черт стихотворений в прозе двух великих мастеров слова. Размышляя же о когерентности произведений данных авторов, мы имеем ввиду, по аналогии с физикой, один и тот же источник возникновения данных произведений, но связываем его не с авторством текстов, а с жанром рассматриваемых произведений.

Обратимся к особенностям жанра стихотворений в прозе. Стихотворение в прозе как жанр является одной из промежуточных форм литературы, формой на стыке поэзии и прозы, о чём свидетельствует само название жанра. Стихотворение в прозе представляет собой краткое лирическое произведение эмоционального характера, по форме приближенное к прозе и одновременно по своей мелодике, повышенной эмоциональности, по лирическому сюжету (и даже по элементам рифмования) – к поэзии. В разное время к этому жанру обращались А. Бертран, Ш. Бодлер, А. Рембо, С. Малларме,

Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев и многие другие. М. Л. Гаспаров, изучавший теорию литературы и русскую поэзию, отмечал, что широкого распространения данный жанр не получил¹. Мы можем сделать предположение, что именно неиссякаемая творческая энергия Рильке и Ремарка также потребовала и эту необычную форму для своего выражения.

Интересен, на наш взгляд, тот факт, что количество стихотворений в прозе у Рильке и у Ремарка одинаково – ими было написано всего по восемь миниатюр. Стихотворения в прозе Рильке создавал в период с 1906 по 1914 г.

К этому времени Рильке уже сформировался как поэт: у него вышло несколько поэтических сборников, в том числе цикл «Новые стихотворения», в которых он демонстрирует себя как поэт визуального типа, умеющий наблюдать и видеть. В его жизнь уже вошли поездки в другие страны, Италию, Швецию, Данию, Францию, два судьбоносных путешествия в Россию, которую поэт определил для себя как «духовную родину» (см. об этом [6; 9]).

В одной из своих статей 1898 г., посвящённой обзору немецкой поэзии конца XIX в., Рильке достаточно подробно останавливается на жанровой природе стихотворений в прозе. В те годы его отношение к этому жанру художественной литературы было весьма скептическим. Он писал, что термин «стихотворение в прозе» – это неверное, вводящее в заблуждение обозначение. Каждый автор, который сознательно называет так свои произведения, утверждал Рильке, словно признаётся заранее, что он написал что-то в прозе, что не должно мешать тому, кто говорит о стихах. Рильке считал, что неопытного читателя такое жанровое определение ставит в затруднительное положение. По мнению поэта, жанр стихотворений в прозе часто становится

прибежищем для тех, кто не умеет писать ни стихи, ни прозу. Кроме того, в стремлении создавать стихотворения в прозе сказывается и представление о прозе как о более «лёгком» жанре. Между тем, полагает Рильке, проза – это сознательная тяжёлая борьба с содержанием и формой, это настоящая мужская работа. Стихотворений в прозе у одного автора много быть не может². Возможно, именно поэтому Рильке написал так мало произведений этого жанра.

Отечественный рилькевед Н. С. Литвинец полагает, что «Стихотворения в прозе» «носят опытный, экспериментальный характер. Демонстрируя блестящее рильковское владение словом, они либо подготавливали будущие поэтические тексты, либо же выполняли роль маленьких, но убедительных доказательств безграничных возможностей языка, находящегося на грани между поэзией и прозой, языка большого поэта и одновременно прекрасного прозаика» [4, с. 17].

Стихотворения в прозе Р. М. Рильке можно разделить по нескольким сюжетным группам: сцены из жизни с социальным или философским подтекстом (“Die Auslage des Fischhändlers”, “Saltimbanques”, “Gewitter-Segen”, “Der Löwenkäfig”, “Sandwiches-Männer”, “Kavallerie-Parade”); картины из снов и видений (“Wir haben eine Erscheinung”); абстрактные или фантастические сюжеты (“Richtung zur Zukunft”). Эти миниатюры не стоят обособленно в ряду произведений Рильке, а гармонично вплетаются в контекст его творчества. Это либо переосмысление уже созданных вещей, о чём свидетельствует стихотворение в прозе «Клетка льва», напрямую перекликающееся с известным стихотворением «Пантера» (1903 г.) из сборника «Новые стихотворения», либо своеобразные заготовки для будущих поэтических текстов, как, например, отрывок из стихотворения в

¹ См.: Гаспаров М. Л. Стихотворение в прозе // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. С. 1039.

² Rilke R. M. Moderne Lyrik // Rilke R. M. Sämtliche Werke. Fünfter Band. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1987. S. 389–391.

прозе «Бродячие акробаты», вошедший затем в переработанном виде в пятую «Дуинскую элегию». Некоторые мысли Рильке периода написания романа «Записки Мальте Лауридса Бригге» проявились в стихотворении в прозе «Закливание грозы», а «Люди-сэндвичи» по своей теме и характеру описания близки к парижским сценам романа.

Данное наблюдение ещё раз подтверждает уже высказывавшуюся нами идею о ключевом понятии идиостилистики – понятии авторского гипертекста, под которым понимается массив всех текстов, созданных данным писателем на протяжении его творческой жизни. Все тексты автора – от первых проб пера до шедевров – ассоциативно связаны между собой, ибо являются результатами творческой деятельности одной и той же языковой личности. Они представляют собой специфическое текстовое сообщество, своеобразную взаимопроникающую текстовую среду каждого конкретного автора [5, с. 416]. Анализ лексической составляющей произведений Рильке даёт возможность предполагать, что «художественный мир Р. М. Рильке представляет собой сложное семантическое единство, репрезентируемое индивидуально-авторскими концептами, являющимися частью авторской концептосферы» [1, с. 8].

Рассмотрим несколько стихотворений в прозе Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка. В произведениях этого жанра прозаический принцип развёртывания речи сочетается с относительной краткостью и лирическим пафосом, свойственными поэзии. Повествовательное начало в этой форме зачастую ослаблено, а внимание к языковой, выразительной стороне текста, в том числе к образности и собственно прозаическому ритму – повышено. Однако, в стихотворениях в прозе Рильке, как мы полагаем, повествовательное начало более выражено, чем в произведениях Ремарка.

Стихотворения в прозе Рильке по объёму и по идее скорее несколько при-

ближены к прозаическим произведениям с конкретной темой. В случае с произведениями Ремарка их, пожалуй, можно отнести к зарисовкам сознания, которые намного лаконичнее по объёму, чем у Рильке. Среди них условно выделяются три группы текстов: стихотворения-наброски („Aus dem Schlamm und aus den Rosenbüschen“, „Die Nächte in der Zelle“, „In Amsterdam liegt jemand und weint“, „O Felder der Erinnerung“, „In der sanften Verlassenheit des Glücks“, „Wir sind alle“), посвящение-послание („Zueignung“) и стихотворение-афоризм („Alles Menschliche noch ist“). В данных произведениях Ремарк прибегает к так называемой технике потока сознания, которая достаточно широко использовалась поэтами и писателями начала XX в., представлявшими новое течение в литературе модернизма.

Каждое из шестнадцати стихотворений в прозе представляет собой, по нашему мнению, авторский шедевр, достойный филологического исследования, однако, мы обратимся к наиболее ярким структурным и лингвистическим особенностям отдельных произведений.

Стихотворение в прозе “Der Löwenkäfig”¹ («Клетка льва») Рильке имеет много точек соприкосновения с его знаменитой «Пантерой». Во-первых, это время написания, хотя годы опубликования обоих стихотворений разные: «Пантера» была опубликована в 1903 г., «Клетка льва» – в 1907 г. Во-вторых, необходимо отметить и то обстоятельство, что оба произведения похожи в содержательном аспекте: в них прослеживается мотив бессилия живого существа перед обстоятельствами. Только в первом случае – это противоречие красоты и силы пантеры и усталости, оцепенения воли от существования в тесной клетке. Во втором случае примешивается мотив былого величия льва и теперешней отрешённости перед приближением конца.

¹ Rilke R. M. Der Löwenkäfig // Rilke R. M. Sämtliche Werke. Sechster Band. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1987. S. 1135–1136.

Как уже было отмечено выше, в стихотворениях в прозе содержится минимум повествовательного материала, так как коммуникативная функция уступает место экспрессивной (отметим, что объём данного произведения – 15 предложений), но при этом читателя завораживает в «Клетке льва» присущая тексту напряжённость и необычайная образность произведения. Больной, доживающий последние мгновения жизни лев лежит и отрешённо наблюдает за происходящим, а безутешная львица неустанно кружит вокруг больного самца. Доминирующим в этом произведении является приём антитезы, который обусловлен уже самой проблематикой и выбором лексики. Сравним лексику, использованную автором для описания состояния льва: *krank, Kranksein, liegen, auf sich selbst errichten, ohne Absicht, seine Trauer, der Zorn, böse, nichts mehr verwenden, nicht mehr teilnehmen*. Состояние льва вызывает беспокойство у самки и невозможность скрыть это тревожное состояние, что подчёркивается многократным использованием глагола “gehen” и существительного “der Gang”. Лексико-синтаксический повтор “Sie geht hin und her...” в сочетании со сравнениями “wie die Wachposten”, “wie Uhren gehen” в начале, середине и в конце текста образует определённый каркас и придаёт динамику всему произведению. Трагизм и неизбежность усилены использованием причастий и прилагательных, описывающих состояние львицы: “*beunruhigt*”, “*aufgeregt*”, “*erwartungsvoll*”, – и мощным по прагматическому эффекту заключительным предложением этого стихотворения в прозе: “*Und auf ihrem Gesicht steht wie auf einem Zifferblatt, das man nachts anleuchtet, eine fremde, merkwürdig kurz angezeigte Stunde: eine furchtbare, in der jemand stirbt*”.

В данном произведении поэта все компоненты системно-структурной организации экспрессивных, эмоционально-оценочных и стилистически окрашенных языковых средств обладают прагматическим потенциалом.

Необычным произведением с повышенной экспрессивностью и многочисленными риторическими приёмами является стихотворение в прозе “*Gewitter-Segen*”¹ («Заклинание грозы»), посвящённое немецкой писательнице Регине Ульман. Оно было написано Рильке в июле 1914 г. Произведение метафорично, оно представляет собой монолог-обращение к грозе и построено на сквозном приёме лексико-синтаксического параллелизма. Автор задаёт многочисленные риторические вопросы, адресованные грозе, используя обращение “*Gewitter Gewitter*”. В этом произведении из 18 предложений 8 являются вопросительными, при этом сложноподчинёнными вопросами. Приведём начало произведения:

Gewitter Gewitter

was willst du hier, wo der Nöte so viele sind und der Verhängnisse und der unbegreiflichen Wesen?

was über dem Haus, in dem wir doch vor dem eigenen Leben nicht sicher sind, in dem wir wohnen wie Flüchtlinge mit der Flucht zusammen, die mit hereingekommen ist?

was über uns, die wir müde sind und draußen gelassen haben in den gängsteten Feldern?

Такое оформление текста с повтором ритмически подобных синтаксических конструкций в сочетании со звукописью придаёт этому творению Рильке черты поэтического произведения.

Рильке ассоциирует мощь и силу грозы с разрушением и горем. Идея этого стихотворения в прозе обусловила появление в тексте группы лексики с пейоративной семантикой, например: *die Nöte, die Verhängnisse, die Flüchtlinge, die Flucht, müde, gängstet, der Staub, alt, unterbrechen, stumpf, der Zorn, der Tod, die Schmerzen, das Zerbrochene, die Asche, das Krachen, die Finsternis, furchtbar*. Мелиоративная лексика в количественном плане несколько уступает пейоративной. В

¹ Rilke R. M. *Gewitter-Segen* // Rilke R. M. *Sämtliche Werke*. Sechster Band. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1987. S. 1144–1145.

двух заключительных абзацах произведения вопросы заменены на повелительное наклонение; поэт словно даёт советы грозе, как стоит ей поступить, чтобы оставить людей в покое: "laß", "geh", "mach".

В рамках данной статьи мы, к сожалению, не имеем возможности проанализировать все рильковские стихотворения в прозе. В целом мы можем отметить, что объём этих произведений колеблется от 12 до 36 предложений, что сопоставимо с объёмом небольших рассказов. Они настолько обогащены различными образными средствами и стилистическими фигурами, а синтаксис каждого произведения весьма разнообразен и осложнён, за счёт чего по своему воздействию они не могут оставить читателя равнодушным.

Отметим то обстоятельство, что стихотворения в прозе Рильке переводились на русский язык и существующие русскоязычные переводы были частично проанализированы [6, с. 81–88]; тексты Ремарка известны только в оригинале и на русский язык не переводились, так как они, к сожалению, до сих пор являются неопубликованной частью его творческого наследия. Часть из них вошла в диссертационное исследование Е. А. Ковыневой, которая работала с данным текстовым материалом в Центре Э. М. Ремарка в г. Оснабрюке (ФРГ) [2].

Примечательным, на наш взгляд, является следующее стихотворение в прозе Ремарка, построенное на приёме метафорического сравнения, которое по краткости, но в то же время по глубине и эмоциональной насыщенности соответствует всем признакам афоризма:

*Alles Menschliche noch ist – auch Liebe und Einssein – wir sind wie Töpfe und Deckel – aber der Töpfer lernt noch – wir passen nicht richtig echt aufeinander. Man muss nachsichtig sein*¹.

Ремарк призывает нас быть терпимее и снисходительнее, поскольку люди за-

частую могут не подходить друг другу, а процесс поиска не бывает быстрым (*der Töpfer lernt noch*).

Отметим своеобразие стихотворения в прозе "Zueignung"², в котором автор в доверительной форме (на «ты») обращается к каждому отдельно взятому человеку и человечеству в целом, заставляет задуматься о своём предназначении, предлагает использовать опыт других и жить в ожидании будущего, о чём свидетельствуют заключительные строки произведения. Обращает на себя внимание отсутствие знаков препинания (шрифт типоскриптов сохранён), помимо восклицательного знака в конце предложения:

DU ABER WEINE NICHT SONDERN NIMM DAS VERSPRENGTE MEINER JUGEND DAS DIESE WORTE STAMMELTE FÜR MANCHES WAS IMMER WORTLOS BLEIBEN WIRD IN DEINE HÄNDE UND WARTE DES KOMMENDEN DU GELIEBTES HAUPT!

Большая же часть стихотворений в прозе Ремарка представляет собой экспрессионистские наброски, в которых нарушены как грамматические, так и синтаксические связи, и только некоторые части являются семантически завершённым высказыванием. Например:

*Die Nächte in der Zelle – wenn das Fieber der... die Wände werden ein Wirbel – Du, Träume – die erstarren – zu viel – zu viel – was war mein Leben? Was habe ich, versucht? Was .. Der Wärter mit der Schüssel – Essen – Schmutz – Besuch. Ich will allein sein. Attorney kommt, sagt Berufung verworfen – wundert, mich, dass ich glücklich bin. Was sollte ich mit dem leeren Leben anfangen –*³

Ремарк в не совсем привычной для себя манере рассказывает об одиночестве, беспомощности, безысходности.

¹ Remarque E. M. Alles Menschliche noch ist [Typoskripte der unveröffentlichten Gedichte. 1918–1950]. E. M. Remarque-Archiv (Osnabrück).

² Remarque E. M. Zueignung [Typoskripte der unveröffentlichten Gedichte. 1918–1950]. E. M. Remarque-Archiv (Osnabrück).

³ Remarque E. M. Die Nächte in der Zelle [Typoskripte der unveröffentlichten Gedichte. 1918–1950]. E. M. Remarque-Archiv (Osnabrück).

Отдельные ремарковские наброски носят экзистенциальный характер, в них можно выделить лексику тематических рядов «Жизнь», «Любовь», «Одиночество»: *die Verlassenheit des Glücks, die Heimkehr, die Verlorenheit, das Herz, die Liebe, die Träume, das Leben, Felder der Erinnerung, der Herbst, der Gott, die Vollkommenheit, die Unvollkommenheit, das Schicksal, die Einsamkeit.*

Отметим также тот факт, что в годы создания этих произведений Ремарк находился в эмиграции в США, поэтому неслучайно появление стихотворений с вкраплениями английских слов или же полностью на английском языке. Например:

In Amsteden liegt jemand und weint – tausend liegen und weinen – in Warschau – Paris – in the dark streets of Paris from the ruined docks of Amsterdam St. Antonin arguing with a donkey – I bet on the donkey – because – how could St. Antonin argue with a donkey –¹

Стилистические особенности данных произведений Ремарка отчасти соответствуют стилю романов и поэтических произведений писателя этого периода. Мы полагаем, что, как и в случае с Р. М. Рильке, в творческой продукции Э. М. Ремарка также прослеживается взаимосвязь всех аспектов, так как его произведения представляют собой не-

кий гипертекст (см. об этом также [3; 11, S. 113]). Рельефными сегментами этого авторского гипертекста мы с полной долей уверенности можем назвать именно стихотворения в прозе [7].

Стихотворения в прозе Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка полностью соответствуют своим жанровым особенностям: они не обладают поэтическими признаками (метром, рифмой, строфическим построением), но в то же время для них характерны субъективное описание действительности, лаконизм выражения, повышенная экспрессивность, обилие образных и стилистических средств. Как показал компаративный анализ произведений этих авторов, они несколько отличаются содержанием составляющей. У Рильке это большей частью сцены из жизни или размышления с социальным либо философским подтекстом, в которых рудиментарно прослеживается тема. Произведения Ремарка, на наш взгляд, близки к экспрессионистским наброскам или очень кратким экзистенциальным зарисовкам. Их объём в несколько раз меньше рильковских, нет каких-либо закономерностей в построении текстов, вследствие чего они представляют большую трудность для интерпретации, но вместе с тем они, на наш взгляд, и более афористичны.

Статья поступила в редакцию 23.09.2019

ЛИТЕРАТУРА¹

1. Емельянова А. И. Концептосфера художественного мира Р. М. Рильке (на материале цикла рассказов «Истории о Господе Боге»): дисс. ... канд. филол. наук. Армавир, 2015. 208 с.
2. Ковынева Е. А. Поэзия Э. М. Ремарка в русских переводах (историко-типологические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие проблемы): дисс. ... канд. филол. наук. Магадан, 2011. 243 с.
3. Ковынева Е. А. Трехсложники в поэтическом наследии Э. М. Ремарка и их переводы на русский язык // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Том 15. № 1. С. 78–83.
4. Литвинцев Н. С. Предисловие // Рильке Р. М. Записки Мальте Лауридса Бригге: роман. Новеллы. Стихотворения в прозе. Письма. М.: Известия, 1988. С. 5–17.
5. Лысенкова Е. Л. Поэзия и проза Р. М. Рильке в русских переводах (исторические, стилистико-сопоставительные и переводоведческие проблемы): дис. ... докт. филол. наук. Магадан, 2006. 512 с.
6. Лысенкова Е. Л. Проза Р. М. Рильке в русских переводах. М.: Азбуковник, ИТИ Технологии, 2004. 216 с.

¹ Remarque E. M. [Typoskripte der unveröffentlichten Gedichte. 1918–1950]. E. M. Remarque-Archiv (Osnabrück).

7. Чайковский Р. Р. Рельефные сегменты художественного текста как переводческая задача // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 18–29.
8. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации. Основы теории: монография / Р. Р. Чайковский, Н. В. Воронежская, Е. Л. Лысенкова, Е. В. Харитоновна. М.: Флинта, 2018. 224 с.
9. Шереметьева О. А. Россия в творческой судьбе Р. М. Рильке: дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2015. 129 с.
10. Gilbert J. Erich Maria Remarque und Paulette Goddard. Biographie einer Liebe. München: List, 1997. 696 S.
11. Sternburg W. «Als wäre alles das letzte Mal». Erich Maria Remarque. Eine Biographie. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1998. 512 S.

REFERENCES

1. Emel'yanova A. I. *Kontseptosfera khudozhestvennogo mira R. M. Ril'ke (na materiale tsikla rasskazov «Istorii o Gospode Boge»): dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual sphere of R. M. Rilke art world (based on the cycle of stories "Stories about our Lord"): PhD thesis in Philological Sciences]. Armavir, 2015. 208 p.
2. Kovynева E. A., Poeziya E. M. *Remarka v russkikh perevodakh (istoriko-tipologicheskie, stilistiko-sopostavitel'nye i perevodovedcheskie problemy): dis. ... kand. filol. nauk* [Remark in Russian translations (historical, typological, and stylistic-comparative and translational problems): PhD thesis in Philological Sciences]. Magadan, 2011. 243 p.
3. Kovynева E. A. [Three-syllabic verses in Remarque's poetry and their translations into Russian]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], 2018, vol. 15, no. 1, pp. 78–83.
4. Litvinets N. S. [Foreword]. In: Ril'ke R. M. *Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge: roman. Novelly. Stikhotvoreniya v proze. Pis'ma* [Malta Laurids Brigg's Notes: Novel. Poems in prose. Letters]. Moscow, Izvestiya Publ., 1988, pp. 5–17.
5. Lysenkova E. L. *Poeziya i proza R. M. Ril'ke v russkikh perevodakh (istoricheskie, stilistiko-sopostavitel'nye i perevodovedcheskie problemy): diss. ... dokt. filol. nauk* [R. M. Rilke's Poetry and prose in Russian translations (historical, stylistic-comparative and translation problems): D. thesis in Philological Sciences]. Magadan, 2006. 512 p.
6. Lysenkova E. L. *Proza R. M. Ril'ke v russkikh perevodakh* [R. M. Rilke's Prose in Russian translation]. Moscow, Azbukovnik Publ., ITI Tekhnologii Publ., 2004. 216 p.
7. Chaikovskiy R. R. [Prominent segments in a fiction text as a translational task]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 18–29.
8. Chaikovskiy R. R., Voronevskaya N. V., Lysenkova E. L., Kharitonova E. V. *Khudozhestvennyi perevod kak vid mezhkul'turnoi kommunikatsii. Osnovy teorii* [Literary translation as a form of intercultural communication. Fundamentals of the theory]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 224 p.
9. Sheremet'eva O. A. *Rossiya v tvorcheskoi sud'be R. M. Ril'ke: dis. ... kand. filol. nauk* [Russia in the creative life of R. M. Rilke: PhD thesis in Philological Sciences]. Krasnoyarsk, 2015. 129 p.
10. Gilbert J. Erich Maria Remarque und Paulette Goddard. Biographie einer Liebe. München, List, 1997. 696 S.
11. Sternburg W. «Als wäre alles das letzte Mal». Erich Maria Remarque. Eine Biographie. Köln, Kiepenheuer & Witsch, 1998. 512 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лысенкова Елена Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета;
e-mail: elysenkova71@mail.ru

Ковынева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Северо-Восточного государственного университета;
e-mail: elena_kovynева@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Elena L. Lysenkova – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Foreign Philology, North-Eastern State University;
e-mail: elysenkova71@mail.ru

Elena A. Kovyneva – PhD in Philological Sciences, Assistant Professor at the Department of Foreign Philology, North-Eastern State University;
e-mail: elena_kovyneva@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лысенкова Е. Л., Ковынева Е. А. Стихотворения в прозе Р. М. Рильке и Э. М. Ремарка как когерентные художественные явления (лингвостилистический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-50-58

FOR CITATION

Lysenkova E. L., Kovyneva E. A. R. M. Rilke's and E. M. Remarque's prose poems as coherent artistic phenomena (linguostylistic aspect). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 50–58.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-50-58

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-59-67

ТИПОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЙ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Первак Т. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы является описание типов и функций библейских аллюзий в аспекте языковой игры применительно к жанру мокьюментари, возникшем как пародия на документальность. Основное содержание исследования составляют анализ и лингвистическое комментирование библейских аллюзий, отобранных методом сплошной выборки из немецкого комедийного телесериала «Штроберг». В результате проведённого анализа выявлены основные типы отсылок на Библию, используемые для достижения комического эффекта. Теоретическая значимость исследования заключается в классификации библейских аллюзий и раскрытии механизма создания языковой игры с их помощью в теледискурсе.

Ключевые слова: теледискурс, языковая игра, мокьюментари, комедийный телесериал «Штроберг», библейская аллюзия, комический эффект, стилистический эффект

TYOLOGY AND FUNCTIONING OF BIBLICAL ALLUSIONS IN THE ASPECT OF THE LANGUAGE GAME

T. Pervak

Moscow Region State University

14 ulitsa Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract. The aim of the article is to describe the types and functions of biblical allusions in the aspect of the language game in a genre of mockumentary, simulated a look of an actual documentary. The main content of the study is the analysis and linguistic commentary on the biblical allusions, selected by the continuous sampling method from the German comedy television series “Stromberg”. The analysis revealed the main types of biblical allusions used to achieve a comic effect. The study is theoretically significant because it gives an original classification of the biblical allusions and discloses a mechanism of the language game based on allusions.

Keywords: TV-discourse, language game, mockumentary, television comedy series “Stromberg”, biblical allusion, comic effect, stylistic effect

Аллюзия как одна из форм реализации межтекстовых связей получила широкое освещение в конце XX в. с введением в лингвистический обиход понятий интертекстуальности, прецедентности и вертикального контекста [3; 4; 8]. В последние годы проблемы аллюзии (её дефиниции, классификации и функции) активно обсуждаются сразу в нескольких направлениях: стилистическом, литературоведческом, когнитивном [5; 7; 11].

В стилистике аллюзия (от лат. *allusio* – намёк, шутка) считается одной из наименее определённых категорий [10, с. 37] и «не имеет однозначной трактовки ни со стороны своего лингвистического статуса (прием? фигура? троп?), ни со стороны сво-

его понятийного содержания (намек на что?)»¹. Однако обозначенные вопросы являются предметом самостоятельного исследования, выходящего за рамки данной работы. Мы остановимся подробно на библейских аллюзиях и ограничимся рассмотрением аллюзии как средства «переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических и других персонажей и событий на те, о которых идет речь в данном высказывании» [3, с. 110], с целью создания определённого стилистического эффекта и реализации коммуникативных интенций автора.

Библейские тексты обладают неоспоримым авторитетом и воспринимаются как источник безусловных аксиом [5], благодаря чему цитаты и аллюзии из Библии не утрачивают своей актуальности в современном обществе. Это подтверждается рядом современных лингвистических работ, касающихся функционирования библейских аллюзий в медиадискурсе [6; 13; 15; 16] и политическом дискурсе [2; 14].

Цель данной работы – описать типы и функции библейских аллюзий в аспекте языковой игры применительно к жанру мокьюментари. В настоящей статье затронуты следующие вопросы: (1) каковы замысел и условия аллюзивной языковой игры; (2) как реализуется механизм создания языковой игры на основе библейских аллюзий; (3) какие типы отсылок на Библию выделяются для создания комического эффекта; (4) какие функции выполняют библейские аллюзии в креативном тексте. Для достижения поставленной цели в работе применялись методы интер/контекстуального анализа и лингвистического комментирования, которые позволили выявить, систематизировать и описать основные типы отсылок на библейские тексты, используемые в языковой игре.

¹ Аллюзия // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2011. С. 23.

В качестве материала исследования выбран комедийный сериал «Штромберг», показанный на немецком телеканале ProSieben с 2004 по 2012 гг. Телесериал снят в жанре игрового кино мокьюментари, которому присуща имитация документальности (*to mock* – подделывать, передразнивать) и который сам по себе является своеобразным призывом зрителей к игре.

«Штромберг» представляет собой вполне реалистичный репортаж из провинциального офиса страховой компании Capitol и показывает повседневную жизнь офисных служащих. Примечательно, что «Штромберг» является одной из адаптаций британского сериала «Офис», но в отличие от других адаптаций назван по имени главного персонажа Бернда Штромберга – честного и серьёзного руководителя в интервью перед камерой, а в жизни эгоистичного и самоуверенного человека.

Жанр мокьюментари, суть которого заключается в аутентичной пародии на документальность, озорстве и ёрничестве с серьёзной маской на лице, является органичной средой и неисчерпаемым ресурсом для языковой игры² [14, с. 50]. Таким образом, «неграмотное» использование прецедентных источников, в частности Библии, служит исключительно целям языковой игры и ориентировано на встречную мыслительную активность образованных зрителей, какими согласно статистическим данным и является целевая аудитория сериала «Штромберг»³. Как считает Ю. О. Коновалова, в большинстве случаев языковая игра характерна для речи «образованных людей, владеющих нормой, получающих эстети-

² Также см.: Первак Т. В. Языковая игра в теледискурсе: лексический и стилистический аспекты: на материале немецкого комедийного телесериала «Штромберг»: дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2018. С. 50.

³ См.: Mantel U. „Stromberg“ startet sehr gut, „Switch“ verhalten // DWDL.de. URL: https://www.dwdl.de/zahlenzentrale/9934/stromberg_startet_sehr_gut_switch_verhalten/ (дата обращения: 06.01.2018).

ческое удовольствие от преднамеренных нарушений и тонко чувствующих границ между нормой и аномалией» [9, с. 13].

Вслед за Н. Ю. Новохачевой мы полагаем, что смысл аллюзивной языковой игры заключается в намерении адресанта передать информацию сжато и ёмко, в зашифрованной оболочке. Соответственно, задачей адресата является распознавание информации, зашифрованной в форме аллюзии, и понимание интенций адресанта [11, с. 24–26]. Что касается библейских аллюзий, то их принадлежность к Библии легко декодируется адресатом в силу общеизвестности многих библейских фактов. Однако глубина понимания аллюзии напрямую зависит от глубины познания Библии. Следовательно, если адресат недостаточно знаком с Библией, то аллюзия для него неинформативна.

Остановимся далее на механизме действия библейской аллюзии как стилистического приёма в отношении адресата, хорошо знакомого с текстами Библии. После восприятия адресатом прямого, обусловленного контекстом смысла речи происходит первичная актуализация аллюзивного маркера. Далее актуализированный маркер вызывает ассоциации с Библией, в результате которых в сознании адресата происходит узнавание денотата аллюзии. Дальнейшее мыслительное сопоставление маркера и денотата в рамках одного контекста позволяет вскрыть дополнительный аллюзивный смысл высказывания. Поскольку в нашем случае речь идёт о создании комического эффекта, то маркер аллюзии, представленный искажённым библейским фактом, не только отсылает к тексту-первоисточнику за дополнительной информацией, но и вызывает намеренное смысловое столкновение с ним. Именно этим столкновением и обусловлено комическое воздействие на зрителя, соответствующее замыслу автора сериала.

В ходе исследования были выявлены различные отсылки на Библию, что позволило составить оригинальную ти-

пологию библейских аллюзий в аспекте языковой игры:

- 1) уподобление библейским персонажам;
- 2) собственная интерпретация библейских фактов;
- 3) перенос библейских событий в реальное время;
- 4) противоположное толкование библейского факта.

Выявленные библейские аллюзии выполняют в мockьюментари три основные функции: 1) эмотивную – для выражения авторских эмоций; 2) художественно-выразительную – для создания нужного стилистического эффекта или рациональной эстетической организации текстового пространства [16, с. 233]; 3) характерологическую – для описания внешности, характера и поступков персонажей, а также отражения ментальности личности.

Проиллюстрируем данные положения примерами из сериала.

1. Уподобление библейским персонажам

Уподобление библейским персонажам происходит, как правило, посредством использования прецедентного имени – библейского антропонима, который представляет собой «сверхсвернутый прецедентный текст, сгущенный до предела» [8, с. 68]. Библейский антропоним, благодаря высокому коннотативному потенциалу, позволяет не только наделить образно сравниваемого персонажа своими качествами, но и перенести в ситуацию того времени.

Рассмотрим это на примерах.

(1) *Ich fühle mich wie Jesus am Ostersonntag ... das Kreuz weg und so weiter und noch mal richtig in die Hände gespuckt ...*¹ В приведённом высказывании сравнение шефа с Иисусом Христом и его воскрешением в пасхальное воскресенье дополнено разговорным фразеологизмом *in die Hände spucken / без промедления братья*

¹ Stromberg. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont Vgs, 2007. S. 268.

за работу, что при описании библейских событий воспринимается как непривычное отклонение от привычных стилевых норм. В стилистике нарушение стиля, т. е. соединение в одном контексте компонентов с несогласованной стилевой окраской, часто используется для достижения комического эффекта. Отметим, что обывательская интерпретация одной из наиболее значимых страниц Нового Завета в целом отражает индивидуальное сознание Штромберга и его архетипичные представления о событиях того времени.

В этом и следующем примере мы наблюдаем также явление стилистической конвергенции аллюзии и образного сравнения, которая «заключается в “уплотнении”, компрессии информации и создании объёмного комичного образа малыми средствами языка» [12, с. 55]:

(2) *So ... selbst die Capitolmatratze, die hier auf jedem Karosseplan rumgerutscht ist, was will sie von mir? Zahlen. Aber so ist das. Als Chef in meiner Position bist du so einsam wie ... Gott.*¹

2. Собственная интерпретация библейских фактов

В своих суждениях или для объяснения каких-либо событий Штромберг преднамеренно опирается на Библию как на наиболее авторитетный источник, позволяющий ему быть более убедительным в отношениях с подчинёнными и руководителями. Однако Штромберг часто интерпретирует библейские сюжеты с нарушением логических связей или вообще ложно, и то, что к нему прислушиваются, в определённой мере отражает общий уровень его коллег. Штромберг «умничает», оперируя отрывочными знаниями из Библии, «полученными не в результате систематического изучения первоисточников, а воспринятыми, порой ошибочно, из средств массовой коммуникации, школьного курса или от других людей» [14, с. 116].

¹ Stromberg. Staffel 3 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 8. 03:02.

Отчётливо это можно проследить на следующих примерах:

(3) Штромберг: *Jesus sagt, fragt nicht und dir wird gegeben werden.*

Коллега: *Was?*

Штромберг: *Was was?*

Коллега: *Was wird mir gegeben werden?*

Штромберг: *Jesus hat aus Brot Fische gemacht, da kann ich ja aus dir einen Bereichsleiter machen*². Штромберг обращается к сетевому администратору с просьбой тайно удалить с главного сервера компании компрометирующее его письмо. Завуалировано обсуждая вознаграждение за такую услугу, Штромберг обращается к Библии: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7: 7–8)³. Сопоставляя вторую аллюзию с библейским изречением, эрудированный зритель заметит неточность в передаче библейского факта: Иисус накормил всех хлебом и рыбой, а не превратил хлеб в рыбу, но поймёт, что это сделано намеренно в целях языковой игры (Ин. 6: 8–11).

(4) *Ja ne, für 'ne gute Frau musst du auch mal bereit sein ein Risiko einzugehen ... Wenn der Adam, wenn der damals nicht gesagt hätte, ach komm, ist mir doch egal, was der liebe Gott da erzählt. Gib her denn Apfel... dann säße ich doch heute gar nicht hier*⁴. Обращение к тексту Библии позволяет выявить неточность в передаче библейской сцены грехопадения первородных людей и установить, что не Адам просит яблоко у Евы, а соблазнённая змеем Ева даёт ему плод: «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и

² Stromberg. Staffel 5 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 7. 20:31.

³ Здесь и далее библейские цитаты приводятся по электронному ресурсу «Библия Онлайн» (URL: <https://bibleonline.ru> (дата обращения: 06.01.2018)).

⁴ Stromberg. Staffel 3 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 1. 20:11.

взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3: 6). Штромберг прагматически «подстраивает» библейский сюжет под свою ситуацию – ему нравится Дженифер, поэтому он всеми способами пытается завоевать её симпатию.

(5) *Manche Leute hat der liebe Gott kurz vor Feierabend gemacht, das ist ja klar. Aber nützt ja nix, musst du ja auch mit diesen Leuten arbeiten. Als Chef bist du immer wie so 'n Bastler. Du musst gucken, kann ich aus dem Schrotthaufen noch was rausholen und hier nützt es wirklich nix mehr oder so. Ganz oft ist es so, wo andere schon abwinken, seh' ich immer noch 'ne Möglichkeit!*¹. Штромберг серьёзно рассуждает о том, что некоторых людей, больше похожих на груды металлолома, Бог сотворил перед окончанием рабочего дня. Однако в книге Бытия, повествующей о сотворении мира, изложено следующее: «И сотворил Бог человека по образу Своему... И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро – день шестой» (Бт. 1: 24–31).

(6) *Wie sagt Jesus immer? Die Zweiten werden die Ersten sein!*² Аллюзия основывается на изречении из Евангелия от Матвея, перешедшем в разряд паремий: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19: 30). С помощью лексической замены Штромберг создаёт аллюзию, максимально удобную в его ситуации и порождающую следующую ассоциацию: второй (Штромберг) станет первым (вместо Беккера).

В «Штромберге» встречаются также различные библейские наставления, отличающиеся семантикой оценочности качеств и эмоций человека, а также различных явлений и событий, например:

(7) *Mit Weibern kenn ich mich aus. Ich hab meine Alte jetzt endgültig fffftt ... Wenn*

*dich dein Arm seit Jahren juckt und Kratzen nicht mehr hilft, dann muss er ab, der Arm, zack, und Arm ist jetzt noch freundlich ausgedrückt*³. После развода Штромберг делает вид, что рад этому и метафорично сравнивая супругу с рукой, философствует на тему брака. В основу игрового контекста положен фрагмент Евангелия от Матфея: «И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5: 30). Лексическое наполнение своего изречения Штромберг черпает из фразеологизма: *wen's juckt, der kratze sich* / знает кошка, чьё мясо съела, который в целом не соотносится с контекстом. Замещение стержневого компонента конструкции *die Hand / кисть на der Arm / рука* придаёт высказыванию большую экспрессивность, представляет значимость и весомость развода с женой.

3. Перенос библейских событий в реальное время

Специфика библейских аллюзий заключается также в том, что благодаря назидательному характеру и нравственно-этической тематике они остаются востребованными в современном мире, выполняя манипулятивную функцию. Например, образ пророка Моисея как предводителя, который, согласно Исходу, сорок лет скитался с израильским народом по Синайской пустыне в поисках Земли обетованной, часто используют в медиатекстах в прагматических целях для характеристики какого-либо политического лидера [16]. В. А. Бачинин объясняет это тем, что Бог «вооружил Моисея несокрушимой верой в успех этой миссии, наделил всеми необходимыми лидерскими качествами» [1, с. 8]. Однако Моисей не обладал даром красноречия: «И сказал Моисей Господу: о, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом

¹ Stromberg. Staffel 3 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 7. 18:36.

² Stromberg. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont Vgs, 2007. S. 13.

³ Stromberg. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont Vgs, 2007. S. 105.

Твоим: я тяжело говорю и косноязычен» (Исх. 4:10), потому ораторская функция была возложена на его брата Аарона.

Возвращаясь к телесериалу, приведём пример, в котором Бернд Штрอมберг, используя прецедентную ситуацию о выводе израильтян из Египта, ассоциирует себя с Моисеем, кстати, это касается и косноязычия:

(8) *Hier gab's ja in letzter Zeit viele lange Gesichter und da hab ich mal gesagt, gut dann macht der Papa schön mal einen auf Moses, der das Bürovolk aus dem Jammertal führt. Und der Hans-Jürgen, der Wehmeyer, der wollte das erst gar nicht ... und ihr kennt mich ja, ich kann ja hartnäckiger sein als 'ne Erkältung ... und dann hat der Wehmeyer irgendwann gesagt, „Gut Bernd ... dann mach aber auch. ... Damit hier die Stimmung ein bisschen besser wird, machen wir am nächsten Dienstag alle schön zusammen ... Karnevalsparty!“¹ Путь лексической замены Volk / народ – Bürovolk / офисные служащие он создаёт энергетически ёмкую экспресему. Реципиент декодирует заложенный в ней имлицитный смысл, в результате чего формируется следующая логическая цепочка: Штрอมберг – миссионер «офисного» народа, компетентный руководитель, способный решить все их проблемы. Противоречие, вызывающее усмешку зрителя, заключается в том, что Штрอมберг сам перегрузил своих сотрудников работой, а в качестве миссии всего лишь предлагает устроить в офисе карнавал.*

В следующем примере Штрอมберг рассуждает о лидерских качествах, в частности о твёрдости и жёсткости:

(9) *Ich bin für klare Hierarchien. Gott hat ja auch nicht zu Moses gesagt: „Wenn du Lust hast, ich hab hier mal so 'n paar Sachen aufgeschrieben, die ich nicht so gut finde, könnt ihr ja mal sehen, was ihr davon haltet ... Nein, da hieß es, zack, hier sind zehn Gebote, und wer nicht pariert, kommt in die Hölle,! So mach ich*

*es auch ...*² Ссылка на библейскую аллюзию, повествующую о передаче Богом Моисею скрижалей Завета с начертанными десятью заповедями, позволяет Штромбергу обосновать свой жёсткий поступок по отношению к сотрудникам. Яркая образность в контексте достигается как с помощью рифмы *bums, aus, Nikolaus*, так и фамильярной лексики *zack / xon, paz!*

(10) *Maria und Josef könnten hier persönlich anklingeln und sagen irgendwie: „So Kinder, hier, wie sieht's aus? Neunter Monat, Messias“ ... äh, ne? Und die Leute würden sagen: „Komm, haut bloß ab, und geht zurück in euren sch ... sch ... äh Stall!“³ Штромберг обращается к библейскому сюжету, когда Мария и Иосиф прибыли в Вифлеем на перепись населения и, не найдя места в гостинице, поместились в пещере, куда загоняли с пастбища скот и где родился Иисус (Лк. 2: 1–7). Штромберг экспрессивно и выразительно переносит эту ситуацию в реальное время, чтобы показать равнодушие и безучастность своих сотрудников.*

4. Противоположное толкование библейского факта

(11) *Die Titanic wurde von Profis gebaut, die Arche Noah von einem Amateur. Verstehen Sie was ich meine? Nicht immer nur Job, Job, Job! Wenn man mal über den Tellerrand rausguckt, dann sieht man plötzlich: Oh, da gibt's ja auch noch was anderes ... Musik ... Weiber ... oder einfach mal nachts bis halb eins Fernsehen gucken.⁴ В данном примере предельно экономными языковыми средствами осуществлена компрессия информации сразу из двух источников аллюзии. Штромберг противопоставляет профессионализм и дилетантство при строительстве Титаника и Ноева ковчега их дальнейшей судьбе и переносит это сравнение в офис, олицетворяя себя с*

¹ Stromberg. Staffel 3. [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 3. 10:06.

² Stromberg. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont Vgs, 2007. S. 59.

³ Stromberg. Staffel 3 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 8, 14:40.

⁴ Stromberg. Die Originalbücher der 2. Staffel. Leck: Egmont Vgs, 2007. S. 106.

Ноем. Справедливости ради стоит отметить, что согласно Библии строительство ковчега длилось около 100 лет согласно точным указаниям и размерам, данным Ноем Богом (Быт. 6: 1–4).

(12) *Ja, Kinder, danke. Also, ist über Nacht noch jemand erblindet, vielleicht kann ich da auch was machen. Oder ich könnte auch Wein zu Wasser machen*¹. Штромбергу удалось сохранить место в отделе за своей беременной сотрудницей, которую хотели уволить за серьёзные промахи в работе. Отдел благодарит Штромберга, а он с самолюбованием предлагает помощь всем, обращаясь к двум библейским сюжетам. В первом случае он шутливо готов исцелить слепых: «Иисус, остановившись, подозвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши. Иисус же, умило-сердившись, прикоснулся к глазам их; и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за Ним» (Мф. 20: 29–34). Во втором случае Штромберг с точностью наоборот интерпретирует библейский сюжет, в котором Иисус превращает на свадьбе воду в сосудах в вино (Ин. 2: 1–10). Такой поворот вызывает у сотрудников полное недоумение.

Итак, проведённое исследование позволило выделить наиболее часто используемые типы отсылок на Библию: 1) собственная интерпретация библейских фактов – 44 %; 2) уподобление библейским персонажам – 28 %; 3) перенос библейских событий в реальное время – 17 %; 4) противоположное толкование библейского факта – 11 %.

¹ Stromberg. Staffel 3 [Электронный ресурс]. GmbH: Brainpool TV, 2013. 2 электрон. опт. диска (CD-ROM). Серия 4. 10:50.

Очевидно, что первые два типа библейских аллюзий (собственная интерпретация библейских фактов и уподобление библейским персонажам) преобладают, составляя 72 % от общего количества примеров. Это даёт нам возможность сделать вывод об их значимости для реализации языковой игры в комедийном сериале.

Как убеждает проведённый анализ, основное функциональное назначение библейских аллюзий в языковой игре – создание нужного стилистического эффекта, придающего художественную выразительность речи. При этом библейские аллюзии выполняют также эмоциональную и характерологическую функции. Механизм создания комического эффекта обусловлен мыслительным сопоставлением и последующим смысловым столкновением денотата и маркера библейской аллюзии, что позволяет вскрыть дополнительный аллюзивный смысл высказывания.

В заключение следует сказать, что благодаря яркой экспрессии и насыщенной выразительности библейские аллюзии выступают незаменимым атрибутом языковой игры в жанре мокьюментари. Органичное вплетение библейских аллюзий в семантически и стилистически контрастные сериальные сцены, позволяет создать «мягкий юмор, тонкую иронию или злой сарказм» [6]. Конечно, столь свободное обращение с Библией отчасти свидетельствует о десакрализации, но в то же время оправдывается возможностью метафорично, ярко и кратко передавать комичные ситуации и образы.

Статья поступила в редакцию 23.08.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В. А. Христианская мысль: Библия и культура. Христианство и литература. Т. X. СПб.: Алетейя, 2006. 109 с.
2. Великоредчанина Л. А. Влияние Библии на политический язык Владимира Путина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С. 24–29.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / отв. ред. Г. В. Степанов; 9-е изд. М.: URSS: Ленанд, 2016. 137 с.

4. Гюббенет И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале). М.: Изд-во МГУ, 1981. 108 с.
5. Дронова Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 182 с.
6. Дубровина К. Н. Библийские фразеологизмы в русской и европейской культуре // ВикиЧтение: [сайт]. URL: <https://culture.wikireading.ru/57426> (дата обращения: 25.07.2019).
7. Киосе М. И. Когнитивно-функциональная типологизация аллюзивных метатекстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 4. С. 35–40.
8. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 62–75.
9. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. 196 с.
10. Москвин В. П. К уточнению понятия «аллюзия» // Русская речь. 2014. № 1. С. 37–43.
11. Новохацева Н. Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI века: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 279 с.
12. Первак Т. В. Стилистическая конвергенция аллюзии и образного сравнения в аспекте языковой игры (на материале немецкого комедийного телесериала «Штрюмберг») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 53–63.
13. Первак Т. В. Функционирование аллюзий в мокьюментари «Штрюмберг» (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 127–131.
14. Реунова Е. В. Лингвопрагматические аспекты функционирования библеизмов в современном медиадискурсе России, Испании, Италии, Франции и Великобритании // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7 (129). С. 30–35.
15. Сегал Н. А., Бабич А. В. Библийские аллюзии в русскоязычном медиапространстве // Русская речь. 2018. № 6. С. 72–79.
16. Худякова Е. С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. 2007. № 20 (49). С. 226–234.

REFERENCES

1. Bachinin V. A. *Khristianskaya mysl': Bibliya i kul'tura. Khristianstvo i literatura. T. X* [Christian thought: the Bible and culture. Christianity and literature. Vol. X]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2006. 109 p.
2. Velikoredchanina L. A. [The influence of the Bible on the political language of Vladimir Putin]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 4, pp. 24–29.
3. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as object of linguistic research]. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 2016. 137 p.
4. Gyubbenet I. V. *K probleme ponimaniya literaturno-khudozhestvennogo teksta (na angliiskom materiale)* [To the problem of understanding the literary text (in English material)]. Moscow, Moscow State University Publ., 1981. 108 p.
5. Dronova E. M. *Stilisticheskii priem allyuzii v svete teorii intertekstual'nosti: diss. ... kand. filol. nauk* [The stylistic technique of allusion in the light of the theory of intertextuality: PhD thesis in Philological Sciences]. Voronezh, 2006. 182 p.
6. Dubrovina K. N. [Biblical phraseological units in Russian and European culture]. In: *VikiChlenie* [Wikireading]. Available at: <https://culture.wikireading.ru/57426> (accessed: 25.07.2019).
7. Kiose M. I. [Cognitive-functional typological research of metatextual allusions]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2011, no. 4, pp. 35–40.
8. Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Zakharenko I. V., Krasnykh V. V. [Cognitive base and precedent phenomena in the system of other units and in communication]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 1997, no. 3, pp. 62–75.

9. Konovalova Yu. O. *Yazykovaya igra v sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Language play in the modern Russian language]. Vladivostok, Vladivostok State University of Economics and Service Publ., 2008. 196 p.
10. Moskvina V. P. [To clarify the concept of “allusion”]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 2014, no. 1, pp. 37–43.
11. Novokhacheva N. Yu. *Stilisticheskii priem literaturnoi allyuzii v gazetno-publitsisticheskom diskurse kontsa XX – nachala XXI veka: diss. ... kand. filol. nauk* [Stylistic reception of literary allusion in the newspaper and journalistic discourse of the late XX – early XXI century: PhD thesis in Philological Sciences]. Stavropol, 2005. 279 p.
12. Pervak T. V. [Stylistic convergence of allusion and image comparison in the aspect of language game (on the material of the German comedy soap opera “Stromberg”)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 3, pp. 53–63.
13. Pervak T. V. [The functioning of allusions in the mockumentary “Stromberg” (by the material of the modern German language)]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 7-3 (61), pp. 127–131.
14. Reunova E. V. [Linguo-pragmatic aspects of the functioning of biblisms in the modern media discourse of Russia, Spain, Italy, France and the UK]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara University], 2015, no. 7 (129), pp. 30–35.
15. Segal N. A., Babich A. V. [Biblical allusions in the Russian-speaking media space]. In: *Russkaya rech'* [Russian speech], 2018, no. 6, pp. 72–79.
16. Khudyakova E. S. [On the functions of religious vocabulary and biblisms in the texts of modern print media]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Aspirantskie tetradi* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Postgraduate student notebooks], 2007, no. 20 (49), pp. 226–234.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Первак Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии факультета романо-германских языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: alexfirst@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pervak – PhD in Philological Sciences, senior lecturer at the Department of Germanic Philology at the Faculty of Romano-Germanic Languages of Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: alexfirst@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Первак Т. В. Типология и функционирование библейских аллюзий в аспекте языковой игры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 59–67.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-59-67

FOR CITATION

Pervak T. V. Typology and functioning of biblical allusions in the aspect of the language game. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 59–67.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-59-67

УДК 811.11-112

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-68-73

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО МОРСКОГО ПРАВА

Федотова А. Е.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Цель работы – проанализировать термины английского морского права с точки зрения этимологии. Материалом для исследования стали терминологические и этимологические словари морской терминологии. Автором использованы методы синтеза, описания, количественно-статистический и сравнительно-сопоставительный. В результате были выделены основные категории заимствованных терминов английского морского права, что позволяет определить в процентном соотношении число исконных терминов и терминов, пришедших в английский из других языков, оценить плотность межкультурных контактов между Англией и другими европейскими странами. Теоретическая значимость статьи состоит в выделении категорий заимствованных терминов и оценке влияния европейских языков на английский в разные эпохи. С точки зрения практической значимости, статья может быть использована для анализа интерлингвистических терминов и изучения техник перевода, применяющихся, когда переводчик сталкивается с подобными лексическими единицами.

Ключевые слова: этимологический критерий, морское право, заимствованные термины, исконные термины, узкоспециализированная терминология, латинские заимствования, старофранцузский язык

BORROWINGS IN ENGLISH MARITIME LAW TERMINOLOGY

A. Fedotova*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract. The aim of the article is to analyze English Maritime Law terms from the point of view of their etymology. The basis of the research are the studies of numerous Russian and foreign scholars. Analyzing English Maritime Law terms from the point of view of etymology the author makes an attempt to single out the most recurrent categories of borrowed terms. Maritime law dictionaries and glossaries as well as dictionaries of marine and navigation terms have been chosen as the material for the research. The methods chosen by the author include the statistical, descriptive and comparative one. The research has allowed to single out the most recurrent categories of borrowed terms of English Maritime Law and to calculate their percentage in the given terminology. The theoretical significance of the article consists in the possibility to compare and estimate the influence of various European languages on English in different epochs. The practical significance is in the fact, that the article can be used for studying international terms and their translation.

Keywords: etymology; maritime law; borrowed terms; core terms; specialized terminology; Latin borrowings; Old French

Исследование терминологии английского морского права является актуальным и важным вопросом ввиду малоизученности терминологии данной области. В то время как морская терминология в целом являлась объектом изучения авторитетных русских и зарубежных учёных, терминология морского права всегда рассматривалась лишь как её составная часть, но не как отдельная область, подлежащая изучению. В данном исследовании ставится целью подчеркнуть её самостоятельность; терминология морского права стоит на стыке морской терминологии и юридического языка, совмещая в себе качества обоих, и тем самым представляя большой интерес для исследования. Важным вопросом при изучении любой терминосистемы является этимология входящих в неё единиц, поэтому в данной статье термины английского морского права будут рассматриваться с точки зрения их происхождения и появления в английском языке.

История английского языка насчитывает более полутора тысяч лет, и не удивительно, что за эти годы в нём произошли серьёзные изменения. По словам О. В. Александровой, «известно, что грамматика является наиболее консервативной частью языка и изменяется медленнее других областей, например, лексикологии или фонетики» [1, с. 461]; с данным утверждением сложно не согласиться, поскольку изменений, которые можно наблюдать именно в лексическом составе английского языка, великое множество, и все они представляют интерес прежде всего с точки зрения этимологии.

Естественный процесс пополнения словарного состава того или иного языка невозможен без заимствований, цель которых – номинация новых, прежде не существовавших явлений и объектов, и замещение уже устоявшихся наименований. Как отмечают Е. О. Менджерицкая и О. В. Александрова, “a language satisfies human needs, and its structure and organisation comply with these needs. The

language system is used with two main objectives: 1) for understanding the world and 2) for interaction between people” [7, p. 102]. Вышеназванные цели, которым служит любая языковая система, обеспечение познания и понимания мира и возможность вести коммуникацию с другими людьми подразумевают, что язык находится в постоянном развитии, поскольку для эффективной коммуникации между людьми необходимо, чтобы каждая языковая система обозначала все экстралингвистические реалии, и чтобы понимание коммуникантами этих реалий было одинаковым. Таким образом, вполне естественно, что языки заимствуют лексические единицы друг из друга, расширяя свой лексический состав и упрощая процесс коммуникации между представителями разных народов.

Процесс заимствования лексических единиц непрерывен, начавшись не одно столетие назад, он продолжается и по сей день. На начальных этапах огромную роль в формировании и пополнении лексического состава английского языка сыграли различные исторические факторы, поскольку благодаря развитию промышленности, торговых связей, росту колониального и морского владычества, английский тесно ‘взаимодействовал’ с другими европейскими языками, таким образом, обогащаясь за их счёт. Так, по словам И. П. Ивановой, современный английский язык насчитывает лишь 30 % исконных слов англо-саксонского происхождения, примерно столько же приходится на латинские заимствования, чуть меньше – 18 % – на заимствования из французского языка, приблизительно 5 % на заимствования из скандинавских языков и примерно 7 % приходится на прочие языки [5].

Терминология английского морского права активно аккумулировала в себе термины из других языков. Причину хорошо описывает высказывание А. Г. Анисимовой, отметившей, что «термины возникают и функционируют не в языке в

целом, а внутри языков для специальных целей, т. е. тематически очерченных и определенных сущностей, необходимых для общения в ходе профессиональной деятельности» [2, с. 215]. Любые отраслевые терминосистемы, по словам Т. Б. Назаровой, «воплощают центробежные силы, подчеркивая специфику каждой отрасли и тем самым отличая ее от других» [6, с. 272]. Терминология морского права, таким образом, стоит на службе языка для специальных целей, который подразумевает общение между профессионалами с целью достичь соглашения по определенному кругу вопросов. Вполне естественно, что в таком случае между собеседниками не должно возникать разночтений относительно обсуждаемых предметов и понятий, и здесь вопрос прозрачности терминологии играет особенно важную роль.

Морское право в силу исторических причин является одной из старейших отраслей права. Будучи островным государством, экономическое влияние которого зависит от торговли, Великобритания придавала огромное значение мореходству, развитию флота, и, следовательно, термины данной области, занимали отнюдь не последнее место в английском языке. Торговля подразумевает развитие контактов с представителями разных стран и международную коммуникацию, средством которой является язык, который, в свою очередь, является постоянной развивающейся системой, которая пополняется за счёт других языков. Таким образом, терминология английского морского права заимствовала много терминов из европейских языков, и целью настоящей работы является проанализировать лексический состав указанной области права с точки зрения этимологии, выделив категории заимствованных терминов и указав их процентный состав в терминологии английского морского права.

Материалом для исследования послужила терминология английского морского права, представленная в различных

гlossариях и онлайн словарях. Общее количество проанализированных терминов составило около семисот. Методом выборки для анализа были отобраны моноксемные термины, наиболее часто встречающиеся в обозначенной отрасли права, данные термины были проанализированы с точки зрения этимологического критерия, который помог выделить две крупные категории: термины исконные; термины заимствованные.

Исследование показало, что с точки зрения этимологии число исконных англо-саксонских терминов составляет приблизительно треть от общего числа терминов указанной отрасли права. В качестве примеров можно привести следующие единицы: **board** – from Old English *bord*; **seaman** – from Old English *sæmanna*; **sea** – from Old English *sæ*; **ship** – from Old English *scip*; **lay** – from Old English *lecgan*, и др.¹

Большую часть терминологии английского морского права составляют термины заимствованные. Среди таковых в первую очередь следует отметить термины, пришедшие в указанную отрасль, из латинского языка. Латынь оказала большое влияние на формирование английского юридического языка в целом, так, по словам М. Е. Видерман, этому способствовал тот факт, что в XIII в. латынь часто использовали при составлении различных документов, хотя в ходе заседаний суда главенствующая роль принадлежала французскому языку [4, с. 38]. Со временем латынь была полностью вытеснена французским, но термины, пришедшие из неё, до сих пор остались как в общеправовой терминологии, так и в терминологии английского морского права. В качестве примеров терминов, пришедших в английское морское право из латыни, можно привести следующие: **capitaneus** – a ship captain or naval commander; **indutiae** – a period of 20 days in which a bottomry-bond debtor may unload

¹ См.: Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.02.2019).

the ship's cargo and pay the bond; **jus liquidissimum** – the principle that a salvager is entitled to a reward for saving life or property imperiled at sea¹.

Данные термины примечательны тем, что они не изменили своего написания, сохранив оригинальный латинский вариант. Тем не менее не все латинские заимствования являются таковыми. В частности, это относится к терминам, которые пришли из латинского во французский, а потом уже в английский язык. В этимологических словарях зачастую подобные термины имеют следующую помету *Fr. or directly from Latin* (пер. французский или напрямую из латыни), например: **to condemn** – from Old French *condemner* “to condemn” (11c.) and directly from Latin *condemnare, condemnare* “to sentence, doom, blame, disapprove”; **to content** – from Old French *contenter* (from *content* (adj.) “satisfied”) and Medieval Latin *contentare*; **to cure** – from Old French *curer* and directly from Latin *curare* “take care of”, hence, in medical language, “treat medically, cure”².

Французских заимствований в терминологии английского морского права можно найти достаточно много. Во-первых, как уже было сказано, многие термины английского морского права пришли в английский язык через старофранцузский, куда, в свою очередь, попали из латинского языка. Во-вторых, помимо таких терминов были и другие – заимствованные уже в эпоху Средневековья и более позднее время. Ко второй категории относятся такие термины, как: **admiralty** – “naval branch of the English executive”, early 15c., from French *admiralte*; **to maneuver** – “planned movement of troops or warship”, 1757, from French *manoeuvre*; **brigandage** – “highway robbery by organized gangs”, c. 1600, from French *brigandage*, from *brigand* (see *brigand*)³.

Помимо французских и латинских заимствований в терминологии английского морского права можно выделить пласт терминов, заимствованных из скандинавских языков. Данные термины пришли в английский язык в VII–IX вв. в эпоху завоевания Британских островов скандинавами. Эта группа терминов небольшая и составляет всего около пяти процентов, включая в себя такие единицы, как: **freight** – “transporting of goods and passengers by water”, from Middle Dutch *vracht, vrecht*; **dock** – “ship's berth, any structure in or upon which a ship may be held for loading, repairing, etc.”, from Middle Dutch *docke*; **plunder** – from Middle Dutch *plunder* “household goods”; Frisian and Dutch *plunje*⁴.

Заимствования из прочих языков составляют около 7 %, к этой категории относятся термины, пришедшие в английский язык из итальянского, испанского, греческого языков в результате тесного развития торговых и экономических отношений с данными странами. В качестве примера можно привести следующие термины: **dispatch** – “to send off, send to a destination”, from Italian *disparciare*; **pilot** – from Italian *piloto*, supposed to be an alteration of Old Italian *pedoto*; **anchor** – device for securing ships to be ground under the water by means of cables, from Greek *ankyra*; **cargo** – “freight loaded on a ship”, from Spanish *cargar* “to load, impose taxes”; **stevedore** – from Spanish *stevedore, estibador* “a man who loads ships and stows cargo”⁵.

Проведённое исследование показало неоднородность терминологии английского морского права. Были выделены две категории терминов: исконные и заимствованные, причём вторая преобладает, занимая около 70 % всего словаря. Большинство заимствований пришло

¹ См.: Garner B. A. *Black's Law dictionary*. 9th edition. St. Paul, Minnesota: Thompson Reuters, 2009. 1920 p.

² См.: Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.02.2019).

³ См.: Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.02.2019).

www.etymonline.com (дата обращения: 20.02.2019).

⁴ См.: Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.02.2019).

⁵ См.: Online Etymological Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 20.02.2019).

напрямую из латинского или старо-французского языков, помимо этого выделяется категория заимствований из скандинавских языков, из греческого, итальянского и испанского. Столь большое разнообразие объясняется рядом исторических причин, торговыми отношениями между странами, развитием межкультурных контактов, приведших к взаимовлиянию языков друг на друга. Сейчас заимствованные терминологические единицы укрепились в английском языке, став ядром терминологии указанной области и активно используются в различных документах. Это свидетельствует об успешности вхождения новых терминологических единиц в терминологию английского морского права, поскольку «отношения,

складывающиеся между терминами, крайне значимы при встраивании новой терминологической единицы в систему» [3, с. 67]. Изучение этимологического состава терминологии английского морского права не только показало успешный пример аккумуляции терминов из различных европейских языков, но и доказало, что заимствованные терминологические единицы фактически сформировали терминологию английского морского права. Исследование помогло также определить, какие языки сыграли наибольшую роль в формировании терминологии указанной терминосистемы.

Статья поступила в редакцию 11.04.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О. В. Лексико-грамматическая система языка как основа его коммуникативно-когнитивного функционирования // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 461–467.
2. Анисимова А. Г., Капшутарь Е. С. Об особенностях становления англоязычной терминологии уголовного права: лексико-семантический аспект // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 215–222.
3. Берсенева Н. С., Гвишиани Н. Б. Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 5. С. 65–75.
4. Видерман М. Е. К вопросу о типологии англоязычных терминов контрактного права // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 42. М.: МАКС Пресс, 2011. С.35–42.
5. Иванова И. П. История английского языка. Учебник. Хрестоматия. Словарь. СПб.: Лань, 2001. 512 с.
6. Назарова Т. Б. Динамические процессы в словарном составе английского языка делового общения // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 1. С. 271–275.
7. Aleksandrova O. V., Mendzheritskaya E. O., Malakhova V. L. Dynamic changes in modern English discourse // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1. Iss. 1. P. 92–106.

REFERENCES

1. Aleksandrova O. V. [Lexicogrammar of Language as the Foundation of Its Cognitive-Communicative Functioning]. In: *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2017, no. 29, pp. 461–467.
2. Anisimova A. G., Kapshutar' E. S. [Peculiarities of the development of English criminal law terminology: lexical and semantic aspects]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2015, no. 4, pp. 215–222.
3. Berseneva N. S., Gvishiani N. B. [Discursive Peculiarities of Word-building Strategies in Terminology Translation]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2018, no. 5, pp. 65–75.
4. Viderman M. E. [On the typology of Russian terms of contract law]. In: Krasnykh V. V., Izotov A. I., eds. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vyp. 42* [Language, Consciousness, Communication. Iss. 42]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011, pp. 35–42.

5. Ivanova I. P. *Istoriya angliiskogo yazyka. Uchebnik. Khrestomatiya. Slovar'* [History of the English language. Tutorial. Reader. Dictionary]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2001. 512 p.
6. Nazarova T. B. [Dynamic processes in business English vocabulary]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and Social Sciences], 2014, no. 1, pp. 271–275.
7. Aleksandrova O. V., Mendzheritskaya E. O., Malakhova V. L. Dynamic changes in modern English discourse. In: *Training, Language and Culture*, 2017, vol. 1, iss. 1, pp. 92–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Федотова Анастасия Евгеньевна – аспирант кафедры английского языкознания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: fedot-nastya@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya E. Fedotova – postgraduate student at the Department of English linguistics, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: fedot-nastya@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Федотова А. Е. Заимствования в терминологии английского морского права // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 68–73.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-68-73

FOR CITATION

Fedotova A. E. Borrowings in English maritime law terminology. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 68–73.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-68-73

УДК 81'1

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-74-85

АРХАИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА О ЗДОРОВЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Чикало Н. А.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья носит лингвокультурологическую направленность и ставит целью восстановить участок древнегерманской картины мира, в котором оформлялось и эволюционировало понятие *здоровье*. В статье методом этимологической реконструкции устанавливаются мотивировочные признаки, положенные в основу формирования понятия *здоровье* в древнегерманских языках. Отдельно рассматривается семантика общегерманской основы **haila-* и её производных существительных со значением «здоровье» в древнеисландском и древнеанглийском языках. Завершающим этапом выступает анализ прагматических составляющих древнеанглийской формулы приветствия *wes þū hāl* в контекстах древнеанглийских поэтических и магико-поэтических текстов. Лингвистические выводы подкрепляются рассмотрением этапов эволюции архаических представлений о здоровье в общей мировоззренческой системе, где отмечается последовательный переход от наиболее ранних представлений о здоровье в космологическом (мифопоэтическом) мировоззрении человека к их переосмыслению в религиозном мышлении.

Ключевые слова: понятие *здоровье*, древнегерманские языки, этимологическая реконструкция, древнеанглийский язык, сакральная лексика, прагматика благопожелания, архаическое мышление

THE ARCHAIC HUMAN PERCEPTIONS OF HEALTH (THE OLD GERMANIC LANGUAGES EVIDENCE)

N. A. Chikalo*Moscow City University**4 Vtoroy Selskokoziastvenny proezd, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract. The article has a cultural linguistics perspective and aims at reconstructing the old Germanic world view in which the concept *health* was formed and evolved. By way of etymological reconstruction the article explores and defines the motivational models which laid the foundation of the concept *health* in old Germanic languages. Special consideration is given to the semantics of the Proto-Germanic base **haila-* and its derivational nouns with the meaning “health” in Old Icelandic and Old English. Finally, the Old English greeting formula *wes þū hāl* is analysed from the standpoint of its pragmatic elements as they are realized in Old English poetic texts and charms. The linguistic conclusions are supported by the insight into the main evolutionary stages of the archaic notions of health in the context of human world view as such, where the earlier cosmological perceptions of health undergo a gradual change to being recategorized in religious thinking.

Keywords: the concept *health*, old Germanic languages, etymological reconstruction, Old English, sacred vocabulary, good-wishing pragmatics, archaic world view

Введение

Эволюцию представлений человека о природе здоровья и причинах заболеваний традиционно связывают с античной медицинской традицией, зародившейся в трудах Галена, Гиппократы, Полиба, Платона и др. В них здоровье определяется как состояние, «согласное природе», а болезнь – как его утрата. Представление о здоровье как гармонии, пропорциональном соотношении четырёх субстанций (элементов) в теле человека отмечено в трактатах разных греческих и римских философов и врачей (о чём подробно см. обзор проблемы в статье Е. В. Афонасина [1]), которые едины в том, что болезнь есть нарушение заложенного природой баланса. В рассуждениях античных авторов первостепенный интерес отводится естественным причинам болезни и, как результат, осуществляется поиск путей их предотвращения (интересны в этом отношении античные трактаты о диете). По праву можно сказать, что в греко-римских трактатах оформился фундамент классической медицины как науки о здоровье человека.

Стоит, однако, заметить, что воззрения греческих и римских медиков – представителей высокообразованного класса античного общества – уже были освобождены от более ранних мифопоэтических представлений о здоровье. В силу этого богатый теоретический материал, содержащийся в работах античных врачей, тем не менее, не может быть привлечён в исследованиях, направленных на описание семантических мотивировок понятия *здоровье*, заложенных на самых ранних этапах развития человеческого мышления. Для его восстановления следует обратиться к языковому материалу древних языков, через содержательную материю которых представляется возможным реконструировать архаические представления человека о здоровье задолго до развития медицины в греко-римской традиции и её заимствования в

другие культуры, в частности, в германскую.

Таким образом, в рамках данной статьи мы ставим целью методом лингвистического анализа восстановить участок духовного универсума древних германцев, в котором оформлялось и эволюционировало понятие *здоровье*. Лингвокультурологическое исследование подобного рода проводится впервые, что определяет степень научной новизны предлагаемых в статье выводов и обуславливает их теоретическую и практическую значимость в получении новых эмпирических данных о семантической структуре древнегерманской картины мира.

1. Этимологическая реконструкция (индоевропейский фон) Здоровье как целостность

Для поставленной цели этимологический метод выступает первичным и представляется наиболее эффективным: в современных лингвокультурологических исследованиях, как известно, этимологическим реконструкциям отводится роль восстановления архаической концептуализации мира [2]. Одновременно, результаты этимологизации древнего лексического материала представляется целесообразным соотносить с общими мировоззренческими установками древнего мышления, функцию которых для данного исследования можно определить как верифицирующую, подкрепляющую выводы лингвистического характера.

Этимологизация древнегерманского лексического материала позволяет установить, что в готском, древнеисландском, древнеанглийском языках лексика с семантикой «здоровье» / «здоровый» стала развитием общегерманской основы **haila-* (< и.-е. **kai-lo-* / **kai-lu-* «целый (нем. heil), невредимый (нем. unversehrt), «добраго знака» (von guter Vorbedeutung)»¹).

¹ См.: Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <https://indo-european.info/pokorny-etymological-dictionary/whnjs.htm> (дата обращения: 08.05.2019).

Распределение лексико-семантических изоглосс от о.-г.**haila*- и их этимологические параллели в языках балто-славянской группы выглядят следующим образом¹:

И.-е.**kai-lo*-/**kai-lu*- > о.-г.**haila*-: гот. *hails* «целый, здоровый»; др.-исл. *heill* (прил.) «невредимый», «здоровый», «целый»; *heill* (сущ. ср.р.) «благо», *heili* (сущ. ж.р.) «здоровье», *heill* (сущ. ж.р.) «благо», «счастье», «удача», «благополучие», «здоровье»; др.-сакс. *hēli* / др.-в.-нем. *heili* (сущ. ср.р.) «приветствие», «пожелание удачи», «удача», «спасение»; др.-фриз. *hēl* / др.-сакс. *hēl*, др.-в.-нем. *heil* (прил.) «целый», «невредимый»; др.-сакс. *hēli* / др.-в.-нем. *heili* (сущ. ср.р.) «приветствие», «пожелание удачи», «удача», «спасение»; др.-англ. *hāl* (прил.) «невредимый», «крепкий», «безопасный», «здоровый», «целый», «весь», *hāel* / *hāelþ* (сущ. ж.р.) «здоровье», «целостность», «невредимость», «исцеление», «спасение», «благополучие», «процветание», «удача», «счастье», *hāel* (сущ. ср.р.) «хорошее предзнаменование», «добрый знак» || др.-прусс. *kailūstiskan* «здоровье» (В.п. ед. ч от **kailūs*)², о.-сл. **čělъ*- (> *čělovati* «желать здоровья и невредимости» > ц.-сл. *цѣловати* «приветствовать, благодарить»), рус. *цел* (> *целый, целить, целитель, целовать*).

Представленный лексический материал позволяет заключить, что признак *целостности* был положен в основу представлений человека о здоровье в древнегерманской модели мира. Факт наличия этимологических параллелей в языках балто-славянской группы (в древнепрусском, церковнославянском,

русском языках) является вполне убедительным для того, чтобы утверждать об универсальности данного признака в осмыслении здоровья применительно к древнему индоевропейскому мышлению в целом.

Сделанный вывод находит подтверждение в свидетельствах из области смежных с лингвистикой наук – культурологии и антропологии. «Над архаичным человеком», как об этом писала О. М. Фрейденберг, «довлело единство космологического мировосприятия, при котором люди и природа не различались» [19, с. 170]. Человек космологической эпохи верил в тождество макро- и микрокосма, в то, что он (Малая Вселенная) создан по образу и подобию макрокосма (Вселенной), чем унаследовал, по выражению В. Н. Топорова, «совершенство теургического целого» [15, с. 513]. Пребывая в здравии, человек уподоблялся упорядоченному космосу, где само слово *космос* (греч. *κόσμος*) этимологически мотивировано как «порядок, устройство, украшение». Космос соотносится с геометрической правильностью, беспорядок – с разбросанностью, неправильным соотношением частей; космос как организованная Вселенная противопоставлен хаотической дезинтеграции [7, с. 71].

Через призму космологического мировосприятия тело человека, как и части его физического целого, были изоморфны элементам природной материи, что отразилось в тотемических мифах, отождествляющих природное и человеческое. В китайской, древнеиндийской, иранской, германской (скандинавской), славянской культурах был не раз отмечен изоморфизм таких субстанций, как плоть – земля, кровь – вода, волосы – растения, кости – камень, зрение (глаза) – солнце, дыхание – ветер, голова – небо³ [15; 16]. Для англосаксонской и славянской культур в исследовании О. Б. Клевцовой под-

¹ См.: Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* / ed. A. Lubotsky. Leiden-Boston: Brill, 2013. P. 200; Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill, 2000. S. 218; Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 5. / сост. О. Н. Трубачев и др.; под. ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1976. С. 180.

² Э. Бенвенист рассматривает балтийскую форму как заимствование из германского в древней форме с начальным *k- [4, с. 72].

³ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1991. 736 с.

чёркивается принципиальная важность концептуального метафорического переноса ТЕЛО – УНИВЕРСУМ [8]. Здоровье, в свою очередь, как качественное состояние телесной оболочки осмысливалось человеком через признаки, присущие универсуму, – совершенство, упорядоченность, цельность. На отождествление признаков макро- и микрокосма (человека) содержится следующее указание в мифологическом словаре: «здоровье в заговорах приравнивалось целостности космоса»¹.

Болезнь в таком свете рассматривалась как вторжение злых сил, которые нарушали *целостность* микрокосма – раскалывали, разбивали, разрушали организм человека (ср. в рус. яз. *голова раскалывается, паралич разбил, совсем расклеился* и другие примеры, в том числе многочисленные диалектизмы русского языка, приводимые в работе С. А. Мельниковой²). Восстановление утраченной целостности требовало отправления ритуала *исцеления*, целью которого было спасение человека от проникших в него злых сил, вызывающих недуги, и в возвращении больному утраченной в болезни целостности [24, р. 19]. Врачевание в таком мифологическом свете рассматривалось как собирание до состояния целого «разбитого» демонами человека. В индоевропейских древних ритуальных заклинаниях на исцеление отмечается последовательное перечисление частей тела больного, что, по замечанию Т. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, «...может означать веру в исцеление человека как бы путём сложения его в единое целое» [3, с. 819; 17].

Ввиду представленных фактов, верифицирующих ранее сделанный вывод из анализа германо-балто-славянского лексического материала, признак *целостности* можно считать фундаментальной

семантической мотивировкой, которая формировала понятие *здоровье* в архаическом мировидении.

2. Семантический анализ (древнегерманские языки): Здоровье как благо

Особый лингвистический интерес представляют др.-исл. *heill* и др.-англ. *hǣl* – существительные женского рода с ярко выраженной синкретической семантикой, совмещающей в едином семантическом комплексе сразу несколько значений, несовместимых с современной точки зрения: собственно «физические» – «здоровье», «целостность», «невредимость», «исцеление» – и такие духовно-ценностные смыслы, как «благо», «счастье», «удача», «благополучие», «процветание». Данные других индоевропейских языков также свидетельствуют о возможности подобного рода синкретизма: ср. авест. *yaos* «здоровье, благо»; др.-инд. *yos* «здоровье, счастье».

Отмеченная специфика семантики др.-исл. *heill* и др.-англ. *hǣl*, очевидно, указывает на то, что в древнегерманском мировидении здоровье не выделялось из числа других благ, имеющих ценность для человека, и располагалось на одной шкале оценки с другими не менее значимыми благами – счастьем, благополучием, процветанием, удачей. Особо отметим значение «благо» в семантике др.-исл. *heill*, которое уравнивает все другие «блага» между собой, выступая для них семантическим гиперонимом.

Принципиально важным в данном отношении является замечание Н. А. Ганиной относительно семантики общегерманской основы **haila-*, производной которой является представленная выше древнегерманская лексика: «...если в разных германских языках (...в контекстах разных памятников) на первый план выступает то или иное значение, становящееся семантической доминантой, то исконная семантика общегерманской основы **haila* должна была характери-

¹ *ibid.*, С. 660.

² См.: Мельникова С. А. Здоровье – целостность, болезнь – разрушение // Русская речь. 2010. № 4. С. 113–118.

зоваться неразрывным единством этих значений» [4, с. 71]. Опираясь на данное наблюдение, можно предположить, что в о.-г. основе **haila-* объединялись две центральные семантические потенции – «целостность» и «благо», где значение «целостность» было подчинено, «охвачено» оценочным семантическим кругом концептуального поля «благо» (в балто-славянском ареале и.-е. **kai-lo-*/**kai-lu-* подобного развития не получает). Исходя из сказанного, можно объяснить отдельные значения производных о.-г. **haila-* как филиацию её исконно амбивалентной (двойственной) семантики, которая обнаружила себя с разной долей выделенности значений «целостность» и/или «благо» в готском, скандинавском и западногерманском ареалах.

Сделанные наблюдения убедительно говорят в пользу того, что, помимо собственно физического осмысления, понятие *здоровье* с древнейших времён оформлялось как духовно-ценностное понятие. Аксиологический фундамент данного понятия закладывался в мифопоэтическом сознании, где здоровье оценивалось по онтологической шкале «хорошее (благо, верх) – плохое (проклятие, низ)». Хорошее физическое здоровье получало наивысшую духовную оценку – *благо*. Здоровье выступало той первичной целостной материей, которая была присуща человеку от момента сотворения, и, как отмечал В. Н. Топоров, «то, что было вызвано к бытию в акте творения, воспринималось как благо» [15, с. 492]. Концепт *благо* «затрагивает духовную и витальную сферы жизни» [13, с. 5]. В такой двухчастной структуре концепта *благо* здоровье, определённо, выступало «витальным» компонентом.

Таким образом, за выводом о первичном признаке целостности, положенном в основу понятия *здоровье*, следует заключить, что данное понятие оформлялось в общей мировоззренческой системе оценки, изначально включаясь в концептуальное поле *благо*.

Здоровье как сакральная категория (теологический аспект)

С оформлением религиозного мировоззрения, эволюционно сменившем космологическое (мифопоэтическое), на первый план выступает элемент подчинённости, зависимости человека от высших сил и поиск их расположения, в силу чего здоровье переосмысливается как *благо, ниспосланное свыше, благословение*. Указание на осмысление здоровья как некоей *божественной милости* находим у Э. Бенвениста: «... физическая целостность имела столь характерное религиозное значение ... в этой совершенной “невредимости” видели божественную милость, некий священный знак»¹.

«Религиозное значение», о котором говорит Э. Бенвенист, есть в то же время указание на то, что понятие *здоровье* в новом типе мышления категоризуется человеком как *сакральное*. В результате, ранее бытовавшие космологические представления о *здоровье* претерпевают метаморфозу: *здоровье-благо* переоценивается в *здоровье-священное*.

Такое заключение относительно природы здоровья, переосмысленной религиозным мышлением как *сакральное*, получает надёжную философскую опору в свете некоторых идей авторитетных теологов, которые имеет смысл озвучить в рамках обсуждаемой проблемы.

Одним из первых, кто в XX в. обозначил границы понимания *сакрального*, был немецкий философ и теолог Рудольф фон Отто. В его концепции «осознание и признание чего-либо “священным” является в первую очередь своеобразной оценкой, которая осуществляется так только в религиозной области» [9, с. 11].

Опираясь на труды Р. Отто, румынский философ и религиовед М. Элиаде, разработал свою концепцию понимания *сакрального*, противопоставив его *профанному*. М. Элиаде ввёл новый теологи-

¹ См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 347.

ческий термин «иерофания», обозначив им манифестацию священного в физическом мире, «нечто священное, представляющее пред нами» [21, с. 18]. Учёный выделил две основные формы иерофании: иерофания низшего порядка (элементарная) и иерофания высшего порядка (Божественная). В первом случае речь идёт о проявлении священного в обыденных, привычных для религиозного человека природных объектах и явлениях (камень, дерево); во втором случае можно говорить о проявлении сверхъестественного, Божественного. Священным или сакральным, по М. Элиаде, мог быть признан только тот объект или явление, которые уже изначально, с момента своего зарождения или обнаружения в природе, заключали в себе таинственное и демонстрировали нечто совершенно отличное от мирского [12, с. 67].

Из такого далеко неполного обзора философских взглядов на природу сакрального можно, тем не менее, вывести ряд принципиальных положений, применимых к вопросу переоценки здоровья в религиозном сознании:

1) сакральное проявляет себя в мирском (иерофания);

Здоровье в религиозном сознании стало выступать иерофанией высшего порядка, Божественного, так как в физически здоровом человеке стали видеть присутствие Божественной милости, благословения, священного знака;

2) для получения оценки «сакральное» ранее в истории общества должен был быть создан прецедент обнаружения в явлении чего-нибудь, совершенно отличного от мирского;

Данный теологический догмат вполне согласуется с выше отмеченными космологическими представлениями о здоровье, в которых физическая целостность человека отождествлялась с цельностью материи Вселенной;

3) *сакральное* и *профанное* – это шкала оценивания объектов действительности в религиозном сознании;

По сути, религиозный человек оценивает действительность по той же онтологической шкале «хорошее – плохое», которой руководствовался человек космологического мировоззрения, с той разницей, что её полюсы в религиозном сознании претерпели качественную перестройку в категории «священное – профанное».

Описанный сложный процесс перехода представлений о здоровье как о *благ*е в космологическом сознании в категорию *священного* в религиозном сознании можно представить в виде силлогизма – знания, логически выводимого из двух посылов:

посыл 1. здоровье / физическая цельность есть благо (космологические представления) |

посыл 2. всё, что благо (теперь) священо (религиозное сознание) |

>>> здоровье священо / сакрально

(в здоровом человеке видят Божественную иерофанию – присутствие божественной милости, благословения)

Безусловно, такой «телеграфический» метод описания сложнейших процессов в древнем мышлении, охвативших не одно тысячелетие, – всего лишь инструмент, позволяющий более наглядно представить сугубо экстралингвистический контекст, в котором эволюционировало понятие *здоровье*. Большую убедительность для отмеченных идей будут иметь конкретные языковые данные и мнения лингвистов, исследовавших сакральную лексику в древних языках.

Так, в специальных исследованиях древнеславянского аксиологического фундамента общеславянский корень **bolg-* (> ст.-слав. *благо*, др.-рус. *болого*) включён в список пракорней с «высокой престижностью и даже сакральностью очерчиваемого ими понятийного круга» [6, с. 67]. Аналогично, в лингвистических исследованиях древнегерманских языков не раз подчёркивалась идея *сакральности*, воплощённая в общегерманской

основе **haila* [4, с. 73; 23].¹ Т. В. Топорова относит производные от **haila* со значениями «невредимый», «здоровый», «целый» к сакральной лексике и отмечает культовый характер формулы приветствия «будь здоров, здравствуй» (гот. *hails*, др.-англ. *wes þū hāl!* || др.-прусс. *kails!*) и её глагольных производных со значением «здороваться, приветствовать» (др.-англ. *hālettan*, др.-в.-нем. *heila-zzen*) [16, с. 113].

Требуется, однако, дополнительная языковая иллюстрация, которая позволит выявить сакральную семантическую доминанту в лексических репрезентантах о.-г. **haila*, о которой настойчиво говорят исследователи.

Др.-англ. *wes þū hāl*: анализ прагматических составляющих

Рассмотрим классический пример из англосаксонского эпоса «Беовульф»² и проанализируем смысл древнеанглийской формулы приветствия с целью «обнаружить семантические потенциалы, которые были заложены в семантике исходного корня и которые воссоздаются в более поздних текстах» [20, с. 61]:

(строки 405–407) *Bēowulf mapelode / on him byrne scan / searonet seowed / smiþes orþancum / «Wes þū, Hrōðgār, hāl!»* – «...и молвил Беовульф / (кольчуга искрилась, / сеть, искусно сплетенная в кузнице) / «Привет мой Хродгару!» (перев. В. Г. Тихомирова³).

В данном эпизоде эпоса Беовульф приветствует Хродгара словами *wes þū hāl*, перевод которых, на наш взгляд, затемняет то, что Т. В. Топорова называет «культовым характером» древнеанглийской формулы приветствия. Подойти к

дословному, насыщенному семантикой сакральности переводу этой фразы (с учётом принципов акцентологии в германском стихе) следует, прежде всего, с определения грамматической структуры всего предложения, где без труда определяется форма императива 2 л. ед. ч. др.-англ. глагола *wesan*. Перевод восклицания Беовульфа формой русского императива *Будь здоров, Хродгар! / Здравствуй, Хродгар!* несколько аккуратнее передаёт центральную семантику благопожелания, пожелания *быть здоровым*, сопровождающую приветствие воина, хотя и нарушает ритмический рисунок стиха. В таком переводе др.-англ. прил. *hāl* («здоровый», «невредимый», «целый») полностью реализует свой «вклад в контекст» [18, с. 285]. Тем не менее, сакральный характер древнеанглийской формулы приветствия всё ещё остаётся нераскрытым. В этом мы видим недостаточную степень внимания к характеру воликативной модальности, заложенной в приветствии *wes þū hāl*.

Как известно, к воликативному типу наклонений относится не только императив, но и опатив (т. н. «желательное наклонение»), выражающий «чистое» желание говорящего (без побудительности и каузации), чтобы возникла обозначаемая ситуация. Опатив – древнейший тип индоевропейского наклонения, формы которого, слившись с формами индоевропейского конъюнктива, нашли систематическое развитие в древнегерманских языках. Древнеанглийский опатив («сослагательное наклонение» / «конъюнктив» в трактовке некоторых лингвистов) объединил в своих формах значения индоевропейского опатива и конъюнктива, в результате чего он мог обслуживать разнообразный спектр значений: желание, возможность или предписание (от и.-е. опатива), ожидание или предположение (от и.-е. конъюнктива) [11, с. 205]. Примером реализации опатива может служить та же формула приветствия с формой *sý*: *hāl sý þū!*

¹ См. также: Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill, 2000. S. 218.

² *Beowulf*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heorot.dk/beowulf-rede-text.html> (дата обращения: 08.05.2019).

³ Древнеанглийская поэзия: [Электронный ресурс] / подг. О. А. Смирницкая; пер. В. Г. Тихомирова. URL: <http://tihomir-vg.narod.ru/olding/oldingfr.htm> (дата обращения: 01.05.2019).

sū þū hāl. Статистическое соотношение частотности появления *wes* и *sū* в составе древнеанглийского приветствия с *hāl* составляет, по результатам корпусного исследования Й. Гржега, 18:7 соответственно [25, р. 167]. Такая возможность чередования форм древнеанглийского оптатива (*sū*) и императива (*wes*) может свидетельствовать о том, что семантические поля модальности этих двух наклонений пересекались. На этом основании волитивную модальность *wes þū hāl* становится возможным определить как оптативный императив или «императив, пожелания», по аналогии с термином «конъюнктив пожелания» у Н. Ю. Гвоздецкой применительно к форме *sū* в религиозных хвалебных гимнах [5]. В таком случае, семантика *wes þū hāl* должна рассматриваться с учётом содержательной специфики, характеризующей оптатив.

Ключевым семантическим различием между императивом и оптативом является «наличие или отсутствие контроля над ситуацией» [10, с. 14]. Адресат императива всегда обладает контролем над исполнением действия, объектом которого он выступает (ср. рус. *Будь внимательным!* – от волеизъявления адресата обращения полностью зависит исполнение / неисполнение действия). Специфика оптатива, в таком случае, заключается в «опосредованном характере мотивированности глагольного действия..., осуществление которого определяется какими-то другими, независящими от субъекта речи факторами» (выделено нами – Н. Ч.) [11, с. 203]. В таком определении оптатива исключительно важным выступает указание на некую «третью силу», которая определяет, будет ли осуществлено желаемое в отношении адресата действие. Таким образом, прагматика оптатива выстраивает трёхсторонние отношения между участниками речевого акта пожелания: между субъектом и адресатом пожелания стоит сверхъестественная сила (божество, Бог), от воли, благословения которой – в религиозном мировидении

– полностью зависит осуществление желаемого.

По такому «прагматическому треугольнику» построены благопожелания и проклятия во многих языках мира (неиндоевропейских в том числе), что отражает общую для религиозного мировоззрения веру в то, что всё – и добро, и зло – находится во власти высших духовных сил (ср. *всё в руках Божьих*). Для сравнения, в современном китайском языке значение иероглифа благопожелания 祝愿 раскрывается как «молитва, обращение к божеству с просьбой об осуществлении желаний в качестве выражения добрых намерений себе и другим» [14, с. 221].

В свете отмеченных наблюдений сакральный характер древнеанглийской формулы приветствия *wes þū hāl* не оставляет сомнений: в приветствии Беовульфа звучит скрытый, имплицитный призыв к «высшей силе» благословить Хродгара здоровьем. Распределение прагматических составляющих в формуле древнеанглийского приветствия можно представить в схеме на рис. 1, где сплошной линией отмечено приветствие Беовульфа и пожелание здоровья Хродгару, пунктирной линией – имплицитная апелляция Беовульфа к высшей силе (Богу), сплошной жирной линией от вершины «прагматического треугольника» к Хродгару – благословение Хродгара здоровьем, исходящее от высшей силы (не от Беовульфа).

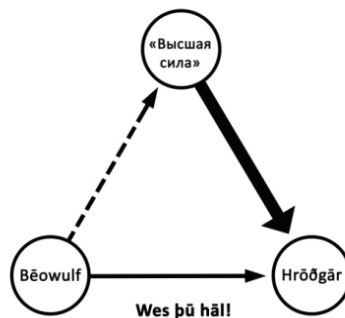

Рис. 1. Прагматика древнеанглийского *wes þū hāl*

Данное значение древнеанглийской формулы приветствия представляется возможным отразить в переводе на русский язык средствами оптативной конструкции с частицей «да», возникшей первоначально в церковнославянских текстах и позже вошедшей в состав русского языка с функцией выражения благопожеланий / проклятий (ср. *да будете счастливы! / да здравствует король! / да будут двое одна плоть*). Таким образом, приветствие “*Wes þū, Hrōðgār, hāl!*” получает наиболее точное формально-содержательное соответствие в русском переводе «*Да здрав будешь, Хродгар!*».

Изъятое из контекста поэтического памятника, выражение *wes þū hāl* не теряет своего сакрального значения. В древнеанглийском «Заклинании неплодородной земли» (строки 69–70) содержится обращение к земле с пожеланием плодородия, имплицитное к силе-источник такого благословения: *Hāl wes þū, folde, fira modor!* – *Будь благословенна, земля, мать людей!* (букв. *будь здорова*). Далее следует прямое, эксплицитное указание на источник плодородия, Бога: *Beo þū grōwende on godes fæþme* – *Расти/процветай в объятиях Господа* (перев. Т. В. Топоровой [17, с. 141]). Как показало исследование В. В. Алпатова, многочисленные европейские микротопонимы, в частности названия полей, построены по модели лексикализованной синтагмы, некогда служившей обращением «... не меньше чем за божественной помощью, если требовалось собрать урожай» [22, р. 145].

Разложение прагматических составляющих в структуре древнеанглийского заговора можно наблюдать в «Заклинании от внезапного колотья» (строка 28): *Hāl westu, helpe þin drihten!* – *Будь здоров, да поможет тебе Господь!* [17, с. 51]. В данном случае за пожеланием здоровья (*Hāl westu*) следует пожелание больному помощи Божьей (*helpe þin drihten*), в ко-

тором «подключение» высшей силы уже носит эксплицитный характер. Очевидно, что сила заговора также реализуется по траектории «прагматического треугольника», но с существенным отличием от благопожелания, а именно через *эксплицитную* апелляцию к высшим силам, в чём проявляется ориентация заговора на «немедленное достижение результата» [17, с. 4].

Проанализированные контексты функционирования древнеанглийской формулы приветствия *wes þū hāl* убедительно говорят в пользу исконно сакрального смысла, заложенного в ней. В семантике др.-англ. *hāl* обнаружила себя одна из семантических потенций общегерманской основы **haila*, сакральный характер которой воссоздаётся в поэтических и магико-поэтических древнеанглийских текстах.

Заключение

Проанализированный в статье лексический материал древнегерманских языков, рассмотренный в этимологическом (на индоевропейском фоне) и семантическом (в общегерманском, древнеисландском и древнеанглийском языках) приближениях, отражает мировосприятие архаического человека, в котором оформлялось и эволюционировало понятие *здоровье*.

Подводя итог, можно говорить о том, что в древнегерманских языках нашли языковую репрезентацию представления человека о здоровье как *целостности*, которая в общей мировоззренческой системе оценки осмыслялась как безусловное благо. Это стало конструктивной предпосылкой к дальнейшему переосмыслению понятия *здоровье* с отнесением его к категории сакрального в религиозном мировоззрении.

Статья поступила в редакцию 09.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Афонасин Е. В. Античные врачи о здоровье и причинах болезни // *Философия науки*. 2017. № 1 (72). С. 85–99.
2. Брунова Е. Г. Пространственные отношения в архаичной языковой модели мира: (лексико-этимологическое и лингвокультурологическое исследование): монография. Тюмень: ТюмГУ, 2007. 174 с.
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1330 с.
4. Ганина Н. А. Готская языческая лексика. М.: Изд-во МГУ, 2001. 176 с.
5. Гвоздецкая Н. Ю. Древнеанглийская религиозная поэзия: христианские доксологии-парафразы // *Современные тенденции развития науки и технологий*. 2015. № 4–3. С. 13–17.
6. Журавлёв А. Ф. Эволюции смыслов. Москва: ЯСК, 2016. 467 с.
7. Знак. Слово. Текст: семиотические аспекты языковых единиц разных уровней / отв. ред. Н. Н. Белозерова. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2001. 202 с.
8. Клевцова О. Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы: на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 24 с.
9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 274 с.
10. Пичхадзе А. А. Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // *Вопросы языкознания*. 2010. № 5. С. 14–24.
11. Сагалова Е. С. Волитивная модальность в древнеанглийских речевых произведениях // *Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского*. 2009. № 1. С. 202–207.
12. Сазонова А. А. Понятие «сакральное» в теолингвистике // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 15. № 1. С. 65–73.
13. Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта благо/добро в русском языковом сознании: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2004. 50 с.
14. Тихонова А. В., Чибисова О. В. Лингвокультурологические особенности «благопожелания» и «祝愿»: сопоставительный аспект // *Лингвокультурология (электронный журнал)*. 2018. № 12. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2196/31.pdf> (дата обращения 12.05.2019).
15. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянской культуры, 2005. 816 с.
16. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 190 с.
17. Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М.: Эдиториал УРСС, 1996. 214 с.
18. Топорова Т. В. О семантической структуре эпического слова на примере концепта горы в «Старшей Эдде» // *Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О. Н. Селивёрстовой)* / ред. Н. А. Косаковская. М.: МГПУ, 2004. С. 285–299.
19. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. 798 с.
20. Чупрына О. Г. Семантика производных от индо-европейского корня *per-/pro- в древнеанглийском языке. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2018. № 6. С. 60–67.
21. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с франц., предисл., комм. Н. К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
22. Alpatov V. Prayers in Place Names // *Onomastics between Sacred and Profane* / ed. O. Felecan. Delaware: Vernon Press, 2019. P. 143–156.
23. Baetke W. Das Heiligen im Germanischen. Walter: Тьbingen, 1942. 226 S.
24. Green D. Language and History in the Early Germanic World. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 444 p.
25. Grzega J. Greetings in English Language History // *Speech acts in the History of English* / ed. by A. H. Jucker, I. Taavitsainen. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 165–194.

REFERENCES

1. Afonasin E. V. [Ancient physicians on health and causes of diseases]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Sciences], 2017, no. 1 (72), pp. 85–99.
2. Brunova E. G. *Prostranstvennye otnosheniya v arkhainoi yazykovoi modeli mira: (leksiko-etimologicheskoe i lingvokul'turologicheskoe issledovanie)* [Spatial relations in the archaic linguistic model of the world: (lexico-etymological and linguocultural research)]. Tyumen, University of Tyumen Publ., 2007. 174 p.
3. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indoevropskii yazyk i indoevropeitsy* [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984. 1330 p.
4. Ganina N. A. *Gotskaya yazycheskaya leksika* [Gothic pagan vocabulary]. Moscow, Moscow State University Publ., 2001. 176 p.
5. Gvozdetskaya N. Yu. [Old English Religious Poetry: Christian Doxology Paraphrases]. In: *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern trends in the development of science and technology], 2015, no. 4–3, pp. 13–17.
6. Zhuravlev A. F. *Evolutsii smyslov* [The evolution of meanings]. Moscow, YASK Publ., 2016. 467 p.
7. Belozero N. N., chief. ed. *Znak. Slovo. Tekst: semioticheskie aspekty yazykovykh edinit raznykh urovnei* [Sign. Word. Text: semiotic aspects of language units of different levels]. Tyumen, University of Tyumen Publ., 2001. 202 p.
8. Klevtsova O. B. *Kontsept «chelovek telesnyi»: kognitivnoe modelirovanie i perenosy: na materiale sopostavitel'nogo analiza drevnerusskogo i drevneangliiskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The concept of “bodily man”: cognitive modeling and transferences: comparative analysis of Old Russian and Old English: abstract of PhD thesis in Philological Sciences]. Tyumen, 2007. 24 p.
9. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [Sacred. The irrational in the idea of the divine and its relation to the rational]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2008. 274 p.
10. Pichkhadze A. A. [Expression of the imperative and optative values in the Old and Middle Russian prescriptive documents]. In: *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of language], 2010, no. 5, pp. 14–24.
11. Sagalova E. S. [Volitional modality in the old-English locutions]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. N. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2009, no. 1, pp. 202–207.
12. Sazonova A. A. [The concept “sacred” in theolinguistics]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [South Ural State University Bulletin. Series: Linguistics], 2018, vol. 15, no. 1, pp. 65–73.
13. Safonova N. V. *Mental'naya i yazykovaya reprezentatsiya kontsepta blago/dobro v russkom yazykovom soznanii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Mental and linguistic representation of the concept of blessed / good in the Russian language consciousness: abstract of D. thesis in Philological Sciences]. Tambov, 2004. 50 p.
14. Tikhonova A. V., Chibisova O. V. [Linguo-cultural features of «благопожелание» and “祝愿”: comparative aspect]. In: *Lingvokul'turologiya (elektonnyi jurnal)* [Linguoculturology (electronic journal)], 2018, no. 12, pp. 216–229.
15. Toporov V. N. *Issledovaniya po etimologii i semantike* [Studies on the etymology and semantics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 816 p.
16. Toporova T. V. *Semanticheskaya struktura drevnegermanskoi modeli mira* [The semantic structure of the old Germanic model of the world]. Moscow, Radiks Publ., 1994. 190 p.
17. Toporova T. V. *Yazyk i stil' drevnegermanskikh zagovorov* [The language and style of the old German spells]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1996. 214 p.
18. Toporova T. V. [On the semantic structure of the epic word on the example of the mountain concept in “Senior Edda”]. In: Kosakovskaya N. A., ed. *Yazykovye znacheniya: Metody issledovaniya i printsiipy opisaniya (pamyati O. N. Seliverstovoi)* [Language meanings: Research methods and principles of description (in memory of O. N. Seliverstova)]. Moscow, Moscow City University Publ., 2004, pp. 285–299.
19. Freidenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [The myth and literature of antiquity]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 798 p.

20. Chupryna O. G. [Semantics of proto-indo-eruropean *per-/pro- derivatives in old English]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2018, no. 6, pp. 60–67.
21. Eliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The sacred and the profane]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994. 144 p.
22. Alpatov V. Prayers in Place Names. In: Felecan O., ed. *Onomastics between Sacred and Profane*. Delaware, Vernon Press Publ., 2019, pp. 143–156.
23. Baetke W. *Das Heilige im Germanischen*. Walter, Tübingen Publ., 1942. 226 S.
24. Green D. *Language and History in the Early Germanic World*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1998. 444 p.
25. Grzega J. Greetings in English Language History. In: Jucker A. H., Taavitsainen I., eds. *Speech acts in the History of English*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 165–194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чикало Наталья Александровна – старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета;
e-mail: megabelka2003@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya A. Chikalo – senior teacher at the Department of Foreign Languages at the Institute of Foreign Languages, Moscow City University;
e-mail: megabelka2003@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чикало Н. А. Архаические представления человека о здоровье (на материале древнегерманских языков) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 74–85.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-74-85

FOR CITATION

Chikalo N. A. The archaic human perceptions of health (the old Germanic languages evidence). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 74–85.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-74-85

РАЗДЕЛ III.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-86-91

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ОБЩЕНИЕ И ПРИЧИНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ НЕУДАЧ В ВОПРОСАХ

Рзазаде Г. Ч.

Азербайджанский университет языков

AZ 1055, г. Баку, ул. Рашида Бейбутова, д. 60, Азербайджанская Республика

Аннотация. Цель работы – выявить и систематизировать причины коммуникативных социально-прагматических промахов в вопросах, возникшие в общении, а также сформулировать рекомендации по решению данной проблемы. Автор провёл исследование на обширном фактическом материале, выбранном из средств массовой информации. Методы исследования: сравнительно-исторический, эмпирический, когнитивный и наблюдательный. В результате исследования было выявлено, что улучшение навыков лингвистического прагматизма крайне важно для развития страны. Автором делается вывод, что причины неудач кроются, в основном, в различиях культурного происхождения. Во время межкультурного общения адресат может стерпеть грамматическую ошибку, но не прагматическую неудачу. Следовательно, надо знакомиться с культурой носителя языка, улучшать возможности межкультурного общения, чтобы стать более эффективным субъектом речи.

Ключевые слова: прагматика, межкультурная коммуникация, прагмалингвистическая неудача, социально-прагматическая неудача, социальный контекст, лингвокультурология

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND THE CAUSES OF COMMUNICATION SOCIO-LINGUISTIC FAILURES IN QUESTIONS

G. Rzazade

Azerbaijan University of Languages

60 ulitsa Rashida Behbudova, Baku AZ 1055, Azerbaijan Republic

Abstract. The aim of the article is to identify and systematize the causes of communicative socio-pragmatic failures in questions arising in communication, as well as to formulate recommendations for the problem solution. The author conducted the research using wide range of factual material (chosen from the media). The research methods are comparative-historical, empirical, cognitive and observational methods. Improving the skills of linguistic pragmatism is extremely important for the development of the country. The study shows that socio-pragmatic failures are caused mainly by cul-

© CC BY Рзазаде Г. Ч., 2019.

tural differences. In cross-cultural communication, the addressee may tolerate a grammatical error, but not a pragmatic failure. Thus, it is necessary to know the culture of a native speaker, improve the possibilities of cross-cultural communication, and thus become a more effective communicator. The theoretical significance of the study lies on an attempt to present a comprehensive analysis of cross-cultural pragmatics on the basis of languages of different systems and to identify the factors leading to failure in cross-cultural communication. Practical significance is determined by the possibility of using the results in language teaching and improving cross-cultural skills.

Keywords: pragmatics, cross-cultural communication, pragmalinguistic failure, socio-pragmatic failure, social context, linguoculturology

В прагматике внимательно рассматривается язык во время процесса общения для понимания партнёрами друг друга. Прагматика изучает разговор как действие [11–13]. Выражение, которое продуманно говорящим как метафора, т. е. если говорящий желает, чтобы его выражение было понято как метафора, должно быть метафорично. Говорящий не желает, чтобы адресат решил, что он ошибается. С другой стороны, адресат тоже понимает, что субъект речи использовал особое слово именно в определённом контексте и именно в определённой ситуации, имея особую причину, он никак не ошибся словом и не построил неправильной фразы. Прагматика изучает значение внутри контекста. Она исследует особые предложения в особых случаях, а также рассматривает влияние языка как средства интерпретации в различных социальных контекстах. Другими словами, прагматика больше изучает создание средств связи, чем структурирование данных средств. Язык очень тесно связан с культурой. Б. Малиновский отметил: «В своем примитивном применении, язык – звено в согласованной человеческой деятельности ... Это способ действия и инструмент отражения» [2, с. 34].

Межкультурная прагматика ссылается на различные языки и на разнообразные ситуации между культурами, и неудачи (провал) в межкультурной прагматике возникают по причине неправильного использования языка или его ошибочного понимания со стороны переводчика или комментатора [7; 8]. Дж. Томас раскрыла две категории межкультурных

неудач: прагмалингвистические неудачи и социо-прагматические неудачи. И первые, и вторые в основном порождаются носителями неродного языка [14].

В случае прагмалингвистической неудачи причиной проблемы является различие между языковыми традициями и экстралингвистическими понятиями родного и изучаемого языков. Различные культуры приводят к выбору соответствующих им форм языка, и это становится причиной социо-прагматической неудачи. В целом разница между двумя категориями межкультурных прагматических неудач не большая, а относительная.

В связи с различной культурной структурой многие слова, используемые для описания определённого поведения в разговоре в одной культуре, не отражают того же самого содержания, переходя в другую культуру [1]. Например, на Ближнем Востоке прямой отказ считается недружелюбным жестом. Но в других культурах возражения принимаются как норма. Представления о честности и отражение справедливости могут также меняться в зависимости от различных групп.

При рассмотрении прагматической неудачи очень редко когда присутствует только одна причина, чаще всего существует множество причин прагматических неудач. «Атрибуты родного языка / родной культуры (L1 / HC) человека могут повлиять на лингвистические, социально-культурные и социально-психологические факторы, а также на его или её умение и знание переводимого языка

/ культуры (ТЛ / ТС). Кроме того, причиной неудачи могут быть несколько факторов в любой момент времени» [3].

При разговоре говорящие могут не знать культурных корней друг друга; также существуют различия в основных принципах общения из-за различных социальных ценностей, различных социальных обычаев и разных социальных статусов; и в этом случае, естественно, возникает социо-прагматическая неудача [5]. Ниже, мы проанализируем причины социо-прагматических неудач, приведя несколько типичных примеров.

А) Разные социальные ценности

Как мы знаем, азербайджанская культура имеет сильно отличающиеся от Запада социальные ценности – восхваление, пол, преподношение и принятие подарков и т. д. При преподношении и принятии подарков очень важными факторами становятся вежливость, лицо, социальный класс. Например, ситуация, когда немецкая студентка, приехавшая в Азербайджан по программе обмена студентами, хочет дать подарок учителю, помогавшему ей при написании статьи, которая заняла первое место в конкурсе по сочинениям:

– Я хочу от всей души поблагодарить Вас за инструктирование меня при написании моей статьи. Благодаря вашей помощи я заняла первое место.

– В самом деле.... Поздравляю Вас.

Она преподнесла подарок, но учитель отказался, сказав: «Нет, спасибо, не нужно», не приняв подарок в первый раз. Но, так как студентка настаивала, учитель принял подарок и положил его в сторону, только поблагодарив и сказав: «Спасибо, но вам не нужно было делать это».

Намерением студентки было показать свою благодарность, и она, в свою очередь, ожидала, что учитель обязательно откроет и похвалит подарок, сделает ей комплимент, например, «какая ты внимательная», или что-нибудь ещё в этом роде. Вместо этого иностранка получает другой результат, который её озадачива-

ет. В азербайджанской культуре, прежде чем принять предложение или подарки, люди вначале отказываются от него, и только при повторном предложении принимают его. В то время как в европейской культуре открытие подарка лицом, получившим его, показывает социальную солидарность с человеком подарившим, в азербайджанской же культуре открыть подарок, считается неуместным и невежливым.

Б) Различные социальные обычаи

Люди различного культурного происхождения имеют разные обычаи, образ жизни, мысли и т. д. При межкультурном общении в случае, когда говорящие проигнорировали различия между их культурными традициями, обнаруживается социо-прагматическая неудача. К примеру, наши азербайджанские студенты хотят попросить своего иностранного учителя проверить заявление, написанное на английском языке, о поступлении в школу. Они попросят об этом следующим образом:

а. – Вы знаете, я никогда не писал письмо на английском языке раньше, поэтому, вероятно, сделал много ошибок.

б. – Мне очень жаль прерывать вас. Вы знаете, я никогда не писал письмо на английском языке раньше, поэтому я, вероятно, сделал много ошибок.

в. – Извините, вы свободны или нет? Вы знаете, я никогда не писал письмо на английском языке раньше, поэтому я, вероятно, сделал много ошибок.

Во всех приведённых выше высказываниях субъекты речи использовали окружающие пути, чтобы выразить «просьбу». По мнению азербайджанского студента, невежливо прямо попросить учителя проверить их письма. Очевидно, что они следуют азербайджанским прагматическим правилам. Но на английском языке говорящие открыто и прямо попросят своего учителя, говоря: «Могли бы вы помочь мне, проверить моё заявление о поступлении в школу?» Таким образом, во время этого разговора с азербайджанскими сту-

дентами учитель не поймёт, с какой целью сделаны определённые намёки во время высказываний. В конце концов это приведёт к социо-прагматической неудаче.

В) Разный социальный статус

Другая социально-прагматическая неудача вызвана тем, что субъект речи или переводчик игнорирует статус своего партнёра или применяет неподходящие способы выражения, которые могут быть слишком вежливыми по отношению к хорошо знакомым людям или тем, чей социальный статус довольно низок или очень простой для незнакомца. Возьмём следующее выражение в качестве примера: вы хотите взглянуть на журнал, находящийся на столе, который принадлежит одному из ваших знакомых, приехавших из Западной Европы, и если вы скажете: *«Были бы вы достаточно любезны, одолжить его мне?»* – то это выражение «просьба» подходит к незнакомым лицам с высоким социальным статусом. Но знакомого человека и ровесника попросить о чём-либо таким образом было бы совершенно неуместно. На самом деле, мы не можем выдавать такого рода социально-прагматическую неудачу как влияние различных культурных традиций. Мы можем проанализировать её в соответствии с тем или иным менталитетом.

Хотя во время межкультурного общения невозможно не сталкиваться с прагматическими неудачами, мы должны подумать о возможностях улучшения межкультурного общения как изучающие иностранный язык. Но, прежде чем мы представим особую технику для улучшения наших межкультурных навыков, мы хотели бы предложить несколько определений того, как стать более компетентным субъектом речи. Во-первых, мы должны знать об основных препятствиях на пути к межкультурному общению, таких, как уклонение от чужого, стремление уменьшить неопределённость, разнообразие в целях общения, стереотипы и предрассудки, злоупотребление властью, культурный шок, этноцентризм и т. д.

Во-вторых, поскольку коммуникация является деятельностью, которая имеет следствие, мы должны постоянно спрашивать себя, способны ли мы своим поведением нанести ущерб партнёру по общению [4]. Самый важный способ улучшения возможностей межкультурного общения – это следование некоторым основным советам, таким как познание себя, учитывая физическую и моральную установку, поиск общего кода, развитие эмпатии, поощрение отклика, а также знакомство с культурной адаптацией и т. д. Всё это может помочь улучшению межкультурной адаптации [6]. Это стало необходимым для улучшения возможностей межкультурного общения. На наш взгляд, это довольно тяжёлая работа – улучшение наших способностей в межкультурном общении. «Язык человека, как инструмент мышления, развивается вместе появлением способности мыслить. Характеристики языка неизбежно отражают процесс мышления. Изучение нового языка предполагает установление нового способа мышления» [9].

Таким образом, азербайджанские учащиеся должны преодолеть особенности своего мышления и попытаться думать на английском языке (ср.: [10]). Хотя достичь этого довольно сложно. Например, если мы просим кого-то сделать что-то, в данной ситуации в английском и азербайджанском языке существуют разные выражения. При желании употребления вежливой формы речи лучше всего использовать косвенную речь.

Межкультурное общение означает общение между людьми, имеющими различное культурное происхождение, и выступает за улучшение качества лингвистического прагматизма. Мы думаем, что улучшение навыков лингвистического прагматизма крайне важно для развития страны. Из приведённых выше примеров и причин социально-прагматических неудач мы можем сделать вывод, что причины этого кроются, в основном, в различиях культурного происхождения. Во

время межкультурного общения адресат может стерпеть грамматическую ошибку, но не прагматическую неудачу. Таким образом, мы должны знакомиться с культурой носителя языка, улучшать возмож-

ности межкультурного общения, чтобы стать более эффективными субъектами речи.

Статья поступила в редакцию 18.07.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахурова Е. П. Причины коммуникативных неудач в межкультурном общении // Молодой учёный. 2014. № 18. С. 844–847.
2. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
3. Кострова О. А. Текст и дискурс: границы и переходы // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 348–355.
4. Ларина Т. В. Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
5. Мельничук Н. В. Конфликтность общения и причины коммуникативных неудач // Теория практика языковой коммуникации. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2014. С. 186–188.
6. Плотникова С. Н. Неискренний человек как удвоенная дискурсивная личность // Личность и модусы её реализации в языке: монография. М.: ИЯ РАН; Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 249–277.
7. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 6. С. 28–34.
8. Серебрякова А. Ю. О причинах коммуникативных неудач // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10. № 1. С. 98–100.
9. Шпомер Е. А. Коммуникативные неудачи в диалогическом общении в соотнесенности с коммуникативными законами и типами языковой личности: на материале немецкого языка: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2011. 309 с.
10. Deng Y., Liu R. Language and Culture: A Contrastive Study of English and Chinese Languages and Cultures. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 1989. 93 p.
11. Leech G. Principles of pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
12. Lin Chaowei. Practical Interpretation. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2004. 234 p.
13. The Nature. Pragmatics Lecture. Jiangsu: Nanjing Normal University Press, 2003. 204 p.
14. Thomas J. Cross-culture pragmatic failure // Applied linguistics. 1983. Vol. 4. Iss. 2. P. 91–112.

REFERENCES

1. Bakhurova E. P. [Causes of communication failures in intercultural communication]. In: *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2014, no. 18, pp. 844–847.
2. Grushevitskaya T. G., Popkov V. D., Sadokhin A. P. *Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [The basics of intercultural communication]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2003. 352 p.
3. Kostrova O. A. [Text and discourse: the limits and transitions]. In: *Russkaya germanistika: ezhegodnik Rossiiskogo soyuza germanistov. T. 6* [Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of German studies. Vol. 6]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2009, pp. 348–355.
4. Larina T. V. *Anglichane i russkie. Yazyk, kul'tura, kommunikatsiya* [The British and the Russians. Language, culture, communication]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2013. 360 p.
5. Mel'nichuk N. V. [Conflict of communication and the causes of communicative failures]. In: *Teoriya praktika yazykovoi kommunikatsii* [Theory and practice of language communication]. Ufa, Ufa State Aviation Technical University Publ., 2014, pp. 186–188.
6. Plotnikova S. N. [An insincere person as a double discursive personality]. In: *Lichnost' i modusy ee realizatsii v yazyke* [Personality and modes of its implementation in the language]. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University Publ., 2008, pp. 249–277.
7. Pushina N. I., Makhan'kova N. V., Shirokikh E. A. [Communicative failures in intercultural communication: causes, typology, strategies of minimization]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya:*

- Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 2015, vol. 25, no. 6, pp. 28–34.
8. Serebryakova A. Yu. [Reasons of communication failures]. In: *Vestnik Yuzhno-ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series «Linguistics»], 2013, vol. 10, no. 1, pp. 98–100.
 9. Shpomer E. A. *Kommunikativnye neudachi v dialogicheskom obshchenii v sootnesennosti s kommunikativnymi zakonami i tipami yazykovoi lichnosti: na materiale nemetskogo yazyka: dis. ... dokt. filol. nauk* [Communicative failures in dialogical communication in relation to communication laws and types of the linguistic personality: the German language: D. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2011. 309 p.
 10. Deng Y., Liu R. *Language and Culture: A Contrastive Study of English and Chinese Languages and Cultures*. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press Publ., 1989. 93 p.
 11. Leech G. *Principles of pragmatics*. London, Longman Publ., 1983. 250 p.
 12. Lin Chaowei. *Practical Interpretation*. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Press Publ., 2004. 234 p.
 13. *The Nature. Pragmatics Lecture*. Jiangsu, Nanjing Normal University Press Publ., 2003. 204 p.
 14. Thomas J. *Cross-culture pragmatic failure*. In: *Applied linguistics*, 1983, vol. 4, iss. 2, pp. 91–112.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рзазаде Гунель Чингиз гызы – диссертант Азербайджанского университета языков;
email: sevinc.n@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gunel Chingiz Rzazade – postgraduate student, Azerbaijan University of Languages;
email: sevinc.n@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рзазаде Г. Ч. Межкультурное общение и причины коммуникативных социально-прагматических неудач в вопросах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 86–91.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-86-91

FOR CITATION

Rzazade G. Ch. Cross-cultural communication and the causes of communication socio-linguistic failures in questions. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 86–91.
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-86-91

УДК 81'366.58: [811.161.1+811.133.1]
DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-92-96

АКЦЕНТУАЦИЯ, ВОКАЛИЗМ, КОНСОНАНТИЗМ. СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Сенченкова М. В.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является изучение звукового строя французского и русского языков в его фонологическом аспекте. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ фонем французского и русского языков в плане их функционирования в речи. В результате проведённого анализа выявляется резкое различие фонетических систем двух сравниваемых языков. Установлено, что французским звукам свойственны чёткость и устойчивость. Французский язык относится к вокалистическим, что связано с тенденцией слога к открытости; фонетическое слово во французском языке не совпадает с лексико-грамматическим; стирание, перераспределение границ слова в ритмической группе способствуют появлению омонимии. Результаты исследования имеют значение для методики и теории сопоставительного языкознания и могут быть использованы в практике и теории преподавания французского языка по дисциплинам: теоретическая фонетика, сравнительная типология – на уровне бакалавриата и магистратуры.

Ключевые слова: французский язык, русский язык, сопоставительное языкознание, сравнительная типология, акцентуация, вокализм, консонантизм

ACCENTUATION, VOCALISM AND CONSONANTISM: SIMILARITIES AND DIFFERENCE IN FRENCH AND RUSSIAN

M. Senchenkova

*Moscow State Linguistic University
38 ulitsa Ostozhenka, Moscow 119034, Russian Federation*

Abstract. The article examines the phonological aspects of French and Russian sound system. The analysis is focused on the comparison of phonemes functioning in speech. The analysis reveals a huge difference in the phonetic systems of the two languages. The results of the study can find their application in the methods and theory of contrastive linguistics as well as in teaching the French language in the courses of theoretical phonetics and contrastive typology at the bachelor and master level.

Keywords: the French language, the Russian language, contrastive linguistics, accentuation, vocalism, consonantism

В плане акцентуации между французским и русским языками существует очень чёткое различие [2, с. 56–74; 5, с. 98–119]. Для французского языка характерно фразовое ударение: фраза распадается на ритмические (акцентные) группы. Кроме того, для французского языка характерны явления «liaison» и «enchaînement»: *Il est neuf heures et demie*. В данной фразе, несмотря на наличие и возможность выделения полнозначных слов, ударение перемещается и всегда остаётся групповым. («liaison» – явление произнесения непроизносимого согласного в конце слова перед начальной гласной по-

следующего слова; «enchaînement» – произнесение слитно произносимого конечного согласного с начальной гласной последующего слова). Оба эти явления, а также акцентное ударение способствуют тому, что слоговое деление во французском языке не совпадает с морфологической границей слова. В потоке речи очень трудно выделить границы слов, например:

– *Mon ami est arrive avec un peu de retard;*

– *S'il est d'accord, on y va tout de suite;*

– *Tout le monde se mit à rire;*

– *Vous êtes trop aimable.*

Для французского языка существует лишь две позиции сдвоенных гласных, которые могут считаться показателем границы слова [11, р. 66]. Это сдвоенные *ou-ou*: *passe partout oublié*, – а также сдвоенные гласные *uu-*: *fichu usée*. В других случаях сдвоенные гласные не являются показателем морфологической границы слова.

Кроме этих двух позиций, Ш. Балли предлагает также считать показателем границы слова изменение гласной в зиянии: *acier fou insensé* [1, с. 34].

Перечисленные три позиции – явление не регулярное, а скорее спорадическое, поэтому можно утверждать, что во французском языке не существует регулярного показателя морфологической границы слова [4, с. 26–73; 6, с. 14–17; 7, с. 16–38; 9, с. 53–65].

В русском языке наблюдается совершенно другая картина по данным аспектам: основной характеристикой слова в русском языке, как в потоке речи, так и изолированного, является разноместное ударение. Ударение может падать даже на частицу, например: *на гору, под гору*. Причём, в отличие от французского, в русском языке ударение имеет смыслообразительную функцию: *атлас, хлопок, замок*. И так, каждое слово (и в потоке речи) имеет признак, который его выделяет. Этим признаком является ударение. Следовательно, в русском языке фонети-

ческая и морфологическая границы слова совпадают: *стол упал, он ушёл, кот уснул* [3, с. 26–73; 8, с. 16–47].

Наличие ударения у каждого слова и навык произносить слова с ударением на каждом из них отрицательно влияют на французское произношение в начальной фазе изучения французского языка русскоговорящими. А при обучении французскому языку следует учитывать потенциальную ошибку выделения каждого слова во французском потоке речи, например: [lœ-rist-wa:r], [kɛ-lɔ-rɔŋ], [mɔ-na-mi], [me-za-mi], [di-ze-lɛ:v], [il-pa:r-lasa-fam], [kɛ-lœ-re-til] [10, с. 62–65].

В русском языке имеется целый ряд показателей начала слова:

1) отсутствие ассимиляции (влияние предыдущей гласной) при произнесении «и» в начале слова, например: *брат Иван, свет искры, вид Иркутска, прут ивы, род индейцев*; произнесение «и» как «ы» перед твёрдым согласным – это показатель начала слова;

2) отсутствие смягчения согласного перед передней гласной: *об этом / обедом; свод арки, берег озера, Олег Иванович, отрез атласа, труд отца, рог оленя, без остановки* и т. д.

Имеются также фонетические показатели конца слова: о границе слова свидетельствует оглушение конечных согласных:

подругу вели / подруг увели; г–к

положив ложку / положив в ложку; в–ф

Таким образом, в русском языке существуют морфологические границы слов, совпадающие с фонетическими (вследствие словесного ударения). Во французском языке наблюдается смещение границ слова вследствие деления речевого потока на акцентные группы.

В русском языке безударный вокализм характеризуется таким явлением, как редукция. Под редукцией понимается изменение тембра гласной в безударном положении. Редукция зависит от следующих факторов: 1) от места безударного гласного по отношению к ударному сло-

гу; 2) от качества предшествующего согласного (шипящий, мягкий).

Для безударных гласных различают три позиции:

1) позицию непосредственно перед ударным слогом – первая предупредительная, например: *дар – дары, пол – полы*; диакритический знак – [^];

2) безударный гласный в остальных слогах, кроме первого предупредительного, например: *молодой, грозовой, грузовой* («у», «о» редукции не подвергается); диакритический знак – [ъ];

3) редукция определяется только качеством согласного (т. е. наличием предшествующего шипящего или мягкости), например: *след – следы*; диакритический знак – [ь].

Если в русском языке редукция – явление очень значительное, то во французском языке она минимальна. Русские и французские безударные гласные особенно чётко различаются при сопоставлении слов, существующих в обоих языках. Такая особенность русского языка, как редукция безударных гласных, оказывает отрицательное влияние на произношение французских безударных гласных, которые сохраняют тот же тембр, что и в ударной позиции.

Различие между французским и русским языками в области консонантизма проявляется в двух аспектах – в смягчении согласных (палатализация) и в оглушении звонких согласных.

1. Русский язык располагает парами твёрдый / мягкий согласный:

п/п', б/б', т/т', д/д', ф/ф', в/в', ш/ш'; всегда мягкие – й, ч; всегда твёрдые – ц, ш, ж, х.

Наличие твёрдых и мягких согласных в русском языке накладывает отпечаток на произношение во французском языке. Если во французском языке палатализация – это явление вариативности, то в русском языке твёрдый и мягкий со-

гласные – это различные фонемы. Точно так же затрудняет французское произношение и наличие в русском языке только твёрдых согласных, например: *шук – [шук] – chic, жилет – [жилет] – gilet*.

2. Пары звонких и глухих согласных имеются в русском и во французском языках, но функционируют различно.

Пары звонких и глухих: п/б, т/д, к/г, ф/в, ш/ж, с/з.

В русском языке сонорные (л, м, н) не имеют парных, они только звонкие.

Основным различием между русским и французским языками в этом отношении можно считать оглушение русских звонких в абсолютном исходе (*труб – [труп]*) и более широкую дистрибуцию французских звонких (они могут находиться в любой, в том числе и абсолютной, позиции): *cache – cage, ruse – russe, page*.

Для французского консонантизма характерна также та особенность, что выпадение беглого «э» влечёт за собой образование групп согласных, которые по словам А. Соважо, отягощают язык и делают его малопонимаемым: *c'est à jeter – [setachté]; mettre, quatre, sable – [met, kat, sab]; il reviendra ce soir – [irvjindrassar]* [12, р. 46–54].

Таким образом, при изучении французского языка следует учитывать наличие не только явных различий в фонологии, таких, например, как носовые гласные звуки, открытость / закрытость и т. д., но и скрытые различия, которые выявляются при сопоставлении двух языков: различие в акцентуации, различие в функционировании внешне одинаковых звуков. Вскрытие этих различий и установление специфики каждого языка будет способствовать более полному и правильному усвоению произносительных навыков изучаемого языка.

Статья поступила в редакцию 30.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: URSS, 2009. 416 с.
2. Браше О. Историческая грамматика французского языка. М.: URSS, 2019. 184 с.
3. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: URSS, 2019. 288 с.
4. Гордина М. В. Фонетика французского языка. СПб: Санкт-Петербургский Университет, 2017. 304 с.
5. Доза А. История французского языка. М.: URSS, 2009. 472 с.
6. Катагощина Н. А. О современном французском произношении. М.: URSS, 2019. 120 с.
7. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.: URSS, 2009. 512 с.
8. Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 440 с.
9. Рапанович А. Н. Фонетика французского языка. М.: Высшая школа, 1973. 291 с.
10. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским. М.: Высшая школа, 1963. 308 с.
11. Martinet A. Langage et fonction. Une théorie fonctionnelle du langage. Paris: Gotier, 2011. 196 p.
12. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris: Larousse, 1962. 234 p.

REFERENCES

1. Bally Ch. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and issues of the French language]. Moscow, URSS Publ., 2009. 416 p.
2. Brachet A. *Istoricheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Historical grammar of the French language]. Moscow, URSS Publ., 2019. 184 p.
3. Gak V. G. *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of French and Russian languages]. Moscow, URSS Publ., 2019. 288 p.
4. Gordina M. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. St. Petersburg, Saint-Petersburg University Publ., 2017. 304 p.
5. Dautzat A. *Istoriya frantsuzskogo yazyka* [History of the French language]. Moscow, URSS Publ., 2009. 472 p.
6. Katagoshchina N. A. *O sovremennom frantsuzskom proiznoshenii* [On the modern French pronunciation]. Moscow, URSS Publ., 2019. 120 p.
7. Meillet A. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropeskikh yazykov* [Introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow, URSS Publ., 2009. 512 p.
8. Panov M. V. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 440 p.
9. Rapanovich A. N. *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [Phonetics of the French language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 291 p.
10. Shcherba L. V. *Fonetika frantsuzskogo yazyka. Ocherk frantsuzskogo proiznosheniya v sravnenii s russkim* [Phonetics of the French language. Essay on the French pronunciation in comparison with the Russian]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 308 p.
11. Martinet A. Langage et fonction. Une théorie fonctionnelle du langage. Paris, Gotier, 2011. 196 p.
12. Sauvageot A. Français écrit, français parlé. Paris, Larousse, 1962. 234 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сенченкова Марина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: sentchenkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina V. Senchenkova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics at the Faculty of French, Moscow State Linguistic University
e-mail: sentchenkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сенченкова М. В. Акцентуация, вокализм, консонантизм. Сходство и различие во французском и русском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 92–96.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-92-96

FOR CITATION

Senchenkova M. V. Accentuation, vocalism and consonantism: similarities and difference in French and Russian. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 92–96.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-92-96

УДК 81'33

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-97-105

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКА И ПРАВА С ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Ши Лэй¹, Чжао Чжицян²¹ Цзянсуский педагогический университет

221116, Сюйчжоу, пр-т Шанхай, д. 101, Китайская Народная Республика

² Сюйчжоуский технологический институт

221018, Сюйчжоу, ул. Лишуй, д. 2, Китайская Народная Республика

Аннотация. Целью исследования является выяснение факторов взаимовлияния права и языка. Авторами проанализирован юридический материал китайского и английского языков. На основе анализа определяется соотношение права и языка. В ходе анализа устанавливаются связи взаимодействия языка и права, а также рассматриваются процессы их влияния друг на друга. Авторы стремятся проследить процесс юридизации языка и стандартизации выражения права. В результате исследования удалось обновить проблематику юрислингвистики на стыке права и языка.

Ключевые слова: юрислингвистика, лингвистика, юриспруденция, право, язык, влияния, английский, китайский

THE QUESTION OF THE INTERACTION OF LANGUAGE AND LAW FROM A JURIDICAL POINT OF VIEW

Shi Lei¹, Zhao Zhiqiang²¹ Jiangsu Normal University

101 Shanghai Road, Xuzhou 221116, People's Republic of China

² Xuzhou University of Technology

2 Lishui street, Xuzhou 221018, People's Republic of China

Abstract. The purpose of the article is to clarify the factors of the mutual influence of law and language. The author analyzes juridical material of Chinese and English. As the result of the analysis the correlation of law and language is determined. In the analysis the author establishes the relationship between the interaction of language and law, and also considers the processes of their influence on each other. The author attempts to trace the process of language juridisation and standardization of the expression of law. The author managed to update the problems of jurislinguistics at the intersection of law and language.

Keywords: jurislinguistics, linguistics, jurisprudence, law, language, influences, English, Chinese

Введение

У лингвистики и юриспруденции всегда было и есть много общих сфер, и тенденции к сближению этих наук вполне объективны [2, с. 4]. Существует неразделимая связь между правом и языком. Но какие отношения между ними, где находится ключ к статусу языка в области права – эти и подобные вопросы заслуживают дальнейшего осмысления и изучения (см., например [11; 13; 17]). Мы обсудим взаимосвязь между языком и правом с двух сторон: влияние языка на право и влияние права на язык.

1. Влияние языка на право и значение этого влияния

Влияние языка на право отражено в следующих четырёх аспектах:

(1) Возникновение, развитие и изменение права зависит от языка. Правовая культура нуждается в языке как инструменте записи и носителе информации.

Являясь важнейшим средством общения, язык выступает для человека главным инструментом передачи идей, распространения информации, выражения эмоций, координации отношений, установления личности и выполнения других функций в общественной жизни, а также наследования культуры и цивилизации. Язык представляет собой не только продукт объективной практики человека, но и способ практики, оказывающий влияние на другие социальные практики. В процессе становления и развития языка, от устного до письменного, от однокодового до многорежимного, на все этапы развития человеческой цивилизации повлияло синхронное развитие, при котором язык для человека закономерен. Эволюция и развитие также играют ключевую роль. Как отмечал Пань Цинъюнь: «успех древних кодов был обусловлен открытием и распространением символов» [6, с. 493]. Устное общение было основным способом общения в период до изобретения письменности. Зачаточная форма права, зарождающееся обычное право, может также храниться в памяти древних в форме привычек поведения и передаваться из уст в уста привилегированным племенным вождям. Так люди переходят от обычного права неписаного государства к статутному праву. В то же время язык является важнейшим носителем культуры, ядром культуры, несущим в себе образ мышления, верования, привычек и знания мира пользователей языка. Правовой язык очень важен для понимания и осознания фундаментального значения правовой культуры. Для этого необходимы выдающаяся правовая мысль, система и технология правовой

культуры в истории всех национальностей. С появлением письменности через этот мост в процессе развития цивилизации и социального развития стало возможным осуществлять правовые и культурные обмены и общение между различными племенами, странами или системами. Трансфер, коммуникация и развитие права неотделимы от важного средства и инструмента – языка.

(2) Значение права зависит от языка, использование языка может способствовать совершенствованию системы толкования права.

С одной стороны, процесс познания мира человеком обычно идёт от чувственного восприятия к концептуализации, а затем и к выражению в словах. Процесс познания человеком закона следует тому же правилу. Например, помимо внешних сил, будь то силы природного мира или человеческого общества, у каждого человека есть природная способность действовать произвольно, и тогда в силу этого люди создали термин «свобода», чтобы заменить понятие этой способности, а затем с рождением закона, оно превратилось в законное право. Как говорится в «Своде гражданского права Юстиниана»: «Свободный человек получает своё имя от свободы. Свобода – это естественная способность каждого человека действовать произвольно в дополнение к тому, что ему мешает материальная сила или закон... Слово “свобода” определяет юридическое значение слов “свободный человек”» [14, с. 12]. Значение закона определяется языком, и использование языка может способствовать совершенствованию интерпретации правовой системы. С другой стороны, правовые нормы, какими бы всеобъемлющими они ни были, очерчены границами человеческой рациональности, поэтому всегда будут существовать неясности или упущения. Поэтому неизбежно будут существовать «законодательные пробелы» в таких законах, как статутное право, в сочетании с неопределённостью и открытостью са-

мого языка, возникающими в силу различных контекстов. Появляется двусмысленность, поэтому закон нуждается в разъяснении. Только в толковании закон может существовать и развиваться, и только в толковании закон может быть по-настоящему понят и применён. По мнению Х.-Г. Гадамера, понимание заключается в достижении языкового согласия, и весь процесс понимания является лингвистическим процессом; всё понимание – это интерпретация, и вся интерпретация осуществляется посредством языка [1, с. 490]. Точное и строгое использование правового языка в юридическом толковании поможет устранить двусмысленность, избежать недопонимания, сделать само право более гармоничным, тем самым действительно способствуя улучшению системы юридического толкования.

(3) Правовое мышление опирается на язык, поскольку он способствует формированию правового мышления и познавательной деятельности.

Каждый народ имеет свои собственные специфические привычки мышления, которые можно отнести к культурным национальным различиям. С точки зрения существования и проявления культуры язык является важнейшей формой существования и носителем культуры. Американский лингвист Эдуард Сепир говорил, что «язык и наш разум неразрывно переплетены, и в некотором смысле они одно и то же» [7, с. 135]. Влияние культуры на язык и влияние языка на мышление не вызывает сомнений. Изучение таких проблем, как язык и познание, было подтверждено многочисленными убедительными научными доказательствами. Разные нации могут иметь разное понимание правового мышления, но общим являются основные положения: «правовое знание как основа мышления, правовые понятия как единица мышления, права и обязанности как содержание мышления, правовые нормы как основа мышления». В какой-то степени можно

сказать, что сутью юридического мышления является мышление на правовом языке. Каждый способ мышления имеет свой собственный язык мышления. Чтобы понять способ мышления, на самом деле необходимо осознать его связь с другими способами мышления и эксплицитировать связь между двумя языками мышления. Любая группа людей, создавшая свой образ мышления, создала символы и значения, понятные её собственным членам, и эти символы – язык. Язык является одним из важных символов дифференциации социальных групп. Это зависит от конкретного контекста и цели выражения, на практике группы создают новые слова в соответствии со своими потребностями или изменяют значение общих слов и создают имена собственные, термины, жаргон и сленг [4, с. 17]. Поэтому в процессе многолетнего участия в юридической практике и использования правового языка у юристов сформировался профессиональный образ мышления с целью обеспечения верховенства права и инструмента юридического языка. Правовые понятия, правила, содержание, логика и процедуры, выраженные на правовом языке, определяют начало, развитие и конец профессионального мышления, юридического мышления [9, с. 44]. От правового языка до юридического мышления обнаруживаются тесная связь между ними и взаимное проникновение: «Логично рассматривать лингвистику как предпосылку или основную дисциплину юриспруденции и многих других дисциплин. Другими словами, логично говорить об одной из наиболее фундаментальных лингвистических норм права» [3, с. 12].

(4) Язык как источник обогащения средств и методов судоустройства.

Использование исследований правового языка для решения эмпирических задач в области права может оказать неоценимую практическую помощь в судебных технологиях. Применение юридической терминологии в фактическом судебном

процессе становится всё более массовым и эффективным. Леви, зарубежный лингвист-юрист, провёл подробное исследование по результатам изучения права и языка (см.: [15]). Международное общество юридических и лингвистических наук (ILSL) перечисляет в своих исследованиях более двадцати областей, а также различных отраслей каждой из них, что убедительно иллюстрирует теоретическую и практическую ценность исследования правового языка. Например, при изучении судебного дискурса следует обращать внимание на адвокатские дебаты, суд, апелляционный суд, двуязычные вопросы и т. д. Установление идентификации автора важно при рассмотрении плагиата, завещания, угрожающего письма и т. д.; при изучении идентификации говорящего следует обращать внимание на распознавание речи и идентификацию речи; при изучении языковых разновидностей следует уделять внимание нестандартным вариантам, языкам меньшинств и межкультурной коммуникации и проч.; при изучении устных сообщений акцент делается на вокальных и фонологических особенностях; при изучении записи речи больше внимания уделяют содержанию речи. При исследовании свидетельских показаний экспертов внимание уделяется языковым доказательствам и поведению экспертов в суде. В судебной фонетике следует обратить внимание на маскировку голоса, иноязычные факторы, технологии и программное обеспечение. Исследуя почерк, следует уделять внимание научной идентификации, подлинности и письменным характеристикам подозрительных документов [10, с. 10].

Развитие современных западных исследований правового языка происходит очень быстро, они становятся всё более весомыми. Важно отметить, что большинство результатов этих исследований были официально применены в суде. Очень распространённым явлением на Западе стал учёт лингвистической экспертизы при рассмотрении дел, что в

значительной степени содействует развитию судебной практики. Западные исследования правового языка охватывают все виды деятельности, связанные с судебными и внесудебными правовыми делами, особенно в области изучения судебного языка, что приводит к плодотворным результатам, непосредственно способствуя развитию всей правовой деятельности. Например, в Соединённых Штатах, Великобритании, Канаде, Австралии и других странах имеется большое число лингвистов, участвующих в различных правовых мероприятиях, представляемых судебной деятельностью, и авторитет их работы в целом признаётся юридическим сообществом. Деятельность этих экспертов варьируется: от изучения особенностей правового языка до конкретного применения исследования. Судебные органы оказывают содействие в изучении правовой лингвистики, проводя сбор языковых материалов для судебной деятельности, обеспечивают воспроизведение аудиовизуальных материалов для судебных слушаний и готовят анализ языка новейшего дела [5, с. 104].

2. Влияние права на язык и значение этого влияния

Влияние права на язык в основном отражено в следующих двух аспектах.

(1) Право обеспечивает силу и механизм формирования правового языка.

Правовой язык восходит ко многим источникам и использует множество средств в процессе формирования своей системы. Процедура формирования системы и объект, которому она служит, чрезвычайно сложны. Право играет важную роль в этом процессе, потому что потребность закона является движущей силой его формирования, а общий язык и письменность являются его основой. Способы его формирования различны, например абсорбция, изменение, самопроизвольность, а процесс его формирования характеризуется смешением, преобразованием, сплавлением и т. д.

С точки зрения эволюции правового языка, существуют в основном следующие требования: во-первых, требования развития теории дисциплины. Основа законодательства нуждается в достаточных теоретических исследованиях и демонстрации, что затрагивает весь процесс правового языка. Во-вторых, важно учитывать необходимое требование законодательства: после завершения законодательной работы, законотворческие акты должны быть изучены, интерпретированы и пояснены; после реализации права их значимость и эффективность будут отражены в правовом языке; в то же время в судебном процессе правовой язык играет не менее важную роль, поэтому возникновение и применение правового языка является необходимостью развития права. С другой стороны, право также ограничивает процесс создания и развития правового языка. Например, из-за авторитета и строгости закона оно требует, чтобы правовой язык как форма, несущая право, воплощал форму права и форму выражения права, был точным, понятным и ясным. И в то же время он, как язык дисциплины, также является систематическим и специализированным. Кроме того, в связи с потребностями развития самого права обмен и трансплантация права также является очень важным способом в процессе развития права. Например, современная правовая система Китая вобрала в себя желательную сущность англо-американского и континентального права и постепенно формировалась в соответствии с китайскими реальными национальными условиями. Поэтому также выдвигается требование обогащения правового языка и одновременно ограничения его. Например, заимствования при формировании юридических терминов, таких как «听证» (допрос свидетелей), «不动产» (недвижимость) и «不作为» (воздержаться от акта), являются примерами идей зарубежных практик, присутствующих в разумной дозе в правовой системе Китая [5, с. 25].

Судя по функции создания и распространения, правовой язык является органичной и целостной системой со своими собственными формированием и функционированием права. В то же время развитие права нуждается в соответствующей правовой языковой системе, чтобы иметь возможность и механизм оптимизации материала внутри него. Поэтому правовой язык с точки зрения слов, синтаксиса, текста и стиля, с одной стороны, приспосабливается к потребностям развития права, с другой стороны, должен следовать закону в рамках правовых требований, в соответствии с привычками, согласно научному творчеству и обновлениям. К примеру, произошло смещение отношений между «申请人» (заявителем) и «被申请人» (ответчиком): «ответчик» превращён в субъект с конкретным значением. Ещё, например, в соответствии с принципом научной и нормативно-правовой терминологии, термин «人犯» (преступник) в старом законе был изменён на термин «подозреваемый» в Уголовно-процессуальном законе Китайской Народной Республики, принятом в 1996 г., что характеризует объект до судебного разбирательства более точным, более строгим, более понятным как в теории, так и в соответствии с практикой правоохранительной деятельности и правосудия. Однако в реальной действительности этот термин всё ещё недостаточно широко используется и по-прежнему нуждается в дальнейшем совершенствовании [5, с. 25]. Таким образом, можно констатировать, что формирование законов и развитие правового языка законов являются не только движущей силой общественного запроса, но и сдерживающим механизмом.

(2) Языковая жизнь нуждается в гарантии закона, а планирование и защита языка – в помощи закона.

Проблема языка – это проблема, к которой каждая страна должна относиться серьёзно. Через язык возможна реализация не только функций власти, но и от-

части прав нации. В каждой стране мира, независимо от сложности языковых проблем или соответствующей правовой системы, статус различных языков будет регулироваться правовыми нормами, что является одним из проявлений воли государства.

Например, в XX в. Соединённые Штаты приняли различные законы для решения своих языковых проблем. Начиная с XX в., в этой стране существует несколько направлений языковой политики. В конце XIX в. благодаря сильной господствующей культуре англосаксонской цивилизации английский язык стал в Соединённых Штатах официальным без юридических положений. В XX в. Соединённые Штаты, экономически выигравшие от двух мировых войн, стали мировой сверхдержавой. Они далеко ушли вперёд в политике, экономике, вооружении, науке и технике, а английский язык стал международным. Эти достижения глубоко укоренили понятие «языковой согласованности» английского централизма в сердцах американцев. Тем не менее, начиная с XX в., волна иммиграции выросла, в результате чего различные культуры и языки оказали влияние на гегемонию английского языка. Из-за угрозы экспансии других языков появилась потребность укрепить центральное положение английского языка, поэтому было предложено ограничить использование других языков в надежде юридически установить английский язык в качестве официального языка Соединённых Штатов, что положило начало движению «Только английский». На самом деле, есть довольно много американцев, которые придерживаются этих взглядов. Например, бывший президент США Теодор Рузвельт когда-то придерживался такого отношения к английскому: «у нас здесь места хватит только для одного языка, этот язык – английский, и мы намерены увидеть, как плавильный котёл превращает наших людей в американцев, в представителей американской

национальности, а не в жителей пансионата для полиглотов» [8, с. 23]. На этом фоне были выдвинуты предложения по официальному английскому языку в 1982 г.; Сенат ввёл поправку об английском языке в 1983 г. В 1988 г. Палата представителей провела слушания по пяти английским поправкам, предложенным к 100-Конгрессу; в 1995 г. правительство провело обсуждение «Закона о языке», «Декларации об официальном языке», «Закона о государственном языке». В 1997 г. законы были введены в действие Приказом № 1005, 622. Законопроекты № 123 и № 323, внесённые на рассмотрение Сената, объявили английский официальным языком и ввели в 37-ю палату совместный блок для внесения поправок в Конституцию. [8, с. 25]. Хотя Конгресс в конечном итоге не смог сделать английский официальным языком Соединённых Штатов, многие Штаты приняли законодательство, чтобы сделать английский официальным языком штата. Ещё в 1919 г. Небраска приняла постановление, запрещающее использование других языков, кроме английского, объявила английский единственным официальным языком в соответствии с конституционной поправкой штата в 1920 г., а по состоянию на 1997–1998 гг. многие Штаты, включая Аляску, Канзас, Мэриленд, Нью-Йорк и Вашингтон, рассматривали возможность принятия законодательства только на английском языке.

С движением официализации английского языка боролись некоторые группы. Например, американский Союз гражданских прав считает, что законодательство «только на английском языке» подрывает права тех, кто плохо владеет английским языком, создаёт ложный стереотип об иммигрантах и неанглийских гражданах, нарушает Положение о равной защите 14-й поправки к Конституции и превращает Конституцию из «Конституции, защищающей индивидуальные свободы и права», в «Конституцию, ограничивающую индивидуальные права».

Недостатков много. Например, центр обмена информацией “English+” (EPIC), созданный осенью 1987 г., стал прибежищем для академических, расовых и гражданских правозащитных организаций, выступающих против «только английского языка» и «законодательства». Он базируется в штаб-квартире Национального языкового Совета (округ Вашингтон). Его принцип заключается в концепции “English+”: «Когда все члены общества имеют эффективные возможности овладеть английским языком плюс одним или несколькими другими языками, национальные интересы могут быть наилучшим образом учтены» [8, с. 26]. В 1998 г. Гутерриш отрицал использование английского языка на рабочем месте в деле против городского суда. В 1989 г. Нью-Мексико стал первым штатом, который одобрил политику “English+”, а затем Вашингтон и Орегон приняли политику “English+”. В 1992 г. Род-Айленд одобрил политику “English+”, защищающую использование языков, отличных от английского, и поощряющую изучение иностранных языков [18, 42–45 页].

Китай также является страной со сложными языковыми проблемами, порождёнными сосуществованием многих этносов с региональными культурными различиями, говорящих на разных языках. Реформы и открытость, вступление Китая в ВТО, его интеграция в международное сообщество и увеличение числа связанных с иностранными государствами правовых вопросов делают использование иностранных языков, особенно английского, более частым. Вопрос, каким образом обеспечить баланс между необходимостью интеграции и инфор-

матизации общего языка и интеграцией жизни на национальном языке, требует от некоторых меньшинств или уязвимых групп законодательного закрепления языка и вмешательства в законодательство. На основе существующих законов (положений) и в целях соблюдения требований информационного века на восемнадцатом совещании постоянного комитета Девятого Всекитайского Собрания народных представителей был принят закон Китайской Народной Республики от 31 октября 2000 г., вступивший в силу 1 января 2001 г., определивший статус китайского языка. Это означает, что развитие правового языка в Китае вступило в новую эру [19, 103–104 页]. Резюмируя вышесказанное, отмечаем, что использование языка требует правового вмешательства и защиты (см.: [12; 16]).

Итак, взаимосвязь между языком и правом очень тесная: возникновение, развитие и изменение права зависит от языка. Правовая культура нуждается в языке как инструменте записи и носителе информации; значение права зависит от языка, использование языка может способствовать совершенствованию системы толкования права; правовое мышление опирается на язык, поскольку он способствует формированию правового мышления и познавательной деятельности; язык может обогатить средства и методы судостроительства; право обеспечивает силу и механизм формирования правового языка; языковая жизнь нуждается в гарантии закона, а планирование и защита языка – в помощи закона.

Статья поступила в редакцию 25.09.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х. Г. Истина и метод / пер. с англ. Шанхай: Шанхай Ивэнь, 1999. 773 с.
2. Голев Н. Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юрислингвистика. Проблемы и перспективы. 1999. № 1. С. 4–11.
3. Гудрич П. Юридический дискурс. Пекин: Юридическое издательство, 2007. 324 с.
4. Линь Чжэ. Введение в правовое мышление. Цзинань: Шаньдун народное издательство, 2000. 500 с.

5. Лю Хунин. Юридическая Лингвистика. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003. 204 с.
6. Пань Цинюнь. Оценка китайского юридического языка. Пекин: ХаньЮй Да Цыдянь, 2004. 600 с.
7. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / пер. с англ. Пекин: Коммерческая Пресса, 1964. 142 с.
8. Страна, национальность и язык: этнолингвистические страноведение. Пекин: Национальный институт китайской Академии наук, 2003. 277 с.
9. Сун Бэйпин. Юридический язык. Пекин: Издательство Китайского университета политических наук и права, 2012. 400 с.
10. У Вэйпин. Юридический язык – лингвистическое исследование в судебной сфере. Шанхай: SFLEP, 2002. 205 с.
11. Чжан Фалянь. Исследование юридического языка. Цзинань: Издательство Шаньдунского университета, 2017. 286 с.
12. Чэнь Гоминь. Правовой статус и роль законодательных органов Китая и США // Народный Конгресс Китая. 2014. № 13. С. 51–53.
13. Шэн Шухун. Сравнительный анализ причин и факторов формирования правовых убеждений Китая и Запада // Вестник университета Нинся (издание по гуманитарным и общественным наукам). 2015. № 1. С. 147–152.
14. Юстиниан. Свод гражданского права Юстиниана / пер. с англ. Пекин: Коммерческая Пресса, 1989. 242 с.
15. Levi J. N. Language as evidence: the linguist as expert witness in North American courts // The International Journal of Speech, Language and the Law. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 1–26.
16. 董静姝. 论凯尔森对自然法学的批判及其对中国法学的启示[J]. 西南民族大学学报 (人文社会科学版), 2015. 107–111页.
17. 刘巧兴. 中国法律词汇语义演变的诱因探讨[J]. 社会纵横, 2014. 70–71页.
18. 刘艳芬, 周玉忠. 美国20世纪语言政策述评[J]. 山东外语教学, 2007 (15). 42–45页.
19. 莫敏. 试论语言与法律的相互作用及影响[J]. 社科论坛, 2008 (2). 101–105页.

REFERENCES

1. Gadamer Kh. G. *Istina i metod* [Truth and method]. Shanghai, Shankhai Iven' Publ., 1999. 773 p.
2. Golev N. D. [Statement of problems at the intersection of language and law]. In: *Yurilingvistika. Problemy i perspektivy* [Jurislinguistics. Challenges and Prospects], 1999, no. 1, pp. 4–11.
3. Gudrich P. *Yuridicheskii diskurs* [Legal discourse]. Beijing, Yuridicheskoe izdatel'stvo Publ., 2007. 324 p.
4. Lin Zhe. *Vvedenie v pravovoe myshlenie* [Introduction to legal thinking]. Jinan, Shan'dun narodnoe izdatel'stvo Publ., 2000. 500 p.
5. Lyu Junin. *Yuridicheskaya Lingvistika* [Legal Linguistics]. Beijing, Publishing house of Beijing University, 2003. 204 p.
6. Pan Qingyun. *Otsenka kitaiskogo yuridicheskogo yazyka* [Assessment of Chinese Legal Language]. Beijing, Han Yui Da Zydyan Publ., 2004. 600 p.
7. Sapir E. *Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi* [Language. An introduction to the study of speech]. Beijing, Kommercheskaya Pressa Publ., 1964. 142 p.
8. *Strana, natsional'nost' i yazyk: etnolingvisticheskie stranovedenie* [Country, nationality and language: ethnolinguistic geography]. Beijing, National Institute of Chinese Academy of Sciences Publ., 2003. 277 p.
9. Song Beiping. *Yuridicheskii yazyk* [Legal language]. Beijing, China University of Political Science and Law Publ., 2012. 400 p.
10. U Weiping. *Yuridicheskii yazyk – lingvisticheskoe issledovanie v sudebnoi sfere* [Legal language – linguistic research in the judicial field]. Shanghai, SFLEP Publ., 2002. 205 p.
11. Zhang Faliang. *Issledovanie yuridicheskogo yazyka* [The study of legal language]. Jinan, Shandong University Publ., 2017. 286 p.
12. Chen Gaming. [The legal status and role of the legislative bodies of China and the United States]. In: *Narodnyi Kongress Kitaya* [People's Congress of China], 2014, no. 13, pp. 51–53.

13. Shen Shujun. [A comparative analysis of causes and factors of legal belief formation in China and the West]. In: *Vestnik universiteta Ninsya (izdanie po gumanitarnym i obshchestvennym naukam)* [Ningxia University Bulletin (Humanities and Social Sciences Edition)], 2015, no. 1, pp. 147–152.
14. Justinian. *Svod grazhdanskogo prava Yustiniana* [Civil law of Justinian]. Beijing, Kommercheskaya Pressa Publ., 1989. 242 p.
15. Levi J. N. Language as evidence: the linguist as expert witness in North American courts. In: *The International Journal of Speech, Language and the Law*, 1994, vol. 1, no. 1, pp. 1–26.
16. 董静姝. 论凯尔森对自然法学的批判及其对中国法学的启示[J]. 西南民族大学学报 (人文社会科学版), 2015. 107–111页.
17. 刘巧兴. 中国法律词汇语义演变的诱因探讨[J]. 社会纵横, 2014. 70–71页.
18. 刘艳芬, 周玉忠. 美国20世纪语言政策述评[J]. 山东外语教学, 2007 (15). 42–45页.
19. 莫敏. 试论语言与法律的相互作用及影响[J]. 社科论坛, 2008 (2). 101–105页.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ши Лэй – кандидат филологических наук, старший преподаватель Китайско-российского института Цзянсуского педагогического университета;

e-mail: shileiweila@yandex.ru

Чжао Чжицянь – кандидат филологических наук, старший преподаватель Сюйчжоуского технологического института;

e-mail: peterzhiqiang@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shi Lei – PhD in Philological Sciences, chief lecturer at China-Russia Institute, Jiangsu Normal University; e-mail: shileiweila@yandex.ru

Zhao Zhiqiang – PhD in Philological Sciences, chief lecturer, Xuzhou University of Technology; e-mail: peterzhiqiang@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ши Лэй, Чжао Чжицянь. К вопросу о взаимодействии языка и права с юрлингвистической точки зрения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 97–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-97-105

FOR CITATION

Shi Lei, Zhao Zhiqiang. The question of the interaction of language and law from a juridical point of view. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 6, pp. 97–105.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-97-105

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-106-108

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.155.04

Максименко О. И., Евграфова Ю. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE DISSERTATION COUNCIL D 212.155.04

O. Maksimenko, Yu. Evgrafova

Moscow Region State University

24 ulitsa Very Voloshinoi, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Оценка научной составляющей российских университетов производится по многим критериям – количеству научно-исследовательских грантов, объёму проведённых НИР, участию и победам студентов, магистрантов и аспирантов университета в олимпиадах и других научных мероприятиях разного уровня, но наличие в университете эффективно действующих диссертационных советов по-прежнему остаётся надёжным маркером университета как учебного и научного учреждения самого высокого уровня. Требования как к членам диссертационных советов, так и к уровню защищаемых в советах диссертаций чрезвычайно высоки.

Докторский диссертационный совет Д 212.155.04, созданный 25 лет назад на базе МГОУ (в то время МПУ) и работающий на лингвистическом факультете ИЛиМК МГОУ, проводит защиты по двум наиболее востребованным лингвистическим специальностям: 10.02.19 – теория языка и 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание. Основной стержень совета составляют известные учёные, сотрудники лингвистического и романо-германского факультетов ИЛиМК МГОУ – доктора филологических наук, профессора И. И. Валуйцева, Н. Г. Епифанцева, И. Г. Жирова, М. Н. Левченко, О. И. Максименко, В. В. Ощепкова, Л. А. Телегин, Г. Т. Хухуни и многие другие, и представители других вузов Москвы – доктора наук, профессора Е. А. Красина (РУДН), А. А. Лебедева (ВГЮУ (РПА) Министерства юстиции России), А. А. Осипова (МГПУ), Л. К. Свиридова (МГПУ), О. П. Крюкова (НИУ МИСиС).

В 2019 г. в совет было представлено и защищено 20 диссертаций, из них 3 докторских, по самому широкому диапазону тем, отражающих состояние современной лингвистики. Так, в докторской диссертации Н. А. Ахреновой (10.20.19, научный консультант профессор О. И. Максименко) «Доминанты современной интернет-лингвистики» обосновывается и подтверждается существование интернет-лингвистики как уже сформировавшейся научной лингвистической дисциплины со своими целями,

методами, теоретическим потенциалом. Докторская диссертация Е. А. Шимко (10.02.20, научный консультант профессор А. Е. Гусева) «Экспликация культурных ценностей в лексико-фразеологических системах родственных языков» посвящена сопоставительному изучению важной лингвокультурологической проблемы в немецком и русском языках в этнолингвистическом аспекте. Докторская диссертация Н. В. Соловьевой (10.02.20, научный консультант профессор В. В. Ощепкова) «Реализация категории оппозиции в фольклорном дискурсе (на материале английского и русского языков)» раскрывает сущность фольклора как источника национально-культурной, этнографической и лингвокультурологической информации. Автором предложен оппозиционный метод исследования фольклора, который можно экстраполировать и на исследование текстов иных жанров. В 2019 г. в совете успешно защитились 8 аспирантов ИЛиМК МГОУ, из них трое по специальности «Теория языка». Диапазон тем по этой специальности также очень широк – от функций латинского языка в современном мире и языковой архитектоники рекламных слоганов до лингвостилистических и когнитивно-прагматических особенностей тревел-блогов. Однако большая часть кандидатских диссертаций была защищена по специальности «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», что отражает высокий интерес исследователей к межкультурной коммуникации в разных её проявлениях. Диссертанты изучали самые разные языковые явления в английском, немецком, французском, китайском языках как в синхроническом («Заимствования в современном французском языке и проблема их передачи на русский язык (на материале научно-технических текстов)», Ю. А. Сахаров, научный руководитель профессор Н. Г. Епифанцева), так и в диахроническом аспектах («Лексико-стилистические

особенности диахронического перевода на материале англосаксонской поэмы “Беовульф”», М. П. Баева, научный руководитель профессор Г. Т. Хухуни). Кроме докторантов и аспирантов ИЛиМК МГОУ, в совете защищаются соискатели и из других вузов Москвы – МГПУ, МПГУ и регионов России (Волгоград, Коломна).

Оппонентами по защищаемым в совете диссертациям выступают ведущие специалисты по обеим специальностям. В качестве коллективного оппонента диссертационные работы рецензировали такие вузы, как Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Кубанский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Военный университет Министерства обороны РФ, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Дальневосточный федеральный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Башкирский государственный университет, Московский городской педагогический университет, Самарский государственный социально-педагогический университет и др. Работы оппонировали известные учёные – доктора филологических наук, профессора В. А. Пищальникова, О. Д. Вишнякова, Н. В. Юдина, О. С. Чеснокова, В. Л. Завьялова и многие другие. Представленные на защиту исследования неизменно вызвали научный интерес членов совета и сопровождались широкими дискуссиями.

Благодаря эффективной работе репутационный уровень докторского диссертационного совета Д 212.155.04 очень высок, и уже назначен ряд защит на 2020 г., включая докторские работы и защиты выпускников аспирантуры лингвистического факультета МГОУ. Всё это подтверждает научную состоятельность и значимость научной лингвистической школы лингвистического факультета ИЛиМК МГОУ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, председатель докторского диссертационного совета Д. 212.155.04

Евграфова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета, учёный секретарь докторского диссертационного совета Д. 212.155.04

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga I. Maksimenko – Doctor in Philological Sciences, Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Linguistic Faculty at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Chairman of the doctoral dissertation council D. 212.155.04.

Yulia A. Evgrafova – PhD in Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Indo-European and Oriental Languages of the Linguistic Faculty at Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University, Scientific Secretary of the Doctoral Dissertation Council D. 212.155.04

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Максименко О. И., Евграфова Ю. А. Научная деятельность диссертационного совета Д 212.155.04 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 6. С. 106–108.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-106-108

FOR CITATION

Maksimenko O. I., Evgrafova Yu. A. Academic Activity of the Dissertation Council D. 212.155.04. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2019, no. 6, pp. 106–108.

DOI: 10.18384/2310-712X-2019-6-106-108

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) «Вестника Московского государственного областного университета»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по наукам, соответствующим названию серии. Журналы также включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА
2019. № 6

Над номером работали:

Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик Н. Г. Юрышева
Корректор И. К. Глузунов
Компьютерная верстка – А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п.л. 7, уч.-изд. л. 8,25.
Подписано в печать: 30.12.19. Выход в свет: 23.01.20. Заказ № 2019/12-15.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А